

201

НА БОЕВОМ ПОСТУ

5.1989

И вновь к нам пришел День Победы, теперь уже 44-й по счету. Повзрослел и возмужал наш прекрасный и волнующий праздник. Но сколько бы ни прошло лет с майских дней 45-го года, никогда не забудется великий подвиг советского народа и его армии во имя спасения Отечества от ненавистного всему человечеству фашизма.

Мы много узнали за минувшие десятилетия и доброй, и горькой правды о войне. И будем знать еще больше. Придет время, что и в этой небывалой в истории битве не останется так называемых белых пятен. Так велят перестройка, гласность, демократизация нашего общества.

Но всегда с нами будет память о тех, кто в яростных атаках, в нечеловеческих лишениях и тяготах приближал День Победы как мог.

Память сердца вечная и тревожная. Она зовет нас к открытию новых имен героев, уважению к подвигу. Ибо подвиг — это не просто бой или военная операция, это прежде всего солдат, грудью прикрывший Отчизну...

Здравствуй, День Победы!

5.1989

НА Боевом Посту

Издается с 1958 г.

Открытое письмо генерал-майору внутренней службы В. И. Сныцереву «Не бороться, а сотрудничать», опубликованное в нашем журнале [1988, № 10], вызвало немало читательских откликов.

с. 11.

Роль официанта по привычке услужливо сыграл Наджаев. Ему сразу же был выписан пропуск на право передвижения без конвоя...

с. 28.

Командиры и политработники войск ждут современной методики для обучения и воспитания молодых солдат на учебном сборе. А пока новых рекомендаций, пособий, идущих от жизни, нет — рассчитывать приходится на собственные творчество и инициативу.

с. 35.

В НОМЕРЕ:

КУРСОМ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

ЛЫСИКОВ П. Углубляя демократию 3
МАЛЫШЕВ П. Органичная часть перестройки 9

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: РАЗДУМЬЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СИГНАЛЫ 5

К 70-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА О ВОЙСКАХ ВНУТРЕННЕЙ ОХРАНЫ РЕСПУБЛИКИ

ЛАВРОВСКИЙ Б. Рожденные революцией 21

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«Не бороться, а сотрудничать» 11

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОЙСК

ЩЕРБАКОВ М. А звезды такие далекие 14

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

КУРОПАТКИН А. «Собачник» или специалист? 23
УГОЛЬКОВ М. К здоровью — без лекарств 68

ЗАКАВКАЗЬЕ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ

КАРПОВ Б. Встречи на раненой земле 26

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

ДОРОНИН Н. Перемены зависят от нас 18
АРТЮХОВ Е. В чьих руках «Кирпичный флаг» 43

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

МАСЛЕННИКОВ Г., ГОНДУСОВ В. Не по наезженной колее 35

УСТАВ И МЫ

МЕЛЬНИК А. А прозрение неминуемо 45

В ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

ШАПОШНИКОВ В. Едет в роту партбюро 49
ВИСКОВ М. Собрание... «в грубой форме» 51

Когда в вагон садился генерал Ренненкампф (по кличке «Желтая опасность»), Самсонов треснул его по красной роже:

— Вот тебе, генерал, на вечную память...
Носи!

с. 76.

НА НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ:

С. 1 — Лычевы. Ветеран внутренних войск майор в отставке Владимир Иванович Лычев с внучкой Катей.

Фото старшего прапорщика
А. АЛЕКСАНДРОВА.

ПУБЛИЦИСТИКА

АСТАШИН В. Операция «Боцман», или Гипноз глупости	28
Молодежный клуб «Пульс»	
БОРОВИК А. Каков он, солдат армии США...	52
ГРИНЮК М. Однажды солгал себе	57

РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЙ

РАЖЕВ Ю. Дорожить честью советского воина	59
КОТЕНЕВ С. Прапорщики и надежность охраны объектов	64

5 МАЯ — ДЕНЬ ПЕЧАТИ

АДОРИНСКИЙ В. Шли в бой военкоры	70

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

ЛЕОНОВ В. Граница проходит в Москве	72

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

КАРАПЕТЯН Р. Валентин Пикуль: «Спешите утверждать себя!»	74
ПИКУЛЬ В. Исторические миниатюры	76
ПОЛЯКОВ А. Суд чести (повесть)	86
Стихи	94

В ЧАСЫ ДОСУГА	95

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, Г. А. Малюшкин, Г. М. Масленников, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, А. В. Пономарев (ответственный секретарь), Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокк, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. А. Богданова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250. Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: боевой службы — 361-85-23, пропаганды — 361-82-87, обучения и воинского воспитания — 361-86-27, партийно-политической работы — 361-81-54, литературы, культуры и быта — 361-85-28, писем и информации — 361-89-39, издательства и подписки — 361-80-97.

Сдано в набор 6.03.89.
Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Уч.-изд. л. 11,5.
Г-25912

Подписано к печати 20.4.89.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.

Зак. № 542 Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошёвское шоссе, 38.

Углубляя демократию

211

Полковник П. ЛЫСИКОВ, член Совета МВД СССР, начальник политического отдела орденов Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменной дивизии имени Ф. Дзержинского, рассказывает о деятельности нового совещательного органа в системе Министерства внутренних дел СССР

— Павел Тихонович, многие наши читатели знают из короткого сообщения, опубликованного в прошлом номере журнала, о Совете МВД только то, что он существует. А некоторые, уверен, не знают и этого, ибо информация о его деятельности, увы, пока скудна. Так что же представляет собой Совет МВД СССР!

— Совет создан в целях более органичного сочетания единоначалия и коллегиальности, расширения демократических начал в работе Министерства внутренних дел. А то, что о нем известно немногим, вполне объяснимо — Совет относительно молод, нет пока и полугода, как принято решение о его создании.

— Расскажите, пожалуйста, о составе Совета. На ваш взгляд, по какому принципу он подобран!

— Членов Совета МВД — сто одиннадцать. Кстати, даже «неокруглость» этой цифры свидетельствует о том, что подбор людей осуществлялся не «номенклатурно» и не от какого-либо заданного параметра, а по деловым качествам. Не из желания польстить другим, а истины ради скажу: это настоящие специалисты в различных областях, так или иначе связанные с деятельностью органов внутренних дел и внутренних войск. Начальник Политуправления МВД СССР, министр внутренних дел республики, начальник отделения уголовного розыска, заместитель начальника ИТК, писатель, секретарь райкома партии, командир оперативного комсомольского отряда дружинников, доцент высшей школы милиции, журналист — профессиональная палитра, как видите, достаточно богата и разнообразна.

— Неужели, действительно, мнение дружинника может взять верх над мнением того же министра внутренних дел республики! Нет ли здесь известной натяжки: мол, выступить, высказаться вправе все, а уж решать будут исключительно «верхи»? Согласитесь, и сейчас еще такое — не редкость.

— В том-то и дело, что никакой разницы по табели о рангах на первом заседании Совета МВД СССР (а оно было совместным с заседанием коллегии МВД СССР)

не ощущалось. Полагаю, что так будет и впредь. Напротив, обстановка создалась творческая, демократичная, поистине деловая. Почти семь часов продолжались прения, выступило около тридцати человек. И каждый говорил столько, сколько считал нужным, — регламент намеренно не устанавливался. Скажу больше: некоторые выступавшие в пылу полемики заметно уклонялись в сторону от обсуждаемых вопросов, переводили в общем-то государственный разговор в русло деятельности своего учреждения. Им не мешали.

— Вот вы говорите о многочасовых прениях и дебатах на первом, мартовском заседании Совета. Если не секрет, какие проблемы породили столь жаркие дискуссии!

— Отвечу коротко: перестройка стиля и деятельности МВД СССР. Речь шла и о правах и обязанностях советской милиции, и в целом о совершенствовании форм и методов работы органов внутренних дел в условиях формирования социалистического правового государства. А здесь, уверяю вас, есть о чем поговорить и поспорить. Тем более что иные предложения членов Совета буквально удивляли смелостью и неординарностью подхода.

Бесспорно, деловой настрой заседанию придало выступление председателя Совета МВД, Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. В. Бакатина, яркое по публицистическому накалу и конструктивное по содержанию. Четко и обстоятельно изложил он основные принципы концепции перестройки органов внутренних дел. Цель — совместно с другими правоохранительными органами обеспечить надежную защиту интересов общества, государства, личности от противоправных посягательств, создать атмосферу гарантированной безопасности и порядка на территории всей страны. Не понимать это — значит отставать от времени. Сложилась такая ситуация, что некоторые товарищи во главу угла своей деятельности положили борьбу за соблюдение социалистической законности, считая это насущной, главной, едва ли не единственной задачей. Опасное заблуждение. Соблюдение социалистической законности — не самоцель, не предел усилий работников МВД, а непре-

меньшее условие успешного функционирования нашего аппарата. Такое же обязательное, как четкие идеологические позиции, с которых надлежит рассматривать все явления и процессы, как верность социалистическим идеалам, как неприятие формализма и непримиримая борьба с бюрократизмом, высокая культура.

К решающим условиям достижения цели перестройки, как отметил председатель Совета, необходимо отнести широкое развитие демократических начал в деятельности органов МВД, укрепление связей с государственными и общественными организациями, укрепление кадрового потенциала, техническое перевооружение органов внутренних дел, повышение уровня управления ими.

Запомнилось приведенное в выступлении Министра сравнение — ведомственность разъедает все и вся, как ржа. Действительно, скольким серьезным происшествиям и нарушениям у нас в войсках предшествовали так называемые «острые углы» взаимодействия частей и администрации ИТУ. Стоит кому-либо пожертвовать добрыми отношениями и укрыться за щитом внутриведомственных интересов во вред общему делу — жди беды. И потому работать следует единым фронтом.

С большим вниманием выслушали члены Совета доклад первого заместителя Министра внутренних дел СССР генерал-полковника внутренней службы В. П. Трушина, который детально остановился на особенностях деятельности органов внутренних дел в условиях демократизации и гласности. Охарактеризовав специфичность задач этого периода, он аргументированно доказал, что судьба перестройки в немалой степени зависит от качественной работы правоохранительных органов.

— Пусть без привязки к конкретным выступающим, но какие предложения заинтересовали вас больше всего?

— Почти все выступления были проникнуты заботой об охране общественного порядка. А ведь эта сфера и нам небезразлична. Особенно теперь, когда задачи внутренних войск по охране общественного порядка значительно усложнились.

То там, то здесь в печати раздаются озабоченные голоса: с каждым годом падает престиж милиции. Разводим руками перед публичной констатацией факта. А что мы сделали для того, чтобы он, престиж, рос? Практически ничего. Только один нюанс: сколько их, рядовых сотрудников милиции, геройски погибло в борьбе с преступностью — десятки, сотни, тысячи. А помним ли мы работников милиции, отменных боевыми наградами за мужество и самоотверженность, проявленные при исполнении служебного долга? К примеру, вы сразу можете назвать одну-две фамилии? А ведь они есть. Милиция — плоть от плоти народа — в данном случае вниманием обойдена.

Довольно серьезно на Совете обсуждал

ся вопрос о создании (или воссоздании?) отрядов рабочей милиции. Причем выяснилось, что идея эта — многовариантна. Правда, пока еще рано говорить о ее практической реализации, но разве не заслуживает внимания, например, такое предложение: прикомандировывать на три-четыре месяца к отделениям милиции рабочих с заводов, дабы приблизить милицию к трудовым коллективам и наоборот.

— А не во вред ли экономическим показателям предприятий подобная практика?

— Убеден, что от завуалированных хищений и зачастую неприкрытых краж то же предприятие несет гораздо больший ущерб. Если же в цехах будут работать вчерашние и потенциальные сотрудники милиции на общественных началах, вряд ли расхитители смогут рассчитывать на вольготную жизнь. Впрочем, отчасти вы правы, здесь есть над чем поразмыслить. Потому и полемизировали.

— Но это лишь один из вопросов. А о чем еще говорили на заседании Совета!

— Круг обсуждаемых проблем был настолько широк, что выделить из него отдельные по степени важности непросто. Вели речь о гарантиях правовой защищенности сотрудника ИТК (а следовательно, и контролера), о необходимости материального стимулирования работника милиции (а почему бы и не офицера и прапорщика внутренних войск?), о налаживании четкой системы подбора кадров в органы (значит, и улучшении качества отбора в наши войска), включая серьезную профориентацию школьников старших классов, и о многом другом.

Но если вам покажется, что многообразие и количество обсуждаемых вопросов пошло во вред качеству итоговых документов, вы ошибетесь. На самом деле говорили конкретно, по существу, ведь то, что я перечислил, — аспекты одной актуальной задачи — перестройки деятельности МВД на современном этапе, этапе демократизации всех сторон нашей жизни. И именно Совет МВД СССР — и результат, и условие ее дальнейшего совершенствования в органах внутренних дел и внутренних войсках.

— А вы, Павел Тихонович, как представитель внутренних войск, выступили на заседании!

— На первом — нет: всему свое время. Но и отмалчиваться я не намерен. Слишком много накопилось проблем, требующих незамедлительного решения. Вот и будем решать. Впрочем, одно предложение я готов высказать уже сейчас: желательно ускорить разработку Положения о Совете, его компетенции и правах. Это упрочит наше положение.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- ДВАЖДЫ В ГОД — В ДОРОГУ
- ЗАМПОЛИТ В БУМАЖНЫХ ПУТАХ
- «ПРАПОРЩИК» ИЛИ «СТАРШИНА»?
- НАС СПРАШИВАЮТ, НАМ ОТВЕЧАЮТ

ПРОБЛЕМА ТРЕБУЕТ РЕШЕНИЯ

ЗА ПОПОЛНЕНИЕМ...

Предлагаю на страницах журнала обсудить в духе гласности вопросы, связанные с организацией призыва новобранцев на военную службу. Ведь от успешного решения их во многом зависят дальнейшие наши шаги вперед.

Проблема эта меня волнует давно и всерьез. Не первый год мне приходится выезжать за пополнением, так что на собственном опыте убедился, как много в этом деле неразберихи.

Зачастую у нас в части огульно подходят к подбору офицеров, прапорщиков, направляемых за новичками. Доверяют выполнять эту совсем не простую задачу людям случайным, тем, кто подвернется под руку... Такой «дилетант», плохо проинструктированный, а то и просто недобросовестный, привозит смену, от которой потом многие командиры подразделений плачут горячими слезами.

Или взять другую крайность: всех кандидатов для поездки за пополнением непременно собирают на сбор. Срывают за сотни километров, причем и тех, кому предстоит заниматься этим впервые, и тех, кто на этом «собаку съел». Целесообразно ли это? Не уверен. Вот я побывал недавно в соединении на сборе, и ничего нового он к моим знаниям не добавил. Время же, и немалое, было потрачено. Да и материальные издержки здесь не следует сбрасывать со счетов. Неужели коман-

диру части не по силам решать такие вопросы на месте?

А сколько возникает накладок с приобретением билетов туда и обратно? А в каких условиях приходится жить и работать нам в местах расположения призывных пунктов? В гостиницу или общежитие не всегда устроишься. Случается, не выделяется на пункт элементарной комнаты, где можно спокойно, углубленно изучить документы на призывников, встретиться с ними... Это чревато тоже негативными последствиями.

Некоторые офицеры, прапорщики, чтобы наладить более тесный контакт с работниками призывных пунктов, задабривают их разными «зековскими» поделками. Разве это дело?

К сожалению, многие из нашего брата подчас весьма смутно знают документы, регламентирующие порядок отбора молодого пополнения для войск. А как можно предъявлять претензии при возникающих сомнениях, если толком не представляешь, вправе ты отказываться от тех или иных навязываемых новобранцев?

Кто хотя бы раз вез новичков к месту службы поездом, знает, какие тут нужны нервы, воля, изворотливость...

Короче, каждая командировка за пополнением чаще всего напоминает бег с препятствиями.

Майор П. ПОЖИДАЕВ.

НЕ ХВАТАЕТ ДОВЕРИЯ

Любой воинский коллектив нуждается в лидере, которому люди могли бы доверить выражение своих интересов, защиту прав, который был бы способен увлечь их, повести за собой. Им, лидером, по моему мнению, может и должен стать политработник—человек, преданный своему делу, осознающий необходимость качественных перемен в ратном труде, способный ломать инерцию и рутину, творчески проводить линию на обновление всех сфер жизни и деятельности войск.

И тут сразу напрашивается вопрос: всегда ли ротный политработник, действующий нестандартно, отходящий от многих привычных норм, искренне болеющий за дело, находит поддержку в политотделе? Увы, не всегда. Политотдел нередко еще по старинке оценивает заместителя командира роты по политчасти количеством всевозможных бумаг, то бишь планов, отчетов, сведений и т. п.

Если скрупулезно ведется план партийно-политической работы, вовремя оформляются протоколы партийных и комсомольских собраний, конспекты для политических занятий—значит, работа идет. И когда в подразделение прибывает «для оказания практической помощи» представитель политотдела, он начинает свою работу с ко-

пания в документах и заканчивает составлением справок по итогам командировки.

Такой стиль работы порождает ответную реакцию, которую можно выразить устоявшимся афоризмом: «Провел мероприятие—запиши, не провел—запиши дважды». Подобный подход к работе порождает бумаготворчество и текучку.

Недавно мы, ротные политработники, получили новое указание—иметь что-то вроде контрольного листа мероприятия; введенных с личным составом. Лист тот разбит на графы по числу дней в месяце, куда надо заносить планируемые мероприятия. Вещь вроде бы удобная. Но для всех ли? Для меня, например, нет. Ведь суть плана не меняется, просто в работу вносятся еще одно бюрократическое новшество, предлагающее переписывать мероприятия из плана в лист контроля. И хотя политотдел части ссылается на то, что есть соответствующее указание политоргана соединения, меня этот довод не убеждает.

Не пора ли остановить этот поток? Пусть политработник оторвется от многочисленных справок и докладных, тогда у него будет больше возможности заниматься воспитанием личного состава, расширять свой кругозор, культурный и профессиональный уровень. Нельзя забывать, что солдаты и

ДВА ПИСЬМА НА ОДНУ ТЕМУ

О ФОРМЕ ПО СУЩЕСТВУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ:

**«ДЛЯ НАС
ЭТО НЕ МЕЛОЧИ»**

Говорят, у нас есть целый институт по разработке формы одежды военнослужащих, но создается впечатление, что он оторван от жизни и товарищи, там творящие, совсем забывают о практичности тех или иных предметов обмундирования.

В связи с этим выскажу некоторые предложения.

Надо, на мой взгляд, вернуться к воротникам рубашек, которые не теряют форму после первой же стирки. Неплохо было бы ввести вместо матерчатых галстуков—капроно-

вые. Их легко стирать, увеличится значительно срок их носки. Или взять рубашечные погоны—они под воздействием влаги гнутся, ломаются. Чтобы спасти их от деформации, мы вынуждены пользоваться различными гибкими вставками. А не проще ли все это предусмотреть и дать нам удобные и качественные погоны? И последнее. Пришло время всерьез подумать об обуви. В частности, нужна на период слякоти резиновая обувь. Естественно, ее предварительно следовало бы утеплить...

**Старший прапорщик
АЛЕХИН.**

*Ордена Красной Звезды
УВВ по Северному Кавказу и Закавказью.*

ПИСЬМО ВТОРОЕ:

**«ПОГОНЫ...
НЕ ПО ЗВАНИЮ»**

Немало наших военнослужащих несут службу по охране общественного порядка в милицмейской форме. Нет сомнения, что это оправданно. Но есть тут вопрос, который требует решения: форма работника милиции не предусматривает погон прапорщика и старшего прапорщика. Военнослужащие, имеющие эти звания, ныне носят одинаковые знаки отличия—старшинские галуны.

Предлагаю привести погоны прапорщика и старшего прапорщика в соответствие со званием.

**Старший прапорщик
М. ИВАНОВ.**

Приволжское УВВ.

сержанты хотят видеть в политработнике компетентного наставника.

А как стать таким? Считаю, что даже учебные сборы, совещания, семинары, обмен передовым опытом в полной мере не заменят самообразования. Но нужно время, чтобы почитать газетную и журнальную периодику, специальную и художественную литературу, сходить в кино, театр. Особенно это важно для молодых политработников, которые в идеале должны хорошо владеть марксистско-ленинской диалектикой, разбираться в законах общественного развития, проблемах национальных отношений, этике, педагогике, психологии, литературе, искусстве...

Во многом здесь повинны военные училища. Учеба в них проходит пока в обстановке регламентированной казарменной жизни, где будущий офицер практически не отличается от солдата. И после окончания вуза не каждый может сразу перестроиться, в результате в войска приходит человек, который владеет воинскими навыками, но подчас психологически и морально не готов быть руководителем-воспитателем. И как защитная реакция лейтенантов—грубость, пренебрежительное отношение к подчиненным. Кроме того, в роте ими стараются «затыкать все дырки». Так формируется человек, которому не только

нет времени работать над собой, но и забывающий знания, полученные в училище.

И о последнем, давно наболевшем — о политических занятиях. Часы тратишь на конспект по каждой теме, а потом думаешь: ради чего я переписываю разработку из какого-то пособия или журнала, не лучше ли побольше наметить вопросов, по которым вероятней всего пойдет речь в группе? Наверное, это делается ради галочки, чтобы избежать упреков проверяющих.

В роте, где я служу, личный состав всех взводов находится на занятиях в одни и те же часы. Почему бы не дать нам возможность формировать группы не из штатных взводов, а в зависимости от сроков службы, уровня подготовленности солдат, знания русского языка? Ведь солдаты и сержанты второго года службы откровенно недоумевают вслух: «С этой темой меня знакомили год назад, зачем же снова возвращаться к ней?»

В общем, проблем и нерешенных вопросов у ротных политработников предостаточно. Многие из них нам по плечу. Чего же не хватает? Одного—доверия со стороны политорганов и командиров.

Старший лейтенант А. КАПЕЛЬНИКОВ,
заместитель командира роты по политчасти.

ПОСТУПИЛ СИГНАЛ

А ЖУРНАЛЫ ЛЕЖАТ НА ПОЧТЕ...

В редакцию поступил сигнал из Саратовского высшего военного командного Краснознаменного училища имени Ф. Э. Дзержинского о том, что подписчикам не доставляют наш журнал.

При проверке выяснилось, что журналы в адрес училища издательство «Красная звезда» высылаю полностью и своевременно. Не составило большого труда найти пропажу, которая спокойно лежала в почтовом отделении, и доставить ее по назначению.

Вопрос, таким образом, был урегулирован. Но полного удовлетворения это у нас не вызвало. Дело в том, что организаторы подписки — работники политотдела училища вместо того, чтобы самим на месте разобраться в причинах недоразумения и устранить их, пребывали в роли сторонних наблюдателей.

И что характерно, подобного рода накладки встречаются и в других местах. Нередко допускаются ошибки и при оформлении заказов. Вот почему считаем нелишним напомнить всем, кто занимается подпиской и осуществляет контроль за поступлением периодики в подразделения, что в случае несвоевременной доставки корреспонденции надо прежде всего обратиться к начальнику почтового отделения или начальнику городского агентства «Союзпечати», проверить наличие доставочных документов и поступление журналов.

Подробная справка о правилах подписки опубликована в четвертом номере журнала за этот год.

Подполковник Л. СЕНОКОСЕНКО,
начальник отдела издательства.

ОТ РЕДАКЦИИ. Оба письма мы направили в Главное управление материально-технического и военного снабжения МВД СССР. Как нам сообщил начальник Управления вещевого снабжения ГУМТВС МВД СССР полковник внутренней службы В. Мащенко, высказанные гг. Алексиним и Ивановым мысли доведены до специалистов ЦЗУ МО СССР. По информации оттуда, в настоящее время все предложения, поступающие от военнослужащих по вопросам норм снабжения, формы одежды и качества предметов обмундирования, обобщаются. Некоторые идеи нашли уже свое отражение в образцах новой формы одежды, которая скоро начнет поступать в войска.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«РОСЧЕРКОМ ПО СУДЬБАМ» (1988, № 9)

Командир соединения сообщил, что статья обсуждена на совещании командования. Командирам подразделений, офицерам, отвечающим за организацию контролерской службы, дополнительно разъяснены требования Положения о прохождении военной службы прапорщиками.

Обращено внимание офицеров на недопущение впредь случаев бездушного подхода к людям при увольнении их по сокращению штатов, на широкое использование мнения общественности. В части направлены необходимые рекомендации.

ОТ РЕДАКЦИИ. Около трех месяцев понадобилось командованию, чтобы подготовить этот, с позволения сказать, ответ на критическую статью, вообще-то больше напоминающий отписку. Так ли уж нужны были специалистам дополнительные разъяснения документов, которыми они постоянно руководствуются! И только ли при увольнении людей из войск не следует проявлять «случаев бездушного подхода»? Думается, полученный ответ — образец того, каким НЕ должно быть реагирование на критическое выступление журнала. Как по срокам, так и по содержанию.

«...А ОТ НАС ОТМАХНУЛИСЬ» (1989, № 3)

Так было озаглавлено письмо матери военнослужащего срочной службы Л. Нестеровой.

Редакция получила ответ начальника УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири генерал-майора В. Теплинского.

Факты полностью подтвердились. Командир роты капитан В. Савин и его заместитель по политической части старший лейтенант В. Колпаков проявили черствость и невнимательность к нуждам подчиненного и его близких. С обоими офицерами командиром части проведена беседа, им объявлено дисциплинарное взыскание.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

НЕ ВСЕ НАРЯДЫ ХОРОШИ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Группа военнослужащих-женщин обратилась в журнал с жалобой на то, что их незаконно назначают дежурными по штабу и в другие наряды для несения гарнизонной, караульной и внутренней служб.

В поступившем в редакцию ответе на запрос по письму полковник В. Хотин сообщил, что факты, изложенные в жалобе старшего сержанта Е. Чернышовой и других военнослужащих-женщин, действительно имели место. Командиру части дано соответствующее распоряжение о недопустимости нарушения приказа.

ПРИКАЗ ОТМЕНЕН

С майора В. Кабанова приказом по части удержали 290 рублей. Причина — якобы слабый контроль за деятельностью подчиненного командира подразделения, допустившего утрату материальных ценностей.

Попытки Кабанова доказать, что в связи с непродолжительным пребыванием в должности командира батальона он не мог вникнуть в дела ротного, ни к чему не привели. Не отреагировали в части и на замечание привлеченного к материальной ответственности офицера, что приказ состоялся без проведения положенного в таких случаях служебного расследования.

После обращения майора Кабанова в журнал жалоба была рассмотрена в УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири. В ответе, направленном в редакцию генерал-майором В. Теплинским, сообщается, что с командиром батальона поступили незаконно. Командиру части дано указание об отмене приказа.

Наш адрес:

111250, г. Москва, Е-250;

редакция журнала
«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ОРГАНИЧНАЯ ЧАСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Мартовский Пленум ЦК КПСС войдет в историю партийных форумов особой строкой. Он выработал и предложил народу новую аграрную политику, реализация которой сможет возродить крестьянина как хозяина на земле, надёжно решить продовольственную проблему.

Какими же методами, способами, формами хозяйствования на общенародной земле возродить сельского труженика в качестве действительного хозяина земли, техники, скота и птицы, продукции? Этот вопрос решен Пленумом в духе демократизма социалистического хозяйствования. Единая общенародная собственность на землю может быть на деле, фактически и экономически реализована лишь в своих конкретных многообразных формах. Это многообразие объективно порождено спецификой условий колхозно-совхозного производства в рамках различных почвенно-климатических, транспортных, национальных условий. Вот почему вопрос о формах хозяйствования (аренда, бригадный и семейный подряд, внутриколхозная и внутрисовхозная аренда, крестьянское хозяйство, хуторская ферма) должен решаться непосредственно самими трудовыми коллективами.

На Пленуме подчеркивалось, что все хозяйственные формы могут тесно взаимодействовать в социально-экономической структуре нашего общества, сосуществовать между собой, дополнять друг друга, на деле доказывать свою эффективность и перспективность. Но главное все же состоит в том, чтобы через новые формы хозяйствования раскрыть огромный потенциал, заложенный в колхозах и совхозах, осуществить то, что было задумано при переходе к коллективным формам труда.

Развитие арендных отношений в деревне — сегодня один из решающих путей перестройки отношений социалистической собственности в аграрном секторе. Именно аренда позволит наиболее полно реализовать ленинскую идею активного включения личного интереса, возратить труженику чувство хозяина, будет стимулировать его творческие возможности.

Но аренда не является альтернативой колхозам и совхозам, которые по мере ее развития перейдут на внутрихозяйственную аренду, преобразуются на основе создания кооперативов арендаторов. Нельзя недооценивать и того, что без нынешних колхозов и совхозов арендатору просто не обойтись. Речь идет о снабжении средствами производства и сбыта произведенной продукции, получении многочисленных жизненно необходимых услуг, использовании развитой инфраструктуры. Об этом свидетельствует и опыт многочисленных кооперативов не только в социалистических, но и в капиталистических странах. Повсюду кооперативы и крестьянские хозяйства нуждаются в той или иной мере в объединении усилий для удовлетворения производственных и социальных потребностей.

В докладе М. С. Горбачева на мартовском Пленуме ЦК КПСС обоснован и такой важнейший элемент новой аграрной политики, как высокая эффективность полного хозрасчета арендных подразделений колхозов и совхозов. Это коренной вопрос новых методов хозяйствования. Приведены на этот счет весьма убедительные данные. За 1961—1988 гг. в сельское хозяйство направлено 884 млрд. рублей капитальных вложений. В АПК сегодня имеется основных производственных фондов около 360 млрд. рублей и 68 млрд. рублей — в обрабатывающей промышленности. За последние 10 лет энерговооруженность на селе, поставки техники, удобрений увеличились примерно в 1,5 раза. И от этого огромного потенциала необходимой отдачи мы не получаем. В результате продукция дорожает, а фондотдача и рентабельность находятся на низком уровне. Вот она, затратная экономика, с ее негативными, разорительными для общества последствиями. Возьмем Прибалтийские республики. За последние 20 лет основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения возросли: в Литве — почти в 2,5 раза, в Латвии — в 3,8 раза, в Эстонии — более чем вчетверо. А валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в них соответственно: в Литве — на 45 процентов, в Латвии — на

**НОВАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ОДОБРЕНА
МАРТОВСКИМ ПЛЕНУМОМ ЦК КПСС**

39, в Эстонии — на 33 процента. При этом в колхозах и совхозах этих республик издержки производства (себестоимость) основных видов продукции повысились: привеса крупного скота — в 2—2,3 раза, привеса свиней — 1,6—1,7 раза, молока — 1,6—1,8 раза, овощей — 1,6—2,2 раза. За эти же два десятилетия в Узбекистане введено более полутора миллиона гектаров орошаемых земель: основные производственные фонды сельского хозяйства выросли в 6 раз, а валовая продукция — лишь на 78 процентов. И в других регионах страны темпы роста капитальных вложений и производственных фондов пока существенно опережают темпы прироста продукции. А ведь должно быть наоборот. Только при более высоких темпах увеличения продукции относительно роста всех ресурсов может быть достигнуто повышение комплексной эффективности сельскохозяйственного производства. К тому же необходимо осознать, что без кардинального изменения социальных условий и экономических отношений на селе, — как было подчеркнуто на Пленуме, — не работают ни капитальные вложения, ни техника. Об этом говорят и уроки прошлого, и опыт современных хозяйств. Сделать качественный скачок вперед можно только благодаря применению новых экономических подходов, усилению материальной заинтересованности, заботы и внимания к человеку.

Изменение экономических отношений на селе потребует пересмотра — и в теории, и на практике — существующих взглядов на социалистическую собственность. Речь идет о признании равноправия различных форм социалистической собственности на средства производства и основанных на них способов ведения хозяйства. А это, в свою очередь, повлечет за собой изменение экономических связей между городом и деревней, различными сферами народного хозяйства на основе дальнейшего развертывания товарно-денежных отношений.

На пути претворения в жизнь новой аграрной политики особое значение приобретает и реформа ценообразования. Сложные ценные взаимоотношения продолжают пока оставаться между сельским хозяйством и промышленностью, увеличился разрыв между закупочными, оптовыми и розничными ценами, что негативно сказывается на состоянии экономики, на финансовом положении колхозов и совхозов, промышленных предприятий и страны в целом. В результате многие хозяйства без помощи государства не способны обеспечить расширенное воспроизводство и тем более — решать свои социальные проблемы. На Пленуме отмечалось, что выход из этого положения прежде всего в создании качественно новой, взаимосвязанной системы закупочных, оптовых и розничных цен, ориентированной на интенсификацию, стимулирование производства высококачественной продукции в наиболее благоприятных для этого зонах.

Перестройка аграрных отношений предполагает радикальное изменение системы

управления агропромышленным комплексом. А это в первую очередь — ликвидация существующей административной [ведомственной и территориальной] системы руководства сельским хозяйством и аграрным сектором экономики в целом. Никто не должен вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность колхозов и совхозов, тем более крестьянских и личных подсобных хозяйств.

Еще одна задача, выдвинутая на Пленуме в русле новой аграрной политики, — необходимость органически соединить сельское хозяйство с научно-технической революцией, обеспечить переход на новые технологии, к активному использованию достижений биотехнологии, селекции, агрохимии; всего того, что должно значительно повысить продуктивность сельского труда. Каждое хозяйственное решение должно быть действительно научно обосновано и всесторонне взвешено. Необходимо постоянно проявлять заботу о том, чтобы хозяйственная деятельность не наносила ущерба окружающей среде, а, наоборот, снижала экологическую напряженность.

Принципиально нового подхода, как было отмечено на Пленуме, требует решение социально-бытовых вопросов деревни. Вопросом государственного значения названо коренное улучшение условий труда и быта сельских тружеников. Это включает широкое строительство школ, больниц, культурных, спортивных учреждений, а также предприятий торговли и бытового обслуживания.

Программа перестройки деревни, намеченная мартовским Пленумом ЦК КПСС, должна резко улучшить продовольственное дело, возродить крестьянина как истинного хозяина земли. Однако даже самые правильные решения сами по себе ничего не дадут, если за ними не последуют конкретные дела. Именно на них должен опираться фундамент новой аграрной политики. Только сделав вывод из уроков прошлого и накопленного в последние годы опыта, можно будет сполна реализовать потенциал каждого коллектива, каждого труженика.

Аграрный сектор нуждается в эффективной, конкретной поддержке. И не в будущем, а сегодня. И чтобы новая аграрная политика не захлебнулась в призывах и лозунгах, потребуются большая терпеливая работа по кардинальному изменению методов и подходов в деятельности партийных, советских, хозяйственных органов, активные, настойчивые усилия всего народа. Свой вклад, по силам, могли бы внести и военнослужащие внутренних войск. Это и совершенствование на основе современных технологий подсобных хозяйств частей и подразделений, и оказание прямой помощи сельским труженикам, и — видимо, рано или поздно к этому придем — создание военных совхозов на принципах аренды и полного хозяйственного расчета.

П. МАЛЫШЕВ, доктор экономических наук, профессор.

«НЕ БОРОТЬСЯ, А СОТРУДНИЧАТЬ»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКУ УЛИТУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ СНЫЦЕРЕВУ, ОПУБЛИКОВАННОЕ В ЖУРНАЛЕ № 10 ЗА 1988 г., ВЫЗВАЛО МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ. ПУБЛИКУЕМ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ.

ДВА ГОДА БЕЗ ВЫХОДНЫХ

Открытое письмо читали с большим интересом. Все правильно: для УЛИТУ план — главное. Ежегодно сверху идет поток грозных бумаг — выводить осужденных на работу в выходные и праздничные дни. Интересная в итоге картинка получается: осужденные один день в неделю отдыхают, а солдаты — бдят. Спрашивал у ДПНК: «Для какой цели вывели людей?» В ответ: «Указание сверху». Выводим ради вывода как такового, часто заведомо зная, что трудоустроить осужденных нет возможности. Рабочих мест на производственном объекте десятки, а охраняемых — сотни. Вот и не трудится большинство из них, не зарабатывает ни копейки. Безделье же действует разлагающе.

Мне не раз приходилось проверять службу караулов на производственных объектах в воскресные летние дни. Смотришь: осужденные загорают, ловят рыбу, просто отдыхают, а солдаты — бдят. Спрашивал у ДПНК: «Для какой цели вывели людей?» В ответ: «Указание сверху». Выводим ради вывода как такового, часто заведомо зная, что трудоустроить осужденных нет возможности. Рабочих мест на производственном объекте десятки, а охраняемых — сотни. Вот и не трудится большинство из них, не зарабатывает ни копейки. Безделье же действует разлагающе.

А посмотрите на караульные помещения: самые отдаленные из них — «избушки на курьих ножках», где нет ни тепла, ни света. Администрация на постоянных объектах пытается караульные помещения оборудовать, а на кратковременных — нет. Считают: овчинка выделки не стоит. Но функционируют такие «кратковременные» объекты по 10—20 лет. Терпите, выходит, солдатики, преодолевайте тяготы и лишения: так уставы ваши велят.

Жизни контролеров ИТК-поселений тоже завидовать нечего. Она проходит вдали от больших дорог, от школ и больниц, культурных учреждений. Кое-где нет ни одного медработника. Почта приходит через 7—10 дней, кино показывать негде: в столовой, например, запрещает администрация. Не случайно поэтому текучесть кадров. Да и потом: кто здесь служит, присмотритесь. В основной массе — «штрафники», которые, не имея элементарных человеческих условий для жизни, тем самым и «перевоспитываются».

В плохом взаимодействии подчас повинны обе стороны. Друг к другу они ходить не очень-то желают. Если на совместных собраниях, в том числе партийных, что-то наметят, то дальше дело не движется. Так, в одном из подразделений уже двадцать лет принимают решения дать тепло в казарму. За это время начальников ИТК и командиров рот сменилось много, а солдаты как мерзли в помещении, где температура выше 9 градусов тепла не поднималась, так и мерзнут. О чем тут еще говорить?

Подполковник А. МЕЛЬНИКОВ.

«Ответили» на просьбу

Личный состав одной из рот направил генерал-майору внутренней службы В. И. Сныцереву письмо, в котором привел примеры равнодушия руководства ИТУ к их нуждам. «Новое караульное помещение у нас строится четвертый год. Работы ведутся такими темпами, что мы до конца службы не надеемся вселиться в него... На объект «строительство КПП» выводится 3—4 осужденных. Из-за отсутствия материалов они ничего не делают, греются в будке, а мы мерзнем на морозе. В то же время нам с наблюдательных вышек хорошо видно, какими «ударными» темпами возводится новый штрафной изолятор... Был запланирован капитальный ремонт караульного помещения. Даже привезли вагончик для временного проживания караула. Но на этом все и закончилось. ...Помогите нам!»

Помощь последовала: в караульном помещении покрасили стены, сюда выдали табуретки, часы и бачок для воды. Но разве об этом просили солдаты!

Подполковник
В. ПЕСТРИКОВ.

НУЖНЫ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

«Открытое письмо...» — достаточно оригинальный способ начать обмен мнениями по вопросам взаимодействия. Но в данном случае оно вызывает резкий внутренний протест. И вот почему.

Слишком уж оно категорично, тенденциозно, грешит выпуклой односторонней направленностью, явно претендует на абсолютную истину, хотя мимоходом и делается предположение о возможной спорности высказанных мыслей. Многие из них верны, даже аксиоматичны. Они мне очень знакомы, потому что не раз звучали от руководства УЛИТУ, и прежде всего от генерала В. И. Сныцерева в виде конкретных решений, требований, приказов, распоряжений (которые, естественно, выполнялись).

Коробит тон письма. Если оно адресовано просто широкому кругу читателей и имеет просветительную цель, тогда не совсем понятен и уместен заголовок (да и вообще адрес). Если же изобильно содержащиеся в нем сентенции предназначены конкретно генерал-майору внутренней службы В. И. Сныцереву, то они вызывают удивление, ибо для выбора верного тона не мешало бы лучше знать человека, к которому он обращен. Критиковать можно и должно всех, но для снисходительных поучений выбирать объект следовало бы более продуманно.

Мне он очень знаком и памятен по беседам с военными чиновниками различных войсковых инстанций, всегда «разъяснявших» нам теорию взаимоотношений и приоритетную роль войск. Любопытные строились диалоги: я говорю о пьянстве военнослужащих, а мне начальник политотдела соединения полковник Ковалев (мой однофамилец) разъясняет. Я привожу факты воинских преступлений, а мне полковник Кошелев (из Москвы) опять разъясняет. И они, и ряд других должностных лиц из вышестоящих штабов разъясняли как-то заученно-одинаково, прохаживаясь по кабинету, с чувством, с толком, с расстановкой, довольно искусно уводя или пытаясь увести от предмета разговора,—это была целая школа! Но ушли в прошлое те «разъяснения», а вот стиль этот, похоже, остался.

Далее, почему в открытом письме столь пренебрежительно порицается некая «погоня за рублем», да еще в прямом противопоставлении перевоспитанию и исправлению осужденных? На первый, поверхностный, взгляд — не аргумент, а прямотаки нокаут. Ну а если всмотреться? «Погоня за рублем» — не более, как расхожий словесный штамп, не несущий серьезной смысловой нагрузки. А почему не назвать без полемического задора цель, которая

применительно к лесозаготовительному предприятию в письме выражена столь вульгарно, стремлением начальника УЛИТУ создать стабильную, сбалансированную экономичку управления, от которой в преддверии хозрасчета самым непосредственным образом зависят быт сотрудников, военнослужащих и осужденных, радикальное решение жилищной проблемы для всех категорий нашего населения, стабильность и качественный уровень кадров, своевременность выплат денежных средств на содержание войск и в конечном счете воспитание сотрудников и военнослужащих, перевоспитание осужденных?

Кстати, о перевоспитании осужденных. Конечно, на этом коньке всегда можно выехать в любом нашем внутриведомственном споре. Увы, перевоспитание — это проблема проблем. Однако чем реальным, земным подкреплена в письме войсковая забота о перевоспитании рецидивистов, кроме желания бросить камень повесомее? Возьмем конкретную ситуацию: в нашей больнице более 15 лет активно и достаточно эффективно работают советы воспитателей, основу которых составляют медицинские работники и начсостав. В них включены и контролеры, однако участие их в деятельности советов близко к нулевой отметке. А пустующий кабинет заместителя командира роты по службе контролеров в жилой зоне из-за многолетнего неприсутствия его часто сменяющихся хозяев мы вынуждены занять для других целей. Так что на поверку столь звучный и по внешнему виду неотразимый аргумент-претензия оказывается чисто декларативным приемом, а проблема перевоспитания и исправления осужденных по-прежнему возложена исключительно на плечи сотрудников ИТУ.

Рискуя быть неправильно понятым, я беру на себя смелость и ответственность утверждать, что перестройка в нашем управлении началась с лета 1980 года, ее инициатором и стал начальник управления — в то время полковник внутренней службы В. И. Сныцеров. Именно тогда сама постановка задач, размах дел и планов, энергичное внедрение новых подходов, поиски новых путей и решений вызвали чувства и настроения, быть может, и меньшие по масштабам и глубине, но очень сходные с теми, которые мы испытали потом в 1985, 1987 гг., да и теперь испытываем.

Или же—кто сказал (или доказал), что режим отбывания наказания осужденными зависит только от нехватки контролеров, а не от их качественного состава? На основании чего сделан обобщающий вывод об ущемлении интересов прапорщиков и офицеров при распределении квартир?

В нашем подразделении всегда остро ощущался дефицит жилья, но кто, не погребив против совести, может сказать об ущемлении военнослужащих? Вот пример: в июне 1988 года готовился к вводу в эксплуатацию новый трехкомнатный благоустроенный коттедж. Желавших получить его был бы не один десяток, но реально претендовали на него семьи сотрудника П. и контролера прапорщика Лебедева. Обстоятельства складывались так, что мне пришлось посоветоваться с генерал-майором внутренней службы В. Сныцеровым, который однозначно порекомендовал решить вопрос в пользу прапорщика Лебедева. На совместном заседании с профкомом мы так и решили.

На этом фоне обвинительные обобщения в письме выглядят несколько странно.

И что интересно: пока жилье распределяли командиры, военнослужащие (особенно их жены) засыпали нас заявлениями. Но вот по просьбе командира роты жилой фонд объединили, очередь создали единую для всех, на основании одинаковых критериев — и сразу наступила ясность, определенность. Только за лето контролерам выделили 2 трехкомнатные благоустроенные квартиры.

По вопросу объединения жилого фонда я консультировался с генералом В. И. Сныцеровым и получил его одобрение.

Как же там ни было, быт военнослужащих совместными усилиями год от года улучшался, хотя до совершенства еще далеко (сейчас вот закладываем в 5-летний план строительство казармы). И в этих решениях и планах нас всегда поддерживал генерал-майор внутренней службы В. И. Сныцеров.

Каковы же выводы? Убежден, что до тех пор, пока войска — от солдата до генерала — не станут считаться с экономической исправительно-трудовых учреждений, не будут заинтересованы в конечных результатах по всем направлениям деятельности ИТУ, не сочтут необходимым проявлять инициативу в изыскании резервов улучшения деятельности обеих сторон, сколько бы мы ни вели диалогов на любых уровнях, сколько бы ни писали открытых и закрытых писем, никакого существенного сдвига не произойдет, а в условиях хозрасчета действительно — «то ли еще будет».

Существующая рутинная система взаимоотношений обветшала, изжила себя и требует нового, свежего подхода.

**Подполковник внутренней службы
В. КОВАЛЕВ, начальник ИТУ.**

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Заместитель начальника управления «Спецлес» ГУИД МВД СССР тов. Л. Журавлев сообщил редакции, что руководство управления внимательно рассмотрело открытое письмо начальнику УЛИТУ генерал-майору внутренней службы Василию Ивановичу Сныцерову, напечатанное в журнале № 10 за 1988 год. Публикация признана своевременной: факты неудовлетворительного взаимодействия учреждений с войсковой частью действительно имеют место.

Письмо изучено и обсуждено во всех отделах управления. Принято решение: при выездах в командировки сотрудникам центрального аппарата внимательно разбираться в вопросах взаимоотношений подразделений лесных ИТУ и войсковых частей, вскрывать и устранять причины конфликтных ситуаций, всячески содействовать успешному решению задач, поставленных перед внутренними войсками и УЛИТУ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Отклики читателей на публикацию «Не бороться, а сотрудничать» продолжают поступать. Как видим, и ГУИД МВД СССР дало однозначную оценку приведенным в открытом письме тов. В. И. Сныцерову фактам. И только сам генерал-майор В. И. Сныцеров никак не отреагировал на публичное обращение к нему. Между тем, как руководитель, он прекрасно осведомлен о строгом требовании в месячный срок давать ответ на выступление прессы. Не отреагировал, словно его не касаются те проблемы, о которых говорится в письме. Что ж, это тоже позиция. Вызывает, однако, сожаление, что она никак не способствует улучшению взаимодействия части и УЛИТУ.

**45 ЛЕТ НЕ БЫЛО ИЗВЕСТНО ВОИНАМ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК О ПОДВИГЕ БЫВ-
ШЕГО КРАСНОАРМЕЙЦА ОТДЕЛЬНОГО
98-ГО БАТАЛЬОНА ВОЙСК НКВД В. И. МЫ-
ЗО ПРИ ФОРСИРОВАНИИ ДНЕПРА, ЗА
КОТОРЫЙ ОН БЫЛ УДОСТОЕН ВЫСОКОГО
ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
ЖУРНАЛИСТ М. ЩЕРБАКОВ ПО ПРОСЬБЕ
РЕДАКЦИИ ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ВЕЛ НА-
СТОЙЧИВЫЕ ПОИСКИ В АРХИВАХ, ВСТРЕ-
ЧАЛСЯ С ОДНОПОЛЧАНИИ И СЕМЬЕЙ
ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА, ВЫЕЗЖАЛ НА
МЕСТА БОЕВ. СЕГОДНЯ МЫ ЗНАКОМИМ
ЧИТАТЕЛЕЙ С СУДЬБОЙ ГЕРОЯ.**

НЕТ, В ТОТ ноябрьский день 1988 года чудным Днепр назвать было нельзя. Сыпал снег, и сквозь его пелену, стоя на бывшем Разумовском плацдарме, я с трудом различал левобережье, откуда ровно сорок пять лет назад отчалили лодки, другие плавсредства с бойцами и командирами 185-го гвардейского стрелкового полка и без единого выстрела форсировали реку. Батальон, которым командовал гвардии капитан В. Мызо, первым достиг берега. Бойцы прыгали в студеную воду, несли на руках пулеметы, противотанковые ружья, минометы.

Ни утром, ни днем, ни вечером врагу не удалось сбросить в Днепр гвардейцев. На плацдарме уже дрались все полки 60-й гвардейской Павлоградской Краснознаменной дивизии. Противник контратаковал все новыми и новыми силами, поддержанными танками и авиацией. Особенно ожесточенными были сражения 26—30 ноября. Передели роты батальона гвардии капитана Мызо, других подразделений. Но оставшиеся в живых стояли насмерть.

На этом изрытом снарядами и бомбами, перепаханном гусеницами танков и самоходных орудий плацдарме Владимир Иванович стал Героем.

Но не успеют вручить ему Золотую Звезду и орден Ленина, всего лишь несколько дней не дожил он до Указа Президиума Верховного Совета СССР... Не здесь, у Разумовки, в этом крошечном аду, перестало биться сердце молодого офицера. Он еще не раз поднимет в атаку бойцов, не в одном поселке будут с радостью встречать его батальон освобожденные из оккупации люди, и Владимир Иванович напишет жене в Кемерово: «За эти радостные встречи народа согласен всегда riskовать головой».

Раскроем дневники, письма Владимира Мызо, которые и сейчас бережно хранит его жена Зинаида Яковлевна, послушаем рассказы о нем друзей, близких, прочтем документы военного архива. Да, невероятно трудным, тернистым был его жизненный путь. Но ничто не сломало этого че-

А ЗВЕЗДЫ ТАКИЕ ДАЛЕКИЕ...

ловека. Нелегкая, суровая жизнь закалила его, отшлифовала характер.

СЕГОДНЯ Владимиру Ивановичу было бы уже за семьдесят—он родился 24 января 1915 года в Усть-Каменогорске. Омичи и кемеровчане называют его сибиряком, потому что десять лет Володя прожил в Омске и Кузбассе.

В семье он был пятым и последним ребенком. Шла первая мировая война. Отец—на фронте, все тяготы, заботы о детях легли на плечи матери.

Хотя семья бедствовала, мальчик рос крепким, неунывающим. Ему казалось, что вся жизнь его будет веселой, романтической. Однажды сестра Римма шла с ним купаться. Это было на реке Бухтарме. Володя бежал вприпрыжку, то далеко забегая вперед, то возвращаясь к ней.

— Целый день бегаешь, неужели ты не устал? — спросила сестра.

— Нет. Я всю жизнь так буду. Не устану.

В школьные годы Мызо много слышал и читал о В. И. Ленине, о героической гибели в Усть-Каменогорске первых советских комиссаров. Председатель местного Совета рабочих и солдатских депутатов Я. В. Ушанов был сожжен белогвардейцами в топке парохода. Это произвело на подростка неизгладимое впечатление, и он попытался отобразить гибель комиссара Ушанова в своих литературных зарисовках.

Тогда же Володя выпустил домашний рукописный журнал «На страже». На обложке его первого номера нарисована советская граница. Пограничный столб с надписью «СССР». Красноармеец со звездочкой на шлеме, с винтовкой в руках. За ним завод с дымящейся трубой и красным флагом, поднятым выше трубы. Винтовка красноармейца тоже с красным флажком на штыве. С другой стороны границы на СССР направлено дуло орудия, а «мистер» в цилиндре протягивает красноармейцу мешочек с долларами, но солдат гордо смотрит вперед.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОЙСК

В юношеские годы Мызо настойчиво развивал в себе и задатки художника. Он много рисовал, и когда учился в ФЗУ, и когда трудился на строительстве металлургического комбината. В 1932 году Владимир поступает в Омский художественный техникум, где проучился около трех лет. Затем работает художником, у него появляется семья.

И вот осенью 1937 года Мызо призвали на действительную военную службу. Он стал красноармейцем отдельного 98-го батальона войск НКВД. Вместе со своими сверстниками примерно нес караульную службу. А в короткие свободные минуты Владимир садился за письма жене.

«18 ноября 1938 года. Добрый день, Зинуша! Сегодня ночью был в наряде. Сменился в шесть утра. Пришел в казарму и лег спать. Когда проснулся, увидел на тумбочке твое письмо. Прочел, какое-то мгновение даже не верилось в то, о чем ты написала. Ну поздравляю с дочерью! Будем растить ее...»

Праздник у меня прошел так, как всегда бывает здесь. Ходил на парад 7 ноября. Мне, как отличнику, доверили нести Знамя части. Получил благодарности от политрука за боевую и политическую подготовку. Приказом начальника войск НКВД Западно-Сибирского округа премирован фотоаппаратом.

Я впервые выступил с трибуны перед публикой. Это была теоретическая конференция. Высказывался по поводу «Диалектики природы» Энгельса. Вопрос философский, трудный. Впервые поборол в себе дурацкое чувство «массобоязни». Это для меня важно».

В период службы во внутренних войсках особенно быстро формируется активная гражданская позиция Владимира Мызо. По его словам, «жизнь в армии сурова, приходится преодолевать свой характер, ломать кое-что старое и обогащаться новым».

На досуге Владимир тоскует по любимому делу художника. Думает писать портрет Серго Орджоникидзе, а красок нет, просит жену прислать их. А вскоре сообщает ей: «Вчера рисовал портрет Ворошилова. Остался доволен. Теперь часто работаю в клубе подразделения... Купил себе книгу «Пластическая анатомия». Книга хорошая, с 360 рисунками. Буду изучать анатомию, обогащать свой ум всем ценным, чем могу. Максим Горький сказал: «Чтобы сделать в литературе даже немного, нужно много знать». В нашем деле это тоже нужно. Буду подводить фундамент для будущего здания. Сейчас мало рисую, больше учу анатомию. Пусть копится жажда к работе, после армии ее утолю. В техникуме никак не мог понять, что значит искусство для меня. Я больше нигде не способен: ни к большой общественной деятельности, ни к тихой жизни в атмосфере культа одежды и пищи».

Случилось так, что батальон, в котором служил Мызо, расформировали. Многих военнотружеников перевели в другие места, Владимира — в Кемерово, ближе к семье. И здесь красноармеец Мызо вплоть до

увольнения в запас охранял важные объекты.

В грозный час, как только грянула Великая Отечественная война, Владимир Иванович вновь надевает шинель.

— Не сразу его отправляют на фронт, — говорит Зинаида Яковлевна. — Сначала Володю зачисляют курсантом Кемеровского пехотного училища. И уже в декабре 1941 года ему, как отличнику, присвоили звание лейтенанта.

Молодые офицеры жили одной мыслью: скорее на фронт. Родина в опасности — бои идут под Москвой, в блокадном кольце Ленинград. Мызо еще оставляют на несколько месяцев в училище, там начали готовить истребителей танков и бронемашин врага. Всю зиму шли тренировки, стрельбы, занятия на местности.

В Центральном архиве Министерства обороны СССР мне показали документы 309-й Пирятинской стрелковой дивизии, которая в первой половине 1942 года формировалась в Хакасии. В один из полков этого соединения сибиряков и был зачислен лейтенант Мызо.

Летом 1942 года дивизия прибыла на фронт, Владимир назначается заместителем командира роты. На Дону получает боевое крещение. Скупы архивные данные, однако по ним можно судить, что в первые же дни Мызо отличается. А как складывалась фронтовая биография офицера, более зримо можно представить по строкам из его писем.

«22 августа 1942 года. Добрый день, Зина и Олечка! От вас получил только одно письмо. Сейчас нахожусь в медсанбате. 19 августа в боях за город Н. ранен осколком мины в правое предплечье. Рана легкая, заживет постепенно, особых хлопот не доставляет. Скоро вернусь в строй. В первом бою, 12—13 июля, пуля царапнула меня по носу, теперь остался только незначительный шрам, с пшеничное зерно.

Сейчас отдыхаю, смотрел вчера кино «На путях». Как здоровье Олечки? Вообще я сейчас о вас ничего не знаю. Целую обоих».

«9 января 1943 года. Добрый день, Зина и Олечка! Давно от вас нет никаких вестей. В ноябре я выехал с фронта на учебу, но учиться не пришлось: меня поставили на работу при военном училище (курсы младших лейтенантов 6-й армии — М. Ш.). Сколько здесь буду — неизвестно.

Напиши, Зина, как вы с дочуркой встретили Новый год. У вас кончился аттестат? Пока не могу оформить другой — нет близко финчасти. Буду пересылать деньги почтой, а затем оформлю аттестат. Целую тебя и дочь».

«22 марта 1943 года. Добрый день, Зина и Олечка! Долго-долго ничего нет от вас, никакой даже маленькой весточки. Я по-прежнему здоров. Наше училище все время движется за линией фронта, но работать здесь уже осточертело. Мне хочется опять в бой. Пробыв на фронте пять месяцев, я полюбил его за суровую справедливость, порой за жизнь тяжелую до не-

выносимости, но вольную. Связанный единой судьбой, народ здесь сближается и роднится, и нигде не найдешь лучше и дороже друга, как на фронте...»

«12 декабря 1943 года. Добрый день, Зина и Олечка! Я снова воюю. Целый месяц прошел, как уехал с курсов. За время пребывания в этой гвардейской части (185-й стрелковый полк 60-й гвардейской Павлоградской стрелковой дивизии — М. Щ.) участвовал в четырех боях. Один был очень крупный — мы форсировали большую реку Украины. Гитлеровцам дали жизни крепко. Батальон, которым я командовал, первым ворвался в расположение врага. Затем, освободив село, продвинулся на семь километров. Почти все, кто не погиб, представлены к наградам. Живу сейчас в окопах. У нас только-только выпал снег. Морозов здесь, видимо, не бывает. Крепко целую. Владимир».

Находясь в боевых порядках батальона, в те ноябрьские дни гвардии капитан Мызо оперативно руководил боем, личным примером показывал, как надо действовать оружием. 6 января 1944 года, почти через полтора месяца после захвата Разумовского плацдарма, он написал сестрам Римме и Музе: «Вчера получил письмо от Миронова с курсов, спрашивает друг, почему не пишу вам писем в Горький. Письма я вам послал, как только выехал с курсов. Затем я писал вам уже из-за Днепра. Ответа от вас не получил.

За форсирование Днепра меня представили к награде — Герою Советского Союза с вручением Золотой Звезды и ордена Ленина. Дело пошло в Москву, к т. Калинин. Буду ждать Указа. И еще одно большое событие — вчера меня приняли в кандидаты ВКП(б)».

Вскоре сестра Римма написала ему: «Не допускай головокружения от успехов и ухарства. Нам ведь не нужна бесполезная потеря людей, да еще ценных. Ты же, видимо, стал таким человеком. Я рада и не знаю, чему больше. Тому ли, что тебя хотя так высоко наградить, или тому, что ты вступил в партию».

Письмо вернулось с пометкой на уголке «Доставить невозможно». Невозможно? Наверное, потому, что фронт быстро продвигается вперед или Владимир полу-

чил новое задание, куда почту доставить нельзя?

ИЖЕНЕ Зинаиде Яковлевне 6 января писал Владимир Иванович трогательное письмо: «Дорогая Зина и Олечка! Жизнь моя идет по-старому, обыкновенная жизнь фронтовика.

У меня есть хороший серый конь, и я люблю далеко обогнать свой батальон и первым прискакать в село. Еще на западной окраине убегают обезумевшие фрицы, а здесь, на восточной, нас с радостью встречают освобожденные жители».

На своем сером коне и подъехал к Новоивановке Никопольского района 5 февраля 1944 года гвардии капитан Мызо. Заместитель командира батальона с группой разведчиков решил лично выяснить, есть ли немцы в селе, какими силами располагают. Оставив всадников метрах в трехстах от себя, балкой скрытно от противника стал пробираться к посадкам шелковицы. Издалека он увидел людей, двух коров. Поздоровался, спросил:

— Что это за крики у вас в селе?

— Это, сынок, горе... Здесь немцы.

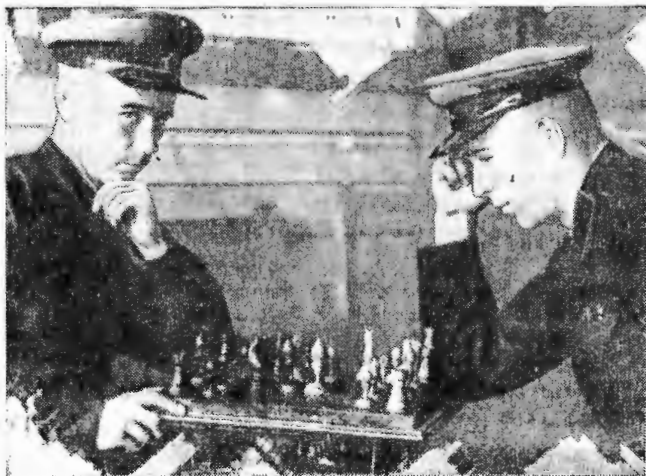
Офицер-разведчик задал еще несколько вопросов и ускочил по направлению бывшей фермы совхоза имени Куйбышева. Не прошло и четверти часа, как он возвратился назад. Вдруг послышались выстрелы: немцы били из пулеметов и автоматов, отрезая капитана от лесопосадки. Еще мгновение, и он укрылся бы в балке, но под седоком рухнула лошадь и придавила его. Капитан был тяжело ранен, не мог даже стрелять из автомата по набегавшим, как воронье, фашистам. Он потерял сознание...

Так, истекающего кровью, рассказывали мне новоивановцы, и притащили немцы советского офицера в свой госпиталь.

— Мой отец Григорий Тимофеевич был преклонного возраста, немцы его не трогали, — говорит Николай Григорьевич Шульга. — С разрешения коменданта к вечеру он понес молоко раненому. Офицер назвался капитаном Мызо, выпил два-три глотка молока и тихо прошептал:

— Я им ничего не сказал. Через два дня в селе будут фаши. Передай...

Враги сняли с него полушубок, забрали планшет, автомат и пистолет. Раны в живот и бедро оказались смертельными. 6 фев-

Будущий Герой Советского Союза В. Мызо (на снимке справа) за шахматной доской с Ф. Чернышевым, с которым они вместе служили в 98-м батальоне войск НКВД.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГЕРОЕВ

раля Шульга опять понес молоко, но увидел почти бездыханное тело. В тот же день немцы отнесли труп в молодой яблоневиный сад.

— Позвольте предать прах земле, — молил коменданта старик Шульга.

Тут же в колхозном саду, выкопав неглубокую яму, положили в нее капитана Мызо, накрыли старой шинелью и нагребли холмик земли.

В четыре часа утра 7 февраля 185-й гвардейский полк освободил Новоивановку и, не задерживаясь, погнал оккупантов дальше. Мало в подразделениях оставалось бойцов — на мемориальной доске, что установлена на братском кладбище на окраине Новоивановки, семьдесят имен павших. Все ли они из второго батальона? Среди них нет фамилии Мызо. Его могила рядом, отдельно. Из яблоневого сада останки Героя перенесли в 1951 году. На площади высится монумент из бронзы. Изваял Героя кемеровский скульптор Григорий Трофимов.

— Мне с группой старшеклассников доверили перезахоронить воина, — рассказывает учитель, бывший директор Новоивановской средней школы Никифор Мефодиевич Кириченко. — Мы до этого с любовью ухаживали за могилой. Одна молодая женщина, работавшая санитаркой в госпитале у немцев, видевшая, как допрашивали нашего офицера немцы, принесла постоянно цветы.

При вскрытии захоронения подтвердилось: здесь покоился прах гвардии капитана Мызо. Под шинелью лежали его останки, шапка, шарф, один сапог, кобура от пистолета, ремень со звездой, расческа... Стар и млад шли за гробом Героя, выражая ему любовь и благодарность, отдавая дань памяти. И звучали на митинге речи, разрывали тишину винтовочные залпы салюта, и ложились на свежую землю, окропленную слезами матерей и вдов, цветы.

22 февраля 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Владимиру Ивановичу Мызо. Две недели не дожил до этого дня капитан. Ему исполнилось перед этим 28 лет.

В Новоивановке, Кемерово и Усть-Каме-ногорске есть улицы Героя Советского Союза Мызо, в музеях собраны реликвии, рассказывающие о храбрости и мужественности человека, его имя носят пионерские дружины, в кемеровском кинотеатре «Москва» и редакции газеты «Кузбасс» также увековечено имя земляка. Зинаида Яковлевна вырастила дочь и стала бабушкой, у нее трое внуков, один из них назван в честь деда Владимиром. Летом прошлого года с дочерью Олей, которую так любил Владимир Иванович, и внучкой Наташей она опять побывала в Новоивановке. Волнующей, трогательной была встреча родной для новоивановцев семьи. Помнят, чтут своих освободителей на Украине, работают о родных и близких тех, кто принес мир и счастье ценою своей жизни.

М. ЩЕРБАКОВ.

В периодической печати, докладах и сообщениях мы часто встречаем различные сведения о Героях Советского Союза — воспитанниках внутренних войск.

Важным источником таких сведений стал двухтомный Краткий биографический словарь «Герои Советского Союза» (М.: Воениздат. Т. 1, 1987. Т. 2, 1988). В словаре помещено свыше 12,5 тысячи кратких статей, содержащих биографические данные, описание подвигов, даты Указов Президиума Верховного Совета СССР о присвоении высокого звания; описывающих послевоенную судьбу, указана документальная и художественная литература о Героях.

К сожалению, составители не указали годы прохождения службы во внутренних войсках, а ограничились записью даты призыва в Советскую Армию. Можно только посетовать на нашу неразвротливость, отсутствие деловых связей с составителями. Иначе бы они не забыли указать в словаре, что Герои Советского Союза В. Жеребинов, П. Барбашов, А. Ковалевский, И. Танкопий и другие навечно зачислены в списки воинских частей внутренних войск, а именами М. Наумова, И. Пискарева, Н. Руденко и И. Вежливецова названы сторожевые корабли внутренних войск.

Нельзя не отметить, что впервые опубликованы фотографии всех Героев, что потребовало большого труда и работы в музеях, архивах, с ветеранами и в семьях Героев.

Сотрудники нашего архива значительно активизировали работу по выявлению Героев Советского Союза — воспитанников внутренних войск: уточняются годы прохождения ими воинской службы, запрашиваются наградные листы, разыскиваются недостающие сведения в архивах и музеях. Уже сейчас документально подтверждено, что во внутренних войсках воспитаны или проходили службу 245 Героев Советского Союза.

Когда просматриваешь двухтомник «Герои Советского Союза», то невольно вспоминаешь слова Ф. Э. Дзержинского о том, что подвиги срока давности не имеют, а отдаляясь, становятся все рельефнее и отчетливее. Именно поэтому, несмотря на упущения и неточности, Краткий биографический словарь станет настольной книгой каждого офицера, военнослужащего, интересующегося героическим прошлым наших Вооруженных Сил.

Полковник Г. БЕЛОБОРОДОВ,
начальник Центрального архива
ВВ МВД СССР.

На протяжении ряда лет национальный вопрос у нас в стране было принято считать решенным окончательно. Благополучные статистические данные и сводки об успехах во всех регионах страны ублаживали наше сознание, позволяли закрывать глаза на многие проблемы межнациональных отношений в СССР. Вопрос воспитания советских людей в духе дружбы и братства народов страны теоретически обозначался как важное направление идеологической работы, хотя на практике ему отводилась второстепенная роль. Вот и получалось: нет проблем—нечего решать, не над чем работать.

ПЕРЕМЕНЫ ЗАВИСЯТ ОТ НАС

К сожалению, подобный подход к интернациональному воспитанию до недавнего времени был и в коллективе нашей части. Обнаружилось это на семинаре по теме «Ленинская национальная политика. Проблемы межнациональных отношений в СССР». В ходе занятий было выявлено, что уровень знаний нашего пропагандистского актива по данному вопросу ничуть не выше методической разработки, подготовленной политотделом. А письменный опрос офицеров показал, что 30 процентов из них не знакомы с работами В. И. Ленина по национальному вопросу. Многие утверждали, что сама служба, постоянное общение воинов между собой автоматически гарантируют коллективу интернациональную зрелость. Разбор занятия на доведении политического отдела вызвал серьезную тревогу. Именно поэтому мы провели анализ состояния дел по интернациональному воспитанию во всех воинских коллективах. Стало ясно, что, имея в ротах представителей 12—15, а в части 30 и более национальностей, свою работу с ними мы строим упрощенно, ограничиваемся провозглашением лозунга о том, что в СССР создана и беспрепятственно развивается «новая историческая, социальная и интернациональная общность людей — советский народ». Мероприятия проводили без учета изменившегося общеобразовательного, политического и культурного уровня

современной молодежи, сложившихся в ряде регионов проблем в сфере национальных отношений. Развивающиеся ныне процессы демократизации и гласности высветили такие проблемы, которые мы недостаточно учитывали: различный уровень жизни народов, национальные традиции, вопросы, связанные с языком, культурой, искусством, литературой, историческими памятниками. В последнее же время мы воочию убедились в том, что проблемы эти существуют, порой усложняются и проявляются достаточно остро.

В сложившейся идеологической ситуации большинство нашего пропагандистского актива оказалось некомпетентным, формы и методы интернационального воспитания—застывшими, закостенелыми. Командованием и политическим отделом были спланированы и сегодня осуществляются конкретные меры по совершенствованию интернационального и патриотического воспитания личного состава. Одновременно провели и организационные мероприятия. Например, по решению командира части устранили перекосы в комплектовании личного состава подразделений по национальностям. Сейчас эта работа ведется уже начиная с учебного сбора.

На теоретических семинарах с руководителями групп политических занятий были изучены произведения В. И. Ленина: «Критические заметки по национальному вопросу», «Рабочий класс и национальный вопрос», «О праве наций на самоопределение». На очередных занятиях в системе командирской подготовки проведено заседание по вопросу «XXVII съезд КПСС о культуре межнационального общения». Здесь же с интересным сообщением выступил заместитель командира роты по политической части старший лейтенант А. Хасанов, рассказавший о том, что по инициативе бюро ВЛКСМ в роте проводятся вечера национальной литературы. В ходе их на родном языке воины читают наиболее популярные произведения национальных поэтов и прозаиков, затем звучит перевод и обсуждение прочитанного. Своих почитателей в многонациональном коллективе нашли такие поэты и писатели, как Р. Гамзатов, Э. Межелайтис, А. Кешоков, Я. Колас, Ч. Айтматов, Д. Кугультинов и многие другие. Домой полетели письма с просьбой выслать в роту произведения писателей-земляков. Почин подхватили в других подразделениях. Сейчас видим: круг общения воинов разных национальностей расширился.

Получили распространение и обзоры республиканской периодической печати, проведя которые вначале лишь в подразделении капитана С. Ченчика в часы политкоммандировки и во время политинформации. Сейчас во всех ротах воины различных национальностей рассказывают сослуживцам о том, чем живет родная рес-

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

публика, какие проблемы волнуют земляков, каковы их достижения. Сегодня военнослужащие части выписывают газеты на 18 языках народов СССР, что также способствует воспитанию у солдат и сержантов чувства гордости за свой народ, расширению их кругозора, преодолению тенденции к национальной замкнутости, сплочению воинских коллективов.

Немаловажную роль в воспитании интернационализма и патриотизма играет наглядная агитация. Ее мы обновили. Во всех подразделениях в дни праздников поднимаются флаги республик, исполняются национальные гимны. В ленинских комнатах и на территориях военных городков имеются гербы всех союзных республик нашей многонациональной Родины. Периодически выпускаются тематические стенные газеты, посвященные той или иной республике, вывешиваются специальные плакаты, листовки.

Полезную инициативу проявили комсомольские активисты. Помощник начальника политотдела части по комсомольской работе капитан И. Башкирцев, проанализировав состав вступающих в члены ВЛКСМ, определил, что зачастую не вступают в комсомол воины, испытывающие трудности в изучении Устава ВЛКСМ из-за слабого знания русского языка. Были сделаны запросы в республиканские комсомольские органы, и сегодня мы имеем Устав комсомола на нескольких языках народов СССР. Это существенно помогло в подготовке молодежи к вступлению в ряды ВЛКСМ.

И все же проблема изучения русского языка молодыми воинами, особенно призванными из республик Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, остается. Что мы предпринимаем для ее решения? Помимо традиционных форм работы в кружках по изучению русского языка, активно используем взаимопомощь. Наиболее подготовленные военнослужащие помогают новичкам изучить обязанности солдата, часового. Эта работа начинается с учебного сбора.

Заслуживает внимания и изучение уставов по опорным сигналам. Офицерами части под руководством подполковника А. Шарабурь по основным статьям Устава внутренних войск подготовлены и розданы во все подразделения доступные для понимания, легкоусвояемые опорные сигналы. В сочетании с устным изложением соответствующих статей они помогают понять свои обязанности и тем, кто недостаточно хорошо владеет русским языком.

Конечно же, интернациональное воспитание — дело далеко не простое. Изложенный в статье опыт мы собирали буквально по крупицам. И очень важно, чтобы начатое дело не стало очередной кампанией. Для этого в политотделе части разработан перспективный план мероприятий. Он позволяет вести работу не «вообще», а целенаправленно. Ежеквартально в подразделениях анализируется эффективность интернационального и патриотического воспитания личного состава, изучается нравственный климат воинских коллективов,

219
вырабатываются конкретные рекомендации — что необходимо сделать для утверждения дружбы и войскового товарищества.

И еще на одном вопросе хочется остановиться. Многие в успешном решении проблем межнационального общения военнослужащих, на наш взгляд, зависит от офицеров. От их такта, вежливости, культуры, знания национальных особенностей подчиненных. Кое-кому из нас еще не хватает терпения, гибкости в воспитании

Нет такого отделения, караула, которые по своему составу не были бы многонациональными. В этих условиях правильные отношения между воинами разных национальностей имеют важное значение: взаимопомощь и взаимопонимание способствуют успешному решению ими задач боевой службы, боевой и политической подготовки, повышению боевой готовности.

тех, кто с трудом владеет русским языком, медленно входит в контакт с сослуживцами. А ведь известно, что торопливость в оценке поступка, неуместная шутка могут вызвать глубокую обиду у новичка, надолго нарушить атмосферу взаимного доверия, коллективной спайки. Нечто подобное было в подразделении старшего лейтенанта В. Хомича. Отрыв офицеров от личного состава, административно-нажимные методы работы, злая ирония по отношению к тем, кто из-за слабого знания русского языка проявлял медлительность в действиях, хуже других усваивал программу боевой и политической подготовки, породили цепную реакцию: за короткое время здесь было допущено несколько случаев неуставных взаимоотношений. Только энергичное вмешательство командира части и офицеров управления позволило нормализовать обстановку в коллективе, остановить сползание его в число отстающих. Справедливо отказали коммунисты Хомичу в приеме в члены КПСС. А ведь такого не произошло бы, если бы он помнил о своем долге быть чутким к каждому подчиненному и требовал бы этого же от всех офицеров и сержантов роты.

Нерешенных вопросов и неиспользованных резервов в деле сплочения многонациональных воинских коллективов еще много. Расширение гласности и демократизации армейской жизни настоятельно требует обновления форм и методов работы по созданию в подразделениях атмосферы подлинной дружбы и братства, уважения воинов друг к другу.

Майор Н. ДОРНИН.

ПОВЫШАТЬ БОЕВИТОСТЬ ПАРТОРГАНИЗАЦИЙ

На совещании Политуправления рассмотрен вопрос о работе полторганов внутренних войск по повышению активности и боевитости партийных организаций, формированию партийных рядов. Заслушаны сообщения начальника политотдела войск Приволжского управления полковника С. Кавуна и секретаря парткома одной из частей Центрального УВВ майора А. Балухтина, а также доклад первого заместителя начальника Политуправления генерал-майора А. Кирилюка, в которых была освещена деятельность полторганов и парткомов по выполнению решений XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партконференции.

Проанализировав достигнутое, докладчик и выступающие основное внимание сосредоточили на нерешенных проблемах. Отмечалось, что перестройка партийно-политической работы идет медленно. Меры, принимаемые для обеспечения авангардной роли коммунистов, во многих случаях оказываются малодейственными. Ряд полторганов не добился, чтобы все парторганизации на деле стали политическим ядром воинских коллективов, глубоко вникали в их жизнь.

Для некоторых руководителей политотделов характерен командно-административный стиль деятельности, они упускают из виду первоочередную задачу — совершенствование работы парторганизаций.

Полторганы и парторганизации отбор нового пополнения ведут без учета реальных потребностей в партийных силах. В войсках сократилась партпрослойка среди офицеров. В Приволжском УВВ уменьшился прием в партию военнослужащих с должностей старшин подразделений и контролеров, а в парторганизациях войск по Уралу за последние два года резко ухудшился отбор в КПСС прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. Практически свернутой оказалась эта работа среди лучших, наиболее активных воинов срочной службы.

В стороне от формирования партийных рядов стоят парткомиссии при политотделах соединений и частей. Люди, готовые вступить в кандидаты в КПСС, не привлекаются к занятиям в школах и кружках молодых коммунистов.

Сложившееся положение на данном важнейшем участке партийной деятельности свидетельствует, что многие руко-

водители политотделов сами не определили системности в работе по росту рядов КПСС, не учат этому секретарей парторганизаций.

Ряд полторганов проявляет самоупокоенность, не критически оценивает состояние воспитания коммунистов в духе преданности делу КПСС, идейной убежденности, партийной принципиальности, непримиримости к недостаткам. Эта работа, как правило, анализируется поверхностно, редко рассматривается на собраниях, заседаниях парткомов и партбюро, на семинарах партийного актива.

Во многих партийных организациях недостаточно внимания уделяется обеспечению авангардной роли членов и кандидатов партии в выполнении служебных обязанностей, повышению ответственности за порученный участок, активному участию в коренном укреплении воинской дисциплины.

Особенно ослаблено влияние политотделов на управленческие парторганизации, на стиль и методы деятельности коммунистов штабов и служб. Редко заслушиваются отчеты коммунистов-руководителей, что, к примеру, наблюдается в парторганизациях Приволжского УВВ. Не случайно отдельные командиры (начальники) стремятся добиться положительных показателей не за счет совершенствования управленческой деятельности, развития демократии и гласности, а через увеличение служебной нагрузки на подчиненных, прежде всего на офицеров.

Выборы народных депутатов СССР подтвердили, что боевитость партийных организаций необходимо поднять на новый качественный уровень. Высокую политическую активность личного состава коммунисты не всегда поддерживали своей наступательной организаторской и идеологической работой, зачастую занимали пассивную позицию в разьяснении программ кандидатов в соответствии с платформой партии, изложенной в Обращении ЦК КПСС.

Итоги совещания подвел член Военного совета — начальник Политуправления войск генерал-майор А. Гриенко. В своих указаниях он определил меры по дальнейшему организационно-политическому укреплению парторганизаций, коренному улучшению качества партийного пополнения, идейного и нравственного воспитания коммунистов.

В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ВОЙСК

РОЖДЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

В МАЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА О ВОЙСКАХ ВНУТРЕННЕЙ ОХРАНЫ РЕСПУБЛИКИ. ЭТОЙ ДАТЕ БЫЛ ПОСВЯЩЕН РЯД ПУБЛИКАЦИЙ НАШЕГО ЖУРНАЛА.

СЕГОДНЯ НА НАШИХ СТРАНИЦАХ ВЫСТУПАЕТ ЧЕЛОВЕК, ВСЯ ЖИЗНЬ КОТОРОГО — ОБРАЗЕЦ СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ. В ФЕВРАЛЕ ЭТОГО ГОДА ОН ОТМЕТИЛ СВОЕ 100-ЛЕТИЕ.

СЛОВО — ЧЛЕНУ КПСС С 1919 ГОДА, ПОЧЕТНОМУ КРАСНОАРМЕЙЦУ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК, ПОЛКОВНИКУ В ОТСТАВКЕ, ПРОФЕССОРУ

**БОРИСУ ВЯЧЕСЛАВОВИЧУ
ЛАВРОВСКОМУ.**

Я благодарен судьбе, что мне пришлось стоять у истоков создания войск, быть одним из тех людей, которые в суровых боях сражались за Республику Советов.

В конце 1920 года партия направляет меня в войска внутренней службы Республики командиром и военкомом 98-й бригады. В ее состав входили четыре полка и бронепоезд. Задача перед нами стояла сложная — охрана и оборона стратегической магистрали — Рязано-Уральской железной дороги. Груз на плечи, конечно, ложился тяжелый. Но в то время я уже имел военный опыт, так как на первую мировую войну был мобилизован инженером в армию знаменитого генерала А. А. Брусилова, участвовал в известном всем по истории Брусиловском прорыве. Армейские обстоятельства заставили меня переквалифицироваться в артиллеристы. Во многих кровопролитных боях бывал, награжден Георгием, ранен не раз, контужен, словом, испытал на себе тяжелое бремя войны. Но та война была империалистической, и дух армии поддерживался лишь удачью да верой в Отечество. Иначе было в двадцатые годы. Я уже командовал революционными солдатами, которые несли в своих сердцах свободу и верность Ленину.

Современному молодому человеку сложно, очевидно, представить, какую веру, эмоциональный заряд заключали в себе слова Ильича, его идеи, его зажигательные речи. Не могу, например, не рассказать о встрече вождя революции 3 апреля 1917 года на Финляндском вокзале в Петрограде. То было холодное воскресенье. На площади у вокзала собрались тысячи людей. Многие пришли с семьями. Бурные аплодисменты, громогласное «ура!» долго не давали Ленину начать свою речь. И вот он заговорил. Но разве могли его слышать тысячи людей, до отказа заполнившие огромную привокзальную площадь. И тогда Владимира Ильича подняли на руки, понесли к броневнику. Эта величественная и символическая фигура Ленина на броневике хорошо знакома каждому из вас. А мне знакомо больше. Зажигательная, краткая программная речь Ильича и вдохновенный призыв: «Да здравствует социалистическая революция!». Эта речь покорила меня, заворожила, она стала чем-то вроде луча света, указавшего в тумане вход в гавань. Думаю, что именно эта ленинская речь и привела меня в партию большевиков.

И вот здесь, на участке обороны Рязано-Уральской дороги, мне вспоминались и другие встречи с Ильичем, его слова о том, что революция должна уметь защищаться. И мы дрались за Советскую власть самоотверженно, самоотреченно.

В то время нас особенно беспокоили кулацкие банды Антонова. Они грабили поезда, бесчинствовали, разрушали железнодорожное полотно. Как-то в ноябрьскую морозную ночь я со своими помощниками Хозиным, Удаловым, Глинкиным и несколькими бойцами отправился на разведку в село Большой Карай. От местных жителей узнали: антоновцы расположились на ночлег в школе. Подобрались мы к зданию, сняли без шума часовых. При свете фонаря в просторном классе увидели прямо на полу спящих бандитов. Осторожно собрали винтовки. Выстрелив из маузера, я командовал: «Встать! Вы окружены! Школа под прицелом орудий бронепоезда!» Разбив окно, крикнул: «Первому и второму взводам — оцепить здание! Пулеметы к бою!» Мои помощники поняли маневр и начали отдавать команды несуществующим подразделениям. Так мы пленили крупную банду антоновцев.

Помню одну из встреч с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским — в то время председателем ВЧК.

— Поедете в Псков, начальником управления войск ВЧК по охране эстонско-латвийской границы. Участок весьма сложный, опасный. Там клубок контрреволюционных организаций, и все они наводят мосты с зарубежными разведцентрами...

Дзержинский был краток, потому что времени на разговоры не было.

Сколько потом было еще таких срочных вызовов к Дзержинскому! То меня назначают начальником управления железнодорожных войск ГПУ Республики, то заместителем начальника войск ГПУ Московского округа, то начальником войск ГПУ Орловского округа. Трудился везде истово, прихватывал ночи, не зная выходных. Требовал от себя и подчиненных идеальных поступков даже в самых обыкновенных житейских ситуациях. Ведь ленинская гвардия воспитывалась на идеалах самоотречения — революция, война, жертвенность. Бойцы верили своим командирам, командиры верили им. Славные дела внутренних войск Республики завоевывали прочный авторитет в стране. Свидетельством того внимания, с которым В. И. Ленин относился к нелегкой службе бойцов и командиров войск, служит донесение командира 457-го батальона войск ВОХР и выписка из приказа по 93-й бригаде ВОХР, где говорится о благодарности, объявленной В. И. Лениным личному составу караулов, охранявших мосты через реки Уча и Клязьма.

Славные традиции старшего поколения внутренних войск ярко проявились в суровые годы Великой Отечественной войны. Стойкость, мужество, героизм — вот те моральные силы, что передались от нас поколению сороковых годов. Мне тоже пришлось пережить и первые неудачи, и отступление, и великую радость Победы.

Сегодня наша страна живет перестройкой, а вместе с ней участвуют в этом обновлении Отчизны и воины внутренних войск. Когда читаешь об огромной помощи военнослужащих во время землетрясения в Армении, наводнения на Дальнем Востоке, экстремальных ситуациях в Закавказье, думаешь: хорошие, настоящие у нас защитники Родины. Спасибо, что дедов и отцов сменили в рядах внутренних войск такие отважные ребята, как рядовой А. Грушев, сержант С. Ветлугин, награжденные орденом Красной Звезды, и многие другие, кто уверенно множит традиции первых чекистов революции.

В заключение хотел бы пожелать всем генералам, офицерам, прапорщикам, сержантам и солдатам революционного энтузиазма, которым так отличались большевики-ленинцы, стойкости в борьбе за поставленные цели, страстности в пропаганде ленинских идей, ленинского отношения к жизни.

«СОБАЧНИК» ИЛИ СПЕЦИАЛИСТ?

Не исключено, что это презрительное, прилипчивое и, увы, широко распространенное прозвище «собачник» — наше, войсковое, доморощенное. Как готовим — так и зовутся. Во всяком случае в бытность свою солдатом на пограничной заставе ничего подобного слышать не приходилось.

Помню в деталях, как прибыл со своим питомцем Акбаром на заставу. Робел, конечно, так, будто по новой в армию призвали: как-то примут? Но волновался напрасно. И хотя начальник заставы почти с ходу — глаз наметанный — определил, что как дрессировщик я мало что значу, потому и собака подготовлена слабо, встретил меня приветливо. Моей необученностью не попрекал, напротив, сумел вселить уверенность, что через несколько месяцев мне как специалисту цены не будет.

Единственное, в чем я был уверен полностью, так это в том, что один прием — задержание убегающего нарушителя Акбар проводит на ять. Понял это и командир. И вечером того же дня вывел меня из строя и попросил показать заставе, как здорово делает задержание Акбар. А после сказал пограничникам: «Сами видите, на нашу заставу кого попало не направляют...»

У меня будто крылья за спиной выросли. Разрешили бы, занимался с Акбаром днем и ночью. Кстати, вскоре мы с ним выполнили нормативы первого класса.

Спустя несколько лет мне, уже прапорщику, инструктору службы собак, довелось видеть, как встречаются молодых дрессировщиков в подразделении наших, внутренних войск. «Компетентная» комиссия в

составе командира взвода, старшины роты и нескольких случайных ротозеев, знающая о собаках в объеме телепрограммы «В мире животных», долго смеялась над ефрейтором Владимиром Старковым — выпускником учебного подразделения. Отметив «на редкость», как выразился офицер, низкую подготовку дрессировщика и его собаки, комиссия пришла к выводу: место ефрейтора — на кухне. И отправился он, растерянный и обиженный градом насмешек, к котлам — повышать мастерство специалиста.

Разница, как видите, ощутимая. Понятно, что такой «горячий» прием мало кого подвигнет к мысли о необходимости дальнейшего служебного совершенствования. Если и появится желание, то, несомненно, одно — бросить все и забыть месяцы «учебки», как досадное недоразумение. У любого, даже крепкого духом, руки опустятся. И подобные встречи выпускников — не редкость, знаю об этом не только понаслышке. Они — широкий шаг от начинающего специалиста к «собачнику».

А, спрашивается, над кем это так весело смеялись командир и вся его самозванная комиссия? Не над собой ли? Ведь, как правило, все начинается с отбора кандидатов в учебное подразделение. Тогда и закладывается будущее низкое качество подготовки завтрашних специалистов. Наиболее приспособленных к армейской службе, имеющих определенные навыки в тех или иных областях, оставляют себе. Остальных — направляют к нам. Так что «собачников» делает тот, кто называет нас бракоделами. Забывает старую истину: из кувшина может вылиться только то, что

было в нем. И ни каплей больше. И если этот, негодующий, присылает (так и хочется сказать — подсовывает) людей, которые, как говорится, не испытывают ни малейшей тяги к работе с собаками, то их же он и получает обратно. Не учатся они, а будто повинность какую-то отбывают в «учебке». А собаке ведь не только дрессировка и кусок мяса — уход нужен тщательный, внимание пристальное. Обидно, что не только собаки страдают — дело.

Но и собаки, кстати, тоже. Так, требуется направлять в учебные подразделения служебных собак не старше двух лет. Правильно? Правильно, иначе эффект от дрессировки уже не тот. А куда девать тех, кто старше? Вопрос. Думается, нужно разрешить командирам списывать их за ненадобностью. До двадцати пяти процентов от общего числа, не меньше, ибо именно столько собак остается не у дел после увольнения в запас их хозяев. Вот и путаются они под ногами, бесхозные, неухоженные, иногда уже непригодные к службе.

С себя вины не снимаем. Чего уж там, если бы каждый на своем месте выполнял все «от» и «до», профбрака было бы значительно меньше. Но и всю вину вваливать на нас не стоит. Истини ради. И в интересах дела.

Да и для кого новость, что отношения между офицерами, прапорщиками «бывших» и учебных подразделений довольно-таки сложные, можно сказать, натянутое. Почему? Все очень просто. Первые считают вторых чуть ли не бездельниками, горе-учителями, не способными в отведенное для этого время сделать из вчерашнего школьника хо-

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

ты бы второклассного специалиста. В ответ они нередко слышат упреки в том, что судят о вещах, в которых абсолютно ничего не смыслят.

Николай Иванович Осипов, к примеру. Сколько камней забросил он в огород учебного подразделения, сетуя на слабую подготовку специалистов. Не так давно он окончил экстерном училище и прибыл к нам лейтенантом, командиром учебного взвода. И теперь точно знает, почему фонт лиха, сам выслушивает горькие слова от бывших своих сослуживцев. Понял наконец, что одного горячего желания офицеров подготовить для работы в войсках толковых специалистов мало, нужны еще объективные условия. И создать их непросто.

Только в минувшем году появился долгожданный приказ, отражающий реальные требования к специалисту—выпускнику учебного подразделения. Ранее действовавшие нормативы были практически невыполнимы (например, эффективная работа по следу двухчасовой давности), вот только признаться в этом смелости не хватало. На какие только уловки и ухищрения не шли опутанные сетями формализма и очковитательства специалисты, чтобы не ударить в грязь лицом и показать работу собаки в лучшем виде. Даже запахи умудрялись усиливать различными добавками. А однажды, проверяя обученность собаки при просмотре автомашины, обратил внимание на то, что собака постоянно жует. Оказалось, дрессировщики изрядно нашпиговали автомобиль мясом, стимулируя таким своеобразным способом поисковую активность собаки. Заменял этот «пирожок на колесах» обыкновенной машиной — полное безразличие собаки и, естественно, нулевой результат.

Теперь, к счастью, приблизилась к жизни, к практике, исходим в основном из реалий, как бы они ни портили нам отчетность. Повторю — в основном. Дело в том, что обучение курсантов идет по программе, не допускающей самодей-

тельности. Но год от года меняется количество основных предметов обучения. И меняется в сторону увеличения. Это факт. А искусственно создаваемый цейтнот существенно отражается на качестве подготовки — закономерное следствие этих фактов. Самостоятельная работа, крайне необходимая для закрепления теоретических знаний и отработки практических навыков, уходит на изучение все нового и нового материала. Со стороны может показаться, что круг знаний курсантов значительно расширяется. По сути же, это одни «вершки» без «корешков». Глубина нужна, а мы идем на большой скорости, оставляя позади обширные белые пятна. И что в итоге?

К примеру, уставы Вооруженных Сил СССР — предмет основной, следовательно, от оценки за их знание зависит общий балл подготовленности личного состава. Но попробуйте сами в отведенные шесть часов учебного времени разъяснить молодым солдатам смысл хотя бы фундаментальных, основных положений уставов. Примерно так же обстоят дела и со строевой подготовкой, и с другими предметами. Наверстываем. Волей-неволей отрываем часы от спецподготовки, ведь в первую очередь перед нами солдаты, а уж потом дрессировщики. И это не проходит бесследно, негативно сказывается на профессиональной обученности выпускников. Пора признать, что несовершенство программы — реальность. Как, впрочем, и то обстоятельство, что настоящих, серьезно подготовленных, опытных методистов в войсках можно по пальцам пересчитать. А разве это не причина слабой подготовленности дрессировщика? Кем комплектуем должности инструкторов-методистов службы собак? Молодыми, без году неделя прапорщиками, которые сами нередко нуждаются в хорошей школе. И это еще полбеды, вся беда в том, что редко кто из них задерживается, остается на этой должности после первой подписки. Наверно, и мы не все делаем,

чтобы их удерживать, но как удержишь, если рядом есть более спокойные и высокооплачиваемые места? Вот если бы повысить им категории да поднять престижность их труда, тогда, глядишь, и квалификация появилась бы, и с текущей кадровой покончили. Но об этом пока можно только мечтать.

Ощутимый вред делу подготовки специалистов наносит частые и труднообъяснимые передислокации нашего подразделения. С места на место, за сотни километров, бросая нажитое и обжитое. За последнее десятилетие перекочевали уже в третий город. У меня, как у командира, и сейчас нет твердой уверенности в том, что можно с легким сердцем, как говорится, распаковать чемоданы. Нет-нет да и приходит порой в голову тревожная, неприятная мысль: а вдруг завтра опять бросать только что построенные питомник и учебный городок и в путь-дорогу? Ну а что такое в предельно короткие сроки создать добротную материальную базу для подготовки курсантов? Чтобы понять это, надо все пережить самому. Да и курсанты вынуждены заниматься не учебой, а стройкой.

И без базы — никуда. Курсанты непременно должны попробовать свои силы в работе на «объекте», в условиях, приближенных к реальным. Чтобы служба молодого специалиста в подразделении не началась с длительной и запутанной болезненной адаптации на объекте. Чтобы собаки не шарахались в испуге от скрежета ворот колонии и не воротили морды от автомашин на контрольных площадках.

Так что если вести речь о перестройке в нашем деле всерьез, то вести ее, на мой взгляд, следует в названных направлениях. А главное — от жизни идти надо. Пусть план по валу, каким бы заманчивым и желанным он ни казался, будет немного ниже, зато качество на выходе, а следовательно, и служебная активность — заметно выше.

Майор
А. КУРОПАТКИН.

■ До службы Руслан Варлаченко имел дело с техникой — учился на помощника машиниста электровоза. В войсках стал сержантом, инструктором служебно-розыскного собаководства. Дик — собака умная, послушная, надежная. Взаимопонимание и мастерство — итог долгих тренировок.

■ Заслужил поощрения от командования и ефрейтор Андрей Касич-Пилипенко (на среднем снимке он на переднем плане). Рабочий прославленного киевского «Арсенала» любит животных. Его Лона ощущает это ежедневно, потому и ждет с нетерпением своего хозяина — заботливого, ласкового, терпеливого.

■ «Задержание нарушителя» — проверка деловых качества специалистов СРС и их питомцев. Фото старшего прапорщика А. АЛЕКСАНДРОВА.

РЯДОВОГО Сергея Вахрамеева мы посадили в милицейский «уазик» и поехали искать Вахрамеева-старшего. Мимо такого случая никакой репортер не прошел бы равнодушно: в хаосе несчастного Ленинанкана встретились отец и сын. Сын служит во внутренних войсках, в подразделении, охраняющем общественный порядок. Несколько раз часть сменила место дислокации сообразно сложной переменной обстановке особых районов. В день землетрясения рядовой Вахрамеев с товарищами совершил марш в район бедствия.

Олег Николаевич Вахрамеев тоже привычен к бивуачной жизни. Бригадир комплексной бригады строителей из Усть-Каме-ногорска строил природоохранные, очистные сооружения, а в прошлом году сдал под ключ школу в бамовском поселке Чара. Узнав о беде, постигшей Армению, не усидел старшина запаса дома, с группой добровольцев прибыл в Ленинанкан.

Оба Вахрамеевы замотаны до предела, как и все в те дни. Сергей поначалу даже не знал, где остановился его отец с бригадой. При вчерашнем мимолетном разговоре тот лишь сказал, что жить будут в юртах.

Отряд спасателей из Казахской ССР расположился у подножия холма, на котором простерла руки к разрушенному городу устоявшая в стихии скульптура Матери-Родины. Олега Николаевича нашли в их бригадной юрте. Уютное, надо признаться, жилище для походно-полевой жизни: теплое, компактное, даже симпатичное. Было время пересменки. Решили по дороге на объект, где работали добровольцы из ордена Трудового Красного Знамени треста «Алтайсвинецстрой», заглянуть в расположение наших воинов. Должен ведь отец побывать в гостях у сына. Сфотографировали их на память в палаточном городке. Успели накоротке выпросить у Вахрамеева-старшего кое-какие подробности для нашего репортажа.

Служил срочную в танковых войсках, в Туркмении. Жарко было и в прямом, и в переносном смысле — командовал старшина Вахрамеев ремонтным взводом, отлаживал и технику, и взаимоотношения в коллективе. Тогда и стал он членом партии.

Теперь вот бригадирит, много раз избирался членом горкома партии. В Армению собирались в буквальный смысле по тревоге: несколько часов на подготовку техники, и—вперед! Загрузили в Ил-76 автотран, УАЗ-469, два компрессора, газорезку... Прилетели, ночью установили первую палатку. Наутро разделились пополам: одни работали на развалинах, другие—обустраивали лагерь. Работать будут многие месяцы, вахтовым методом, пока не отстроят новый город...

За тысячи километров приехали отец и

ВСТРЕЧИ НА РАНЕНОЙ ЗЕМЛЕ

сын Вахрамеевы, чтобы помочь армянскому народу. Каждый занят своим нужным делом. Стала их встреча красноречивым доказательством, что рано списывать в отставку очень точный и емкий лозунг «Народ и армия едины». Едины отцы и дети, едины рабочие и солдаты...

ЖИТЕЛИ Ленинанкана, Спитака в дни тяжелого испытания убедились в высоком предназначении солдат правопорядка. Они предоставили пострадавшим кровь, пищу, медицинскую помощь.

В те дни можно было видеть на руинах целые бригады, сформированные из солдат, получивших отпуска по семейным обстоятельствам. В Ленинанкане трудились представители УВВ по Северо-Западу и Прибалтике, Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

Несколько сотен наших военнослужащих прибыли из своих частей в родные места, чтобы отыскать близких, помочь.

Семье рядового Давида Аветисяна повезло — все живы, уцелел их дом. Давид, который честно отслужил два года срочной на Урале, вернется в строительный техникум. Строители сейчас в Армении, их как нужны!

А вот соседу Аветисянов Хачатуру Степановичу Снехану пришлось испить горькую чашу — погиб его старший сын Григор, Славный был парень, недавно отслужил, женился... Остался младший Артур. Жаль будет расставаться, когда его призвут на службу, а что поделаешь? Без солдат разве обойдемся? Где служить лучше? Да хоть и во внутренних войсках. Отличные там ребята. Ленинанканцы это подтвердят...

Свернув с улицы Ширакаци к караулу у прядильной фабрики, мы повстречали еще двух наших. Рядовые Гегам Акопян и Артур Адамян служат в Амурской области, недавно призваны. Получили отпуск по семейным. У обоих родня не пострадала. «Поможем в спасательных работах, — говорят солдаты, — и снова на службу».

Возвращаемся среди руин. На них работают спасатели. На улицах — военные патрули. Каждый занят своим делом.

Подполковник Б. КАРПОВ.
Фото старшего прапорщика
А. Александрова.

Трагедия, случившаяся на земле Армении 7 декабря прошлого года, глубокой болью отозвалась в сердцах людей всего мира. Боль эта не проходит со временем — настолько велики жертвы и разрушения. Руины городов и сел, тысячи могил забыть невозможно.

Всегда будут помнить и тех, кто первым протянул руку помощи армянскому народу. Среди первых были солдаты внутренних войск, Советской Армии, горноспасатели из многих стран, врачи, авиаторы...

■ Отец и сын Вахрамеевы.

■ Горе. Х. С. Снехчан.

■ Рядовой Д. Аветисян с родителями и сестрой.

Операция «Боцман», или Гипноз глупости

ХРОНИКА ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНОЙ ИСТОРИИ С КОММЕНТАРИЯМИ

Такого, утверждают, еще не было. Три ответственных работника — двое из ИТК и командир роты — вывезли из зоны осужденного. И вроде не корысти ради (подобное как раз случалось), а в целях благородных — чтобы помочь тому в выполнении будто бы весьма ответственного задания. Как важную персону, всячески оберегая и остерегая, они везли его в Москву. Правда, по дороге в столицу осужденный сбегал.

Первое услышанное объяснение:

— Прямо гипноз какой-то.

Это сказали в штабе дивизии. Потом в УЛИТУ и политотделе части, в ОИТК-1 и штабе батальона, наконец в колонии и роте — везде сначала говорили то же самое:

— Будто заколдовало всех.

— Прямо-таки ум отшибло.

— Наваждение какое-то.

И в самом деле здравым смыслом объяснить случившееся трудно.

Осужденные В. Гопак и Н. Наджаев друзьями не были. Но, находясь в ШИЗО, сошлись интересами. Времени свободного много, говорено-переговорено всякое, не раз сетовали на судьбу. Особенно неудачно складывалась она у Гопака. Он был дневальным по ШИЗО, помогал контролерам в обысках и прочих подобных делах. За это осужденные его невзлюбили, грозили расправой. «Надо что-то делать, — пожаловался как-то вечером Гопак напарнику по камере, — дальше так продолжаться не может». Тут-то его и осенила мысль об этом «что-то», конечно, еще не сформировавшаяся окончательно. Не спал всю ночь, думал, прикидывая десятки вариантов.

А утром, повеселевший, представился Наджаеву подполковником КГБ, агентом союзного значения, рассказал, что направлен в колонию «Центром» для раскрытия банд и других преступных группировок. На другой день уточнил: разоблачаю мафию среди работников ОИТК. Потом спросил, не слышал ли он о нашем деле «Кустанай-золото»? Наджаев, хоть и не ведал ничего об этом, кивнул утвердительно.

«Моя заслуга, — похвастал Гопак, — Главного преступника тогда расстреляли, а его жену посадили на 8 лет. Да и здесь я зекскую баланду хлебаю не зря. Помнишь, на днях по этапу отправили Малина? Крупный мафиози. Крышка ему теперь. Изобличен полностью».

Теперь настал черед не спать ночь Наджаеву. «Зачем он все это рассказывает?» — думал он. И хотя не верил ни одному его слову («Почему подполковник КГБ должен мне раскрыться?»), не возражал, не спорил. Он понял, что затевается какая-то игра, и был готов принять в ней участие. «Большая хохма может получиться», — хихикал про себя. Но он и представить себе не мог, что их розыгрыш разрастется до таких размеров, его волны докатятся до Лубянки, до ГУИД и ГУВВ.

13 августа 1968 года, сразу же по выходе из ШИЗО, Наджаев зашел в кабинет оперуполномоченного оперативной части колонии лейтенанта внутренней службы Л. Писукова. Наджаев работал дневальным по штабу, гордился этим, всегда ходил с поднятой головой. На этот раз и вовсе приосанился, дверь открыл чуть ли не ногой.

— Здравствуйте, товарищ лейтенант.

Тот встал, одернул китель. Выходка осужденного его вроде бы не удивила.

— Я агент КГБ.

Писуков предложил сесть. И выпалил без всякой паузы:

— А я вас давно вычислил.

— Как!.. — Наджаев вскопчил, тем самым чуть было не выдав себя. Сколько вариантов они с Гопаким прокрутили в голове, представляя эту минуту. Наджаев играл за себя, Гопак за Писукова. На каждый довод отрабатывался четкий контраргумент, на каждый вопрос продумывался убедительный ответ. На крайний случай придумали себе организацию — «челябинский оперативный отдел особой секретности» и ее «начальника» — генерал-лейтенанта. Конечно, надеялись, что поверят на слово, запросов посылать не станут. И вдруг никаких уловок не потребовалось, Писуков сам шел в нужном направлении, как кролик в пасть удава.

— О, это очень просто, — Писуков широко улыбнулся. — Во-первых, по вашему независимому виду. Во-вторых, я ведь «опер», не лишен, так сказать, интуиции.

Сколько людей погубил гипноз самолюбования, вера в свое особое предвидение! Но когда я вспоминаю таких людей, знакомых пи, литературных ли героев, у них что-то было за душой, что-то свое, чем можно было бы гордиться, а то и любовать, если самоконтроль потерян. У Писукера еще ничего, кроме амбиции, не было: ни профессионализма, ни жизненного опыта. Возраст 23 года. Всего девять месяцев на должности. Сослуживцы считали его верхоглядом, по их мнению, к оперативной работе он относился как к беззаботной игре.

У Писукера было много начальников. Но ни контроля с их стороны, ни помощи. Писукер был полностью предоставлен самому себе.

Недаром говорят, что к лихачеству больше всего способны водители начинающий и ас. Первый считает, что все уже знает, второй думает, что все может. Или это относится ко всем людям? Тогда тем более важна роль наставника. У Писукера было много начальников — начальник части колонии лейтенант внутренней службы Ф. Гаджиев, заместитель начальника ИТК по РОР старший лейтенант внутренней службы З. Бакиров, начальник колонии майор внутренней службы С. Федоров, начальник оперчасти ОИТК майор внутренней службы А. Дергунов... Но ни контроля с их стороны, ни помощи. Писукер был полностью предоставлен самому себе.

II

Дальше разговор скорее напоминал светскую беседу: о том, о сем и, как бы между прочим, о «деле». Писукер блистал своей осведомленностью. Сказал, что знает таких людей, как Наджаев, и ему известно их денежное содержание. Назвал при этом 185 рублей. «Без платы за звание, разумеется», — добавил он. — А какое воинское звание у вас?»

— Подполковник. — Наджаев сказал и поперхнулся. К такому вопросу он не был готов и ответил то, что на ум пришло, скорее, по аналогии с Гопакем. «Кажется, перебрал, — подумал. — Как бы не влипнуть».

И в самом деле это был первый порожок, на котором должен был Писукер споткнуться. Наджаеву 26 лет. Писукер хорошо знал его, так как тот все время был у него на глазах. Ну а в 26 нельзя стать

подполковником даже в КГБ. Но никаких сомнений. Ум парализовал гипноз безответственности, лень было пошевелить мозгами.

Да что там Писукер. И его начальники показали в этой истории полную свою несостоятельность. Налицо профессиональная деформация, отсутствие элементарного чутья. Да и в моральном отношении — только руками разведешь. Позже некоторые из них будут говорить, что трусили, боялись за свою жизнь. Но ведь сами же и выбрали, одни — тактику прессинга и угроз, другие — позицию непротравления и выжидания. А главное — то и другое они считали естественным ходом развивающихся событий. Словом, гипноз инерции.

Писукер попросил Наджаева поспособствовать его переводу на службу в КГБ. «Знаете ли, здесь скучно и... муторно на душе, — добавил он. — Вот жена уехала домой, в Гродно. Не хочет здесь жить». Что ж не порадовать родному человеку. «А вы уже давно старший лейтенант госбезопасности и являетесь основным моим связником», — был ответ.

Надо заметить, что осужденные Гопак и Наджаев очень тонко определили психологическое состояние соучастников «операции», заветную, так сказать, их мечту. Все они были здесь временщиками, спали и видели, как бы выбраться отсюда. Тем не менее подумывали о карьере. Так что разговоры вокруг этого, посулы, обещания были серьезным побудительным мотивом их поступков. Писукеру Наджаев сказал: «Деньги тебе там уже идут. Будьешь нас слушать, поедешь куда захочешь, присвоим досрочно звание «капитан». Федорову: «Поможем перевестись в твоё родное Иваново». Головину, командиру роты: «Знаем, что ты кандидат в академию. Поступишь без экзаменов. И «майора» получишь».

Самое печальное здесь, пожалуй, то, что все трое верили в эту чушь. Ну как же, их погладили по сердцу!

— Не понял в отношении связника, — попытался уточнить Писукер.

— Ну вы же не забыли, что отправляя мои письма «на волю»?

Писукер с октября 1987 года действительно опустил в поселковый почтовый ящик 17 писем Наджаева. Говорил, что некоторые из любопытства читал, но ничего якобы не понял. Теперь это как бы подтвердило его догадку — шифр.

В официальных документах факт отправки писем, минуя цензуру, не фигурирует как неслужебная связь с осужденным, не усмотрено корысти. Ну а как забвение должностных обязанностей! Увы, и это не значит. Многие здесь весьма своеобразно понимают служебный долг. Изымали, например, спиртное у осужденных, но не всегда уничтожали. А иногда и акт не составляли. Потом «Старый Таллин», и другие редкие напитки, а то и просто водку использовали по своему усмотрению.

Недавно в «Огоньке» была опубликована статья «Беспредел». В ней, в частности, сказано, что в среде наместа ИТУ концентрируются отбросы армии и милиции. Сразу же хочу отмежеваться от такого обидного и несправедливого обобщения. Но применительно к конкретному случаю этот тезис хотелось бы рассмотреть.

Писуков до поступления в Вильнюсскую среднюю специальную школу МВД учился в Горьковском высшем военном командном строительном училище. Будучи на спортивных соревнованиях в Москве, самовольно оставил часть. Выгнали. Федоров закончил Ивановское пожарно-техническое училище, но работал в системе ИТУ. Последняя должность там — начальник режимной части. С обязанностями не справился. В 1980 году уволен по ст. 67 «д» [по служебному несоответствию в аттестационном порядке]. Но через три года восстановлен в органах МВД. Еще один — Дергунов ранее работал в милиции, затем — следователем по особо важным делам в Саратове.

— Выходит, оказали недоверие прежним их характеристикам, заключениям кадровых органов! — этот вопрос я задаю начальнику одного из отделов УЛИТУ майору внутренней службы В. Пассовому.

— Некоторые сомнения, конечно, были. Но что поделаешь, кадровый голод.

Все это так. Но не рубим ли сук, на котором сидим! Пренебрегая отбором людей, затыкая кем попало кадровые дыры, несем крупные моральные издержки. И не только моральные.

В общем, я не испытал жалости, когда узнал, что непосредственные начальники Писукова были первыми, на кого он стал собирать компматериал. «Чем больше будет, тем лучше», — наставлял его Наджаев. — Новую должность надо оправдать. В КГБ твоё усердие учтут».

Писуков поднялся, одернул китель, принял положение «смирно», что надо было понимать как клятву на верность. С этой минуты он стал весьма жестким проводником идей Наджаева. Наутро обязался, уступая его нажиму, организовать встречу с Федоровым и Дергуновым.

Но ни 14, ни 15 августа этого сделать не удалось: один был за пределами подразделения, другой мотался по лесозаготовительным участкам. Наджаев же, подумав, что тот снизил активность, предпринял новую психологическую атаку. Сначала сказал, что долгое время работал по разоблачению преступного формирования «Кузбасс-золото», члены которого якобы отбывали наказание в ИТУ УВД Кемеровского облисполкома. Попугал: начальник колонии в итоге застрелился, здесь будет то же самое, операция по разработке мафии из числа администрации ОИТК заканчивается. «Но к ней мы причисляем и тех, — уверенно добавил, — кто не оказывает нам помощи». Писуков содрогнулся и заверил его в преданности «до гроба».

16 августа Наджаев вновь встретился с Писуковым и решительно потребовал свети его с Федоровым, но при этом не забывая, что он уже не подчиненный, а работник КГБ. Писуков тотчас зашел в кабинет начальника колонии и, сделав глубокий вдох, назвал старшим лейтенантом госбезопасности. «А сейчас я вам представлю своего шефа — подполковника», — сказал он. В это время открылась дверь, вошел Наджаев. Федоров удивленно поднял брови. «Да, да, это наш дивальный, наш уважаемый Николай Нариманович».

Как повел себя Федоров? Говорят, что он намеревался посмотреть личное дело Наджаева. «Обижаешь, начальник, — сказал тот ему. — Конечно, там, в деле, я преступник. А как же иначе? Чтобы внедрить меня в колонию, разрабатывалась правдоподобная легенда». Для пущей убедительности припугнули: если не поможет в выполнении секретного задания, будет снят с должности и отдан под суд. Тут Федоров забыл и про документы, и про, пусть жидкие, сомнения. Обещал всяческое содействие в их «почетной и благородной миссии».

Начало сотрудничества тут же закрепили чаем. Роль официанта по привычке услужливо сыграл Наджаев. Ему сразу же был выписан пропуск на право передвижения без конвоя — в нарушение всех требований, без рассмотрения комиссией. Но поскольку такое случилось сплошь и рядом, то это ни у кого — ни на КПП, ни в колонии и роте — не вызвало ни малейшего удивления. Да, служебный долг здесь понимали своеобразно.

Взаимные заверения во взаимном уважении продолжались в этот вечер на квартире Писукова, но уже не за чаем, а за рюмкой «Старого Таллина».

С этого времени они пили часто — и парами, и всей группой. Закрепляли спиртным малейший успех в «операции», пили и без повода, просто для того, чтобы забыться. Когда не доставали водки, заменяли ее одеколоном, особо не мудрствуя. Думаю, в распитии спиртного они проявили свои истинные глубинные интересы, были без маскировки самими собой. Наджаев во хмелю хвастал: «Скоро ко мне придет агент по кличке Рита, а может быть, и сам генерал — будет много водки». Событиями с погонами на плечах заискивающе улыбались и дружно кивали головами. Но если осужденных как-то можно было понять — это их мечта, сон, грезы, то служивых понять немисливо — питье они превратили в своеобразную традицию. У Головина, например, был случай еще 14 мая. Еле держась на ногах, зашел в караульное помещение, на всех кричал, вался к пирамиде, применил к солдату силу. Вот уж до чего дошло. Хорошо, что рядом оказался лейтенант Г. Гладков, он сумел предотвратить беду.

Я все думаю, почему они, люди вроде бы ответственные, не заметили, что эти «подполковники КГБ» пьют, как обыкновенные (есть такая побасенка) бесконвойники. Вроде бы существенная зацепка. Но не зацепила, осталась незамеченной. И все потому, что были они с ними на равных, такие же морально опустошенные и бездуховные.

В распитии спиртного они проявили свои истинные глубинные интересы, были без маскировки самими собой.

Подошла к концу вторая бутылка «Старого Таллина». Тут-то и спросил Наджаев Писукова, не сможет ли он достать оружие для личной безопасности? «Мафия грозит», — добавил он. Писуков сказал, что у него оружия нет, но он его непременно добудет в батальоне через капитана Головина.

Тут мы подошли к самой запутанной части этой истории. Ее бы я озаглавил так: «Отчего сломался Головин?»

17 августа Писуков, Наджаев и Федоров вызвали Головина из дому, пригласили в машину и предложили выехать в район батальонного стрельбища. Вдали от людских глаз они, как и подобает настоящим заговорщикам, раскрыли свои карты.

Головин смеялся им в лицо: «Начитались детективов». Дело принимало неожиданный оборот, и тогда пустили в ход «тяжелую артиллерию» — Федорова, они дружили. «Все очень серьезно», — сказал тот. Они отошли в сторону. Объяснение было бурным. «Я здесь ни при чем», — не сдавался Головин. «Конечно, — настаивал Федоров, — просто нужно оружие. Товарищ очень важный (он показал на Наджаева), стоит нас вместе взятых». «Обращайтесь к командиру части», — это уже Писукову. «Как можно? Ведь разрабатывается мафия. А они там (он показал в направлении поселка городского типа) все к ней причастны». В общем, предложили хорошенько подумать до 19 часов. Он ушел, пока непокоренный.

Вечером на квартире Писукова опять шла обработка Головина. Но он по-прежнему не сдавался. Тогда Писуков выдал последний оставшийся у него аргумент. «Чалого помнишь?» — спросил он. «Помню». «Так вот, дело его у меня. Поможешь доставить Наджаева в Москву в декабре — дело сожжем. Нет — дам ему ход». Головин тут же передал Наджаеву закрепленный за ним пистолет. Сдержал свое слово и Писуков: какие-то бумаги были брошены в печь.

Кто же такой Чалый! И почему при упоминании его имени так быстро и неожиданно сломался Головин! Это осужденный, который вдруг скончался. Одни говорили, что он был смертельно болен, другие, напротив, утверждали, что неопишимо здоров. Вскоре после его смерти по колонии поползли слухи: умер от побоев контролеров. В «инстанции» пошла жалоба — ее написал осужденный Зубков. Проверять изложенные в ней факты приехала комиссия во главе с прокурором. Труп эксгумировали, причину смерти подтвердили предвзято: что-то связанное с болезнью сердца. Вроде бы вины Головина нет. Чего же он испугался! Или если есть дым, то, возможно, был и огонь!

Этот факт зафиксирован в материалах следствия. До меня их, очевидно, читали многие начальники. Слова жирно подчеркнуты чернилами, на полях восклицательные и вопросительные знаки. Только ответа нет. И, наверное, потому, что к данному делу все это вроде бы непосредственного отношения не имеет. «Все это» отпочковывается как бы в самостоятельное дело. И хотя оно уже разбиралось, думаю, ставить точку рано. И ГУИД, и ГУВВ. Тем более называют осужденных Гужеева, Скворцова, Деревянкина, которые в «курсе дела». Есть и такие, которые уже освободились, но колония знает их адреса. Почему бы не проверить! Впрочем, допускаю, что осужденные ввели меня в заблуждение. Но тогда отчего сломался Головин!

Сам он отвечает на этот вопрос противоречиво. С одной стороны, якобы верил в существование мафии: были, мол, отказы в возбуждении совершенно бесспорных уголовных дел, были приписки в заготовках леса. И когда узнал, что за дело взялось КГБ, он, дескать, вздохнул облегченно: теперь-то наступит возмездие, и по мере сил хотел помочь.

Но, с другой стороны, утверждал, будто ему угрожали. Пожалуй, если угрозой считать шантаж. Это действительно угроза, если есть основание чего-то бояться. И потому он верно служил Писукову за данный тем обет молчания. И потому более жестко, чем сам Писуков, следовал идеям Наджаева и Гопака, даже жестоко, поскольку угрожал оружием.

Когда Головин возвратился из Москвы, с ним беседовали командир дивизии и начальник политотдела. «Если бы кто-нибудь попытался захватить Гопака, вы бы стреляли!»—«Да».—«А если бы на вашем пути оказались мы!»—«Да». Вот она, сила моральной, служебной и умственной деформации! Гипноз, так сказать, отчаяния.

В тот вечер, 17 августа, засиделись на квартире Писукова допоздна. За столом, кроме хозяина, Наджаев, Федоров, Головин. Опорожнена очередная бутылка водки. Тут-то Наджаев и заявил о необходимости расконвоировать еще одного человека — тоже, «агента всесоюзного значе-

ния». Фамилию пока не назвал. Видимо, здорово набрались, поскольку все, кроме Головина, остались ночевать у Писукова.

18 августа Писуков и Наджаев пришли в колонию. Здесь, в кабинете Писукова, Наджаев и представил ему осужденного В. Гопака как «подполковника КГБ, работающего под псевдонимом Рудой». «Мой псевдоним — Боцман», — уточнил он. Был в свою очередь представлен Гопаку и Писуков как «основной канал связи». Гопад поблагодарил Писукова за службу и крепко пожал ему руку. Тут же ему была вручена записка: «100007, К-7, ул. Дзержинского, 127, кабинет 362 МКГБ СССР, сектор административного надзора над органами юстиции и прокуратуры, генерал-лейтенант Александров Константин Борисович».

Это ведь еще одна зацепка, поскольку в записке все неверно: и почтовый индекс, и название учреждения, и номер дома, да и воинское звание человека, ведающего каким-то сектором в городском управлении, великовато. Увы, все воспринято как должное.

Наджаев сказал Писукову, что по этому адресу они повезут Гопака в декабре, когда предполагается закончить задание. Ну и напомнил о «бесконвойке». Писуков выписал пропуск, подделав подпись Федорова. На КПП подделки не заметили.

V

19 августа Наджаев и Гопад зашли в кабинет Писукова. Наджаев сказал, что планы изменились, над их жизнью нависла угроза, Гопаку нужно срочно выехать в Москву. Вечером Писуков встретил Федорова и довел ему «изменения в обстановке». Федоров заколебался. Одно дело везти Гопака в декабре, и совсем другое — сейчас, немедленно. Он, очевидно, считал, что за четыре месяца все само собой уляжется. Да и, надо полагать, не собирался сидеть в неведении, думал что-то выяснить, принять, может быть, какие-то меры. Времени-то впереди много. И вдруг эта неожиданность.

Он решил посоветоваться с Дергуновым. Тот как раз позвонил из аэропорта, где встречал семью, и попросил подвезти их на машине. Примерно в 22 часа, улучив минуту, Федоров рассказал ему ситуацию, в которую попал. Тот не поверил и решил сам все выяснить.

Между тем Писуков развернул активную подготовку к выезду: изъял из личного дела Гопака паспорт, передал ему свою штатскую одежду. Тот примерил — как раз. Начали обсуждать варианты выезда. Наджаев предложил Писукову вызвать на квартиру Головина. «Один пистолет — мало», — заявил он. — Надо организовать более солидную охрану».

Примерно в час ночи 20 августа пришел Головин. «За жизнь Гопака отвечаешь головой», — сказал ему Писуков. Тот заверил, что с заданием справится. Через полчаса

приехали Федоров и Дергунов. Последний решил поговорить с каждым наедине. О чем был разговор, неизвестно. Только Дергунов сказал Федорову: «Такое может быть».

Но, думаю, поверил он все-таки потому, что его беседа носила прямо-таки летучий характер. Иначе он бы наверняка обнаружил, не мог бы не заметить какие-то противоречия, нестыковки, хотя бы те, которые на поверхности. Правда, утверждают, что ничего не узнал бы и при более длительном разговоре: он полностью утратил профессиональную бдительность.

Наверное, еще с час обсуждали план выезда. Федоров предложил позвонить начальнику УЛИТУ (или заехать к нему). «У него прямой телефон с Москвой, посоветуемся, найдем, может быть, более безопасный вариант». Наджаев и Гопад отвергли эту мысль с порога: они поняли, что их вроде бы логически стройный план на грани провала. Отошли в сторону, посоветовались и пришли к выводу, что Федоров, когда ездил за Дергуновым в аэропорт, вполне мог побывать у начальника УЛИТУ. Надо было во что бы то ни стало это выяснить, иначе начинать «операцию» бессмысленно. Однако пока не высказали своей тревоги.

Федоров между тем продолжал, что если им не нравится его первый план, то можно выехать в Москву другим путем. Наджаев и Гопад переглянулись: «Чего он так быстро соглашается, не иначе как в том поселке городского типа, который не миновать, приготовлена засада». Писуков попросил Головина, кроме пистолета, взять хотя бы еще два автомата. Тот сказал, что возьмет и через временные пропускные посты провезет, так как на них несут службу его солдаты. «Правда, — добавил он, — паспорт должен быть в порядке». Проверили паспорт Гопака, а там, оказывается, нет прописки. Дергунов тотчас предложил свой. «Оба пухлые, сойдет», — сказал удовлетворенно Писуков, посмотрев на фотокарточки. Дергунов дал еще 50 рублей на дорогу, очевидно, для того, чтобы его усердие по достоинству оценили.

Осталось съездить в батальон за оружием. Тут надо сказать, что за сутки до этого из ЛЗУ сбежал осужденный. Автоматы дежурный выдал беспрепятственно, естественно, он думал — для розыска бежавшего. Головин взял еще с собой четыре снаряженных магазина и более 600 патронов. Это, наверное, могло бы насторожить, быть поводом для доклада командиру батальона или начальнику штаба: ведь с таким количеством боеприпасов можно вести бой несколько часов.

Но этого не произошло. Рутинная и беспечность глубоко пустили корни и в воинском подразделении. Чтобы смечь за собой мосты, Головин сказал дежурному: они с Федоровым возвратятся из розыска не ранее 12 часов. Их в самом деле не искали ни 20-го, ни в первой половине дня 21 августа.

ПОИСК

Каждый посвященный в святая святых поисковой работы знает: без погони редко обходится. Всему свой черед: работа мысли уступает место работе мышц. И тогда все на пределе — и силы, и нервы, и поводок неудержимо рвущейся служебной собаки. Никакой скидки на усталость — и только вперед: догнать, задержать, обезвредить!

ИДЕТ БОЕВАЯ УЧЕБА

- ВЗЯТЬ ПРЕПЯТСТВИЕ... 4
- ЗА ВЫСОТОЮ – ВЫСОТА
- ОГОНЬ ВЕДЕТ ГРАНАТОМЕТЧИК

Фото старшего прапорщика
А. Александрова.

- ПО ЛИНЕЕЧКЕ...
- ЧТОБЫ МЕТКИМ БЫЛ
ВЫСТРЕЛ
- ЧТО ТАМ В ГАЗЕТАХ?

Фото Б. Гуккаева.

СИЛЬНЕЕ ОГНЯ

У нас в гостях журнал
„Пожарное дело”.

О буднях воинов-по-
жарных рассказывают
снимки А. Кондратьева.

Головин проявил инициативу: взял с собой не только то, что требовали, но и прихватил лишнее — радиостанцию. «Необходимо прослушивать эфир, чтобы знать, нет ли погони», — пояснил он. Гопак удовлетворенно кивнул.

На обратном пути из батальона до квартиры Писукова вел машину Федоров. Когда доехали до места, в ней разыгралась изуверская сцена. «Руки на руль!» — командовал Головин. Федоров подчинился, Головин тут же перехватил его кисти брючным ремнем. Гопак (он тоже был в машине) выхватил нож и профессионально приставил его к сонной артерии Федорова. Они требовали сказать, был ли он у начальника УЛИТУ. Федоров отрицал. Изуверы кричали, грозили расправой. Федоров повторил: нет. Гопак на заднем сиденье закатил истерику: «Я многих убил, придется убрать и еще двоих, сначала этого, потом того». Очевидно, имелся в виду и Дергунов. Федоров просил сохранить ему жизнь. Он плакал. Таким — со сломанной волей, со связанными руками — они и привели его в квартиру.

Я все думаю, зачем понадобилась эта, в общем-то разоблачающая их акция! Для того, чтобы «доложить» Наджаеву, что «мешка» в поселке городского типа нет и путь свободен! Для того, чтобы устрашить Дергунова, а заодно с ним и Писукова! Или чтобы показать, что «операция» достигла кульминации и все должны быть предельно собранными! Видимо, и первое, и второе, и третье. Но все-таки один вопрос остается: неужели они [Федоров, Головин, Писуков] предполагали, что все эти уголовные действия допустимы в КГБ! Наверное, все же это была серьезная зацепка, которая незаслуженно прошла мимо внимания этих «деятели» в погонах.

VI

В «операции» действительно наступил кульминационный момент. Головин забрал у Наджаева свой пистолет, а ему передал для «личной охраны» автомат с одним снаряженным магазином, потом выдал еще 120 патронов. Наджаев объявил высочайшее решение: Гопака повезут в Москву Головин, Федоров и Писуков, а он вместе с Дергуновым остается на месте.

По указанию Гопака Писуков забрал из своего сейфа собранные за минувшие дни компрометирующие бумаги на сотрудников ИТК и ОИТК. Это оперативные документы, два дела с грифом «Секретно», материалы об отказе в возбуждении уголовных дел. Раньше Наджаев говорил, что документов о мафии — «чемодан ломится», а на деле ничего, кроме собранного Писуковым, не оказалось. Но, очевидно, психология этих людей дала серьезную трещину, что бы ни случилось — ни грана сомнения!

Ранним утром (в 5.00) 20 августа Головин, Федоров, Писуков и Гопак выехали на машине к ближайшей станции. Благополучно миновали розыскные посты. Головина, Федорова, Писукова солдаты знали в лицо, на четвертого, Гопака, каждый раз при проверке показывали паспорт.

На станции машину оставили на территории городской больницы, сами пошли на железнодорожный вокзал и купили билеты до Москвы. Но доехали только до одной из промежуточных станций. Гопак напустил дым: за нами следят, надо заматать след. Стали думать, как добраться до ближайшего города. Сначала хотели воспользоваться «скорой помощью», потом «найти» машину на кладбище. Оба эти варианта отпали, так как, по мнению Гопака, могли наделать много шума. Цель же его маневров была проста — надо незаметно оторваться, совершить побег под благовидным предлогом. Он понимал, что против него, хотя и полностью одурманенные, но все же трое, у них пистолет и автомат. Поэтому игра продолжалась.

На поиск машины пошли Головин и Писуков; Федоров и Гопак «замаскировались» на кладбище. Машину искали довольно долго. Был поздний вечер, и улицы станции пустыни. Вдруг у личных гаражей заметили одного владельца «Жигулей», копавшегося в моторе. Головин выхватил пистолет и приставил дуло к его шее (как видим, профессиональный приемчик Гопака по отношению к Федорову был полностью усвоен добросовестным учеником). Сказал: «Или машину отдаешь, или едешь с нами, или...»

И это наш сотоварищ, офицер. Садист!

В отношении пятерых [включая Бакирова и Дергунова] участников этой истории возбуждалось уголовное дело. Но потом было прекращено за отсутствием состава преступления: они, дескать, верили, что Наджаев и Гопак являются сотрудниками КГБ. Пункт по Головину был сформулирован так: его поведение объясняется тем, что он стремился качественно выполнить задание «государственной важности». Выходит, шантаж и угроза оружием — это и есть «качественно выполнить!» Значит, цель оправдывает любые средства? Я не жажду отмщения. Однако сильно сомневаюсь, что авторитетом КГБ можно заставить законность и нравственность поднять руки.

Ехали в машине со всеми удобствами. Время от времени грозили шоферу, чтобы не забывался. «Будешь молчать — отблагодарим, заложишь — рассчитаемся». В пути Гопак вдруг решил (водитель попался покладистый), что надо жать прямо до ближайшего областного центра. И вообще вертел своими спутниками как хотел. Выполняли любую его прихоть. В городе Гопак предложил автомат и другие лишние вещи сдать в автоматическую камеру хранения — вооруженная охрана стала ему мешать — и разделиться на две группы.

Первой (Федоров, Писуков) надлежало ближайшим поездом уехать в Москву, при-

Сыть по адресу, указанному в записке, и доложить, что операция по выводу из ИТК подполковника Гопака завершена. Приехали благополучно. Дома 127 по улице Дзержинского не нашли. Решили, что это дом 12, подъезд 7. Там сказали, что никакого генерал-лейтенанта Александра у них нет. Направились в приемную КГБ. Там в свою очередь предложили пойти в ГУИД. Поняв, наконец, что они попали в глупую историю, рассказали об оружии и боеприпасах, оставленных на вокзале в том областном центре.

Вторая группа после разделения пробыла в городе еще некоторое время. Гопак мотивировал задержку тем, что надо встретиться с полковником КГБ А. Володиным. Через час-другой вернулся. Объяснил: не нашел нужного дома.

Сразу напрашивается вопрос, почему он не сбежал на этот раз! А потому, что то, что произошло в дальнейшем, было наилучшим вариантом побега. Он же ни на минуту не сомневался в осуществлении всех своих планов. К тому же решил совместить, так сказать, полезное с приятным. Уговорил доехать теплоходом до Ярославля, а уж оттуда поездом до Москвы.

Гопак недолго побродил по базару. Принес немного денег и виноград. Ясно как божий день, что украл. Но у Головина и на этот раз никакого сомнения.

Украденных денег на покупку двух билетов якобы не хватило. Купили один. Гопак успокоил: не волнуйся, в вагон поочередно проскочим оба. Головин зашел в электричку первый. Гопак — вежливо попросил его захватить дипломат с секретными документами. Немного постоял на перроне напротив окна. Сказал, что если не удастся проникнуть в поезд (хотя ясно видно, что и не старается), то пусть подождет его на Ярославском вокзале. Поезд тронулся. Аллюр, прощай!

Гопака искали почти три месяца. Искали плохо. Я читал его объяснительные записки — после задержания. Многое он понаписал. Ночь переспал в пустом вагоне. А потом купил билет до Ворошиловграда (оказывается, деньги были). Жил там у тетки, затем переехал к матери в деревню. Милиция приходила девять раз, но он прятался то в шкафу, то в кладовой, то под кроватью. Квартиру не обыскивали, верили словам, что сына нет.

Месяца через два ему наскучило, и он, украв у матери 300 рублей, подался в Москву. Кутил с девицами, дружками. По поводу побега пояснил: ему принадлежит лишь идея, а инициатива в ее практическом осуществлении и при этом невиданная активность — все на совести Федорова, Головина, Писукова. Идею по ходу «углубил»: по пути в Москву надо найти место, где старший прапорщик Анашкин и генерал-лейтенант Балык моют золото и камни. Он прямо-таки свихнулся на золоте и генерал-лейтенантах. А наши «пинкертоны» развесили уши. «У них произошло короткое замыкание, — откровенно издевался он в записке, — гипноз».

Рутинная и беспечность глубоко пустили корни и в воинском подразделении.

Долго, очень долго ждал Головин Гопака в Москве. Наконец решился пойти к дежурному по КГБ. Когда доложил о «завершении операции» да еще с добавлением: «Основной канал Боцмана прибыл», раздался дружный хохот. Люди в КГБ сдержанные, умеют таить эмоции, но тут, видно, не утерпели. Да и было отчего!

Ну а как разворачивались события в поселке, где колония? Ведь там, как помните, остались Дергунов и Наджаев. Головин вооружил последнего автоматом, чтобы держать в заложниках Дергунова до тех пор, пока не завершится «операция», с этой целью он запер их на ключ в квартире Писукова. Узники поговорили о том, о сем, выпили бутылку коньяка, появилось доверие. Дергунов регулярно лазил через окно, раза два или три отмечал Наджаева на проверках, заходил в зону. Между прочим, предупредил жену, чтобы не выходила из дому, но никому о случившемся не доложил, хотя знал, видел, что Головина и Федорова ищут по тайге как пропавших при розыске бежавшего. Автомат нашли спрятым в диване, когда уже поступил «привет» из Москвы.

Потом на партийном собрании при разборе персонального дела Дергунов поставил себе это в заслугу: он, дескать, поступил мудро и сумел предотвратить кровопролитие. Хотя налицо элементарное предательство интересов дела. Самокритичным оказался лишь Федоров. «Нет мне никакого прощения», — сказал он. Головин мне заявил: «Вот меня обвиняют в потере политической бдительности. Это смотря как ее понимать. Я боролся с мафией. Это тоже бдительность». Он так и не понял, что был злой игрушкой в руках преступников. То же самое Писуков. Он по-прежнему остался по-детски наивным и самоуверенным. Между прочим, Гопак обвиняется еще и в убийстве. Это преступление, говорят, он вместе с дружками по пьянке совершил в одном городке в Подмосковье. А как на этом фоне выглядят наши праведники!

Гипноз глупости — самый стойкий гипноз. Если уж он поразит человека, то это надолго.

Полковник В. АСТАШИН.

НЕ ПО НАЕЗЖЕННОЙ

ЗАМЕТКИ С УЧЕБНОГО СБОРА

КОЛЕЕ

Офицеры учебного сбора, о котором пойдет речь, стремились нешаблонно решать поставленные задачи по обучению и воспитанию молодого пополнения на столь кратковременном отрезке времени, которым ограничена учебная программа. Правда, закономерных издержек и традиционных методов работы с личным составом избежать не удалось, поскольку приходилось придерживаться той же практики, что была и пять, и десять лет тому назад. А причина в общем-то одна — неподготовленность молодежи к военной службе. Но наряду с этим были характерны творческий поиск, умение быстро перестроиться, попытки экспериментировать, разумеется, в рамках, определенных уставом и соответствующими документами. И если говорить в целом, данный учебный сбор был организован и проведен лучше, интереснее и поучительнее, чем, скажем, тот, о котором рассказал журнал в материале «Со многими «но»...» (1988, № 4).

ЭКСПЕРИМЕНТ

Каждый учебный сбор во многом повторяет предыдущий. Это касается встречи, размещения, распределения молодого пополнения, организации обучения, воспитания и других вопросов. И казалось бы, вряд ли следует идти путем проб и ошибок, если есть проверенный войсковой практикой опыт. Но время заставило искать новые подходы в работе с новичками, чутко улавливать изменения в характерах, поведении молодежи, чтобы на них незамедлительно и правильно реагировать. И это пришлось делать молодым офицерам. Так уж случилось, что кроме начальника сбора и его заместителей, все остальные — лейтенанты — недавние выпускники военных училищ. Получился своеобразный, возможно, рискованный эксперимент.

Решение доверить учебные сборы молодежи родилось не на голом месте. Ему предшествовали споры и размышления. Частично эксперимент опробовали на предыдущем сборе, когда роты возглавляли опытные командиры, а взводы — молодые офицеры, но уже зачисленные в резерв на выдвижение. Например лейтенант А. Колесников.

— Командиром роты у меня был тогда капитан А. Сапега, — вспоминает он. — У Александра Александровича я перенял многое, начиная с так называемых «мелочей» и кончая тонкостями индивидуальной воспитательной работы. Считаю, школу прошел хорошую.

Ныне же Колесников возглавил роту,

Пригодились уроки капитана А. Сапеги и его заместителя по политической части старшего лейтенанта И. Егوشкина.

На предыдущем сборе решили две задачи: лейтенанты попробовали себя в должностях на ступень выше, а командование проверило, насколько готовы молодые офицеры к выполнению более сложных обязанностей.

Но одно дело — когда рядом опытные начальники, и другое — когда доверяешь молодежи, так сказать, самой править бал. Не случайно поэтому были и противники эксперимента, которые ссылались на требования руководящих документов привлекать на учебные сборы только опытных офицеров. Но в конце концов, учтя обстановку и все взвесив, вышестоящий штаб эксперимент разрешил. Тем более что отделяют учебный сбор от штаба части считанные метры. Начальник учебного сбора, его заместители, офицеры управления части постоянно были готовы прийти на помощь. И если приходилось — старшие начальники не навязывали молодым офицерам готовых решений и рецептов, а, соблюдая законы педагогики, своевременно поправляли лейтенантов. Иначе, что же это за эксперимент. Вот пример. Первое же расписание занятий на неделю, подписанное лейтенантом Колесниковым, имело погрешности, пришлось помочь командиру.

Немало вопросов у молодых офицеров было связано с проведением полевых занятий, стрельб. И все же уверенность принята, крепи командирские навыки.

Командир взвода лейтенант Д. Артамонов выразил общее мнение своих коллег:

— У нас свежие знания, и плохо учить мы просто не можем, не имеем права, да

и государственные экзамены сдавали недавно. Правда, приходится порой трудно, но ведь это естественно...

И еще. Командиры рот были как бы подстрахованы опытными старшинами. Поэтому решение хозяйственных вопросов, обеспечение занятий всем необходимым, контроль за правильным несением службы дежурными и дневальными, внешним видом военнослужащих оказались в надежных руках и не отвлекали офицеров от выполнения главной задачи — обучения и воспитания новичков.

Молодым офицерам хотелось проявить себя, потому они и выкладывались. У ротных, к примеру, свой интерес (планируются на выдвижение, надо «показать товар лицом»). Был свой и у взводных (возможно, заметят, доверят со временем роту). Что ни говори, а честолюбие — двигатель неплохой.

Не исключение из «лейтенантского правила» и политработники. Направлены на сборы они по разным причинам. Так, у лейтенанта В. Стаханова не все гладко шло в линейном подразделении. Учебный сбор должен был помочь политработнику обрести себя. Надежда оправдалась. Второй политработник — лейтенант А. Карпук, ныне повышенный в должности, должен был поддерживать малоопытного командира роты.

Чем еще характерен эксперимент? Хорошим контактом офицеров с молодежью учебного сбора. Среди новичков оказались неформалы-металлисты, рокеры, панки и т. д. Командирам и политработникам удалось сравнительно быстро найти с ними общий язык.

Подполковник А. Лытов объясняет это так:

— У лейтенантов еще свежи училищные споры о моде, музыке и других проблемах. Да и по возрасту-то солдаты и офицеры едва не сверстники...

В подтверждение своих слов политработник сослался на разговор о рок-музыке, который вели лейтенант Б. Богданов и рядовой А. Теряев. Хотя было непросто на равных беседовать с бывшим руководителем рок-группы, лейтенанту это все же удалось. В итоге — взаимопонимание, общность взглядов на многие проблемы.

Молодые офицеры единодушны во мнении, что между ними и солдатами установились добрые, доверительные, но, подчеркнем, не панибратские отношения. Это помогло в работе.

КТО ОН, ПРИЗЫВНИК?

Смена условий жизни у молодых солдат не всегда проходит безболезненно, а значит — отражается на настроении, самочувствии, трудоспособности. Поэтому в основе работы на учебном сборе были индивидуальный подход, углубленное изучение военнослужащих, их допризывной жизни, увлечений, интересов, наклонностей.

Весьма полезным оказалось анкетирование. Кроме чисто традиционных вопросов (о родителях, увлечениях) были и такие: «Совпали ли ваши представления о службе с реальной действительностью?», «С какими трудностями вам пришлось столкнуться?», «Какой представляете свою дальнейшую службу?».

Многие написали об увлечении рок-музыкой, культуризмом... На вопрос: «Приходилось ли вам слушать зарубежные радиостанции? Как вы оцениваете их передачи?» — ответили: «Слушал лишь музыку», «Слушал «Голос Америки», оцениваю отрицательно». И такие: «Слушал. Бред»...

Оценки разные, но суть одна: зарубежные передачи слушали. Значит, что-то впитали... Некоторые, по оценкам политработников, даже очарованы западным образом жизни. Так что было над чем задуматься.

«Кого из героев-чекистов вы знаете?» — этот вопрос многих застал врасплох: одни ответили, что знают лишь Ф. Э. Дзержинского, а кое-кто упомянул еще Штирлица и Жеглова(?). Вот уж поистине простор для пропаганды традиций и истории войск!

Среди новичков были и такие, кто употреблял спиртное, пробовал наркотики, замешан в хулиганстве...

— Бросается в глаза бравата, с которой некоторые рассказывают о прежних дурных привычках, — делится тревогой политработник А. Лытов. — Раньше все это скрывалось, стеснялись или побаивались. А здесь один даже попросил офицера достать наркотики и протянул деньги...

Настораживает, что по сравнению с предыдущими призывами стало меньше комсомольцев. Что это? Падение престижа ВЛКСМ? Или наоборот, положительный аспект: нет погони за «валом»? Поэтому в отличие от прежних лет не форсировали прием в комсомол и на учебном сборе.

Молодежь пропитана духом демократии, гласности. Многие участвовали в различных митингах и демонстрациях, входили в неформальные объединения, читали и негативные публикации о внутренних войсках. В одной из рот учебного сбора ряд опрошенных заявили о нежелании служить в войсках. Оговоримся, что сказано это было на второй день пребывания, а уже через неделю эти же парни изменили свои взгляды.

Лучше узнать новичков в некоторой степени помогли письма родителей. Дело это в общем не новое, но все же полезное. Известив родителей о том, что их сыновья прибыли, обеспечены всем необходимым и приступили к изучению ратного дела, командование учебного сбора просило сообщить, каким был сын до призыва в армию, к чему проявлял особый интерес и стремление, что особенного в его характере и т. п.

Откликнулись многие. Но, как верно подметил лейтенант Б. Богданов, иное письмо словно представление к награде: и за сестренкой ухаживал, и по магазинам ходил, и учился только на «хорошо» и «отлично». О том же, что этот «идеальный

сын» до службы был токсикоманом, ни слова. Возможно, родители находились в неведении или попросту скрыли? Но отказываться от контакта с родителями все же нельзя. Были от них и ценные для командира сведения.

Коллективный портрет новичка будет неполным, если не сказать о его физической и психологической готовности к ратной службе. У многих она оставляет желать лучшего.

Показателен такой пример. Накануне каждого выезда в поле, посетовал командир роты лейтенант В. Ласкович, резко увеличилось число обратившихся в медпункт. Кое-кто старался увильнуть от хозяйственных работ. Раздавались даже реплики: «Я сюда пришел из автомата стрелять, а не венник держать» или: «Я не женщина, чтобы полы мыть»...

Справедливости ради отметим, что таких все же меньшинство. Основная часть стремится получить физическую и нравственную закалку.

На вопрос, какие же они, эти призывники, офицеры ответили: грамотные, жизнерадостные, любят музыку, много читают, любят дискутировать. Так что работать было интересно.

Еще штрих. Прибытие молодых солдат совпало с трагической вестью о землетрясении в братской Армении. Как только они узнали, что для пострадавших требуется кровь, все как один захотели помочь.

Обостренное, участливое внимание к себе молодые солдаты почувствовали буквально с первых шагов. Заместитель начальника учебного сбора по политчасти майор О. Смирнов заметил:

— Держим в поле зрения, как обеспечены всем необходимым по нормам довольствия, сразу же реагируем на нужды и запросы. Особая забота — о настроении молодежи.

Уже через несколько дней солдат собирали для открытого разговора о том, что им не нравится, есть ли какие просьбы. Они заговорили смело. Один посетовал на то, что много построений, а это, мол, непривычно. Офицеры присмотрелись к действиям командиров отделений. И что же? Солдат оказался прав. Построения по поводу и без него да еще с «кефрейторским зазором» приводили лишь к ненужной суете.

— Становление солдата находится в прямой зависимости от того, как его изучил командир, — говорил начальник учебного сбора подполковник Ю. Кривошеев. — Истина вроде не новая, а забываем мы порой о ней.

Это верно: одной беседы недостаточно, чтобы заглянуть в душу человека, узнать его характер. Однако и первый разговор — уже мостик к сердцу подчиненного. Ведь и дело будет, и успех придет, когда не только ты сам узнаешь солдата и поверишь в него, но и он поверит в тебя.

Индивидуальными беседами не ограничивали изучение личности военнослужащего. Использовали различные формы работы:

наблюдение, поручения, знакомство с документами.

Каждый командир взвода вел записи на солдат, а командир роты — на сержантов, где помимо биографических данных — результаты бесед, различные сведения, поступившие от солдат, сержантов, актива, из писем родных, докладов медработников и т. д. Все это анализировали и делали необходимые выводы.

Офицеры и сержанты постарались, чтобы становление солдат шло успешно. Важно было приучить их сознательно и точно выполнять распорядок дня, поддерживать внутренний порядок в казарме. Это воспитывало в них аккуратность, собранность, исполнительность.

Командование учебного сбора взяло под особый контроль работу сержантов. Не умаляя роли офицеров, подчеркнем: именно младшим командирам молодые солдаты старались подражать во всем. И тут весьма важно было не разочаровать их, не допустить ложных шагов, разрыва между словом и делом, не уронить в их глазах авторитет сержанта. Поэтому для учебного сбора на должности заместителей командиров взводов отобрали самых подготовленных сержантов, тех, которые отлично закончили учебное подразделение, зарекомендовали себя хорошими методистами.

Командиры рот в полную меру использовали силу влияния партийных и комсомольских организаций. Младших командиров регулярно заслушивали на совещаниях, заседаниях бюро ВЛКСМ по вопросам работы с подчиненными.

Словом, под руководством командиров взводов сержанты прошли за короткий срок хорошую школу, что положительно сказалось на становлении молодых воинов.

ОХ УЖ ЭТА МЕТОДИКА...

Теперь о методике проведения занятий. Сколько сказано, сколько написано о насущной необходимости скорейшего внедрения новых, более прогрессивных приемов в обучение личного состава! И уж где-где, а на учебном сборе это должно быть сделано обязательно. Учили ли это? И да, и нет.

При подготовке к сбору штаб части проделал полезную и своевременную работу. Одно из хороших дел — «Памятка солдату». Что в ней? Тексты военной присяги, Государственного гимна СССР, заветы Ильича советским воинам, выписки из закона «О всеобщей воинской обязанности» о правах и обязанностях военнослужащих, наиболее важные положения уставов Вооруженных Сил СССР, рекомендованный список военной литературы... Словом, хорошая памятка. Но, видимо, есть необходимость пополнить ее выдержками о правах и обязанностях внутренних войск из других важнейших указов и решений партии и правительства. К сожалению, других разработок в части нет. А они нужны.

Так не пора ли подумать о выпуске специальной литературы для учебных сборов по подготовке молодых солдат во внутренних войсках?

Сделаем небольшой экскурс в историю. В музее-диораме г. Орла есть стенд, где на видном месте помещена памятка времен войны молодому солдату под названием «Бей танки!». Все мы знаем, что фашисты планировали на Орловско-Курской дуге разгром советских войск. Они сосредоточили там много техники, особо расценивая на мощь нового танка «тигр». Сыграла свою роль и та самая памятка. Она не только психологически воздействовала на молодого бойца. Несложный рисунок показывал уязвимые места немецкого «тигра»: пушку, двигатель, ходовую часть и т. п. И бойцам не так страшен стал этот самый «тигр»...

Думая о прошлом, невольно задаешь вопрос: а почему сегодня мы так редко используем эффективные средства обучения? Почему не разрабатываем, не внедряем в практику полезные и простые учебные пособия?

Но, конечно, главное в боевой учебе — живая практика. Ни в одном хорошо оборудованном классе ни один командир не в силах дать подчиненным тех навыков, которые приобретаются в поле. Как же обстоит дело на учебном сборе? Готовы ли были офицеры и сержанты к обучению подчиненных? В целом можно ответить утвердительно. И это подтверждается итогом сбора — молодые солдаты достигли такого уровня военной подготовки, который позволил им беспрепятственно приступить к выполнению специфических задач боевой службы в подразделениях. По крайней мере, от командиров, в чье распоряжение они прибыли, «рекламаций» не поступило. Это, конечно, неплохо.

Наиболее доступным предметом, с точки зрения внедрения новой методики, была огневая подготовка. Вот что, к примеру, показало занятие во взводе лейтенанта Б. Богданова.

Точно по распорядку дня он поставил учебную цель: совершенствовать навыки изювки к стрельбе. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Умение дорожить учебным временем — похвальное качество для молодого командира. И сержанты оказались на высоте. У каждого — конспекты и планы. Из учебно-материальной базы — все, что положено для тренировки и контроля за действиями солдат. Поэтому даже в весьма стесненных условиях (взвод занимался на территории военного городка) все, включая и мишенную обстановку, было сделано грамотно и правильно.

На вводную часть ушло не более 2—3 минут. Тренировка сразу приняла характер острого соперничества. Трудно было отдать предпочтение кому-либо из командиров отделений. И все же наиболее динамично занятие проходило в отделении сержанта Е. Кочнева. Сам он подавал

энергичные команды, сумел заинтересовать солдат, вызвать у них чувство доброй зависти к товарищу, добившемуся лучших показателей.

Согласно конспекту командир отделения обязан был действовать и вести тренировку по хорошо наезженной колее: рассказ, показ, тренировка. Кочнева же эта методика не удовлетворила, и он тренировал подчиненных по-иному. Изготовку к стрельбе лежа провел так. Каждое движение командира тут же повторяли в замедленном темпе и солдаты. Затем отделение выполнило прием в целом. Сержант определил победителя на время. Выявил и отстающего — рядового В. Дьяконова. Тут же указал солдату на причину неверного выполнения приема и свел Дьяконова в пару с победителем. После нескольких приемов старавшийся изо всех сил Дьяконов и по качеству выполнения и по времени уже почти не уступал сопернику. За тренировку командир отделения сумел, правильно распределив время, добиться выполнения учебной цели. Он действовал раскованно, стремился эффективнее работать с солдатами. И все у него получилось.

Уже потом, после занятий, обмениваясь мнениями, сержанты были единодушны: метод «рассказ—показ—тренировка» явно устарел, и поэтому многие из них тоже одновременно и показывали прием, и тренировали солдат, используя состязательность.

Вроде бы все логично. Но зачем же в таком случае сержанту обязательно писать, как и годы назад, планы и конспекты? Драгоценные часы можно использовать с куда большей пользой. Вот почему и здесь, на учебном сборе, было много разговоров об учебно-тренировочных картах, опорных конспектах, системе обучения по Шаталову... До каких же пор подобные разговоры останутся разговорами? Новая методика сама по себе не придет. Ее надо готовить, над ней надо думать. Не пора ли управлению боевой подготовки войск серьезно заняться внедрением нового в практику обучения?

При изучении уставов не было давления на отработку каких-то «особых» тем и статей. Солдат приучали с первого дня видеть в каждой статье, каждой строке устава закон. Нельзя не отметить, что изучение сопровождалось практической отработкой. Однако и здесь новая методика еще не стала полновластной хозяйкой.

Весьма серьезное внимание было уделено мерам личной безопасности. Сколько бед в войсках принесло невыполнение элементарных мер безопасности поведения военнослужащих в той или иной ситуации! Офицеры и сержанты старались внушить молодым солдатам необходимость неукоснительного соблюдения в ходе занятий по боевой подготовке установленных правил поведения. И, думается, такие занятия не прошли даром.

ЗАЧЕМ СТРЕЛЯТЬ ПО САМОЛЕТАМ?

На первый взгляд, этот вопрос парадоксален. Лейтенант Артамонов, начиная занятие по тактической подготовке, ставил вполне конкретную цель: ознакомить солдат со средствами воздушного нападения вероятного противника. Забегая вперед, скажем, что серьезность отношения руководителя к этой теме подчеркивалась и последовавшим затем практическим занятием, в ходе которого офицер учил подчиненных, как себя вести при воздушном налете, как добиться эффективности огня. В поле он отработал с солдатами приемы стрельбы по низколетящим целям с колена, лежа на спине и стоя. Все они вроде бы не новые, но для молодежи оказались поучительными.

И все же зачем стрелять по самолетам военнослужащим внутренних войск? Ожидаемый разговор об этом произошел среди офицеров после занятий. Кое-кто склонен был считать, что вместо этой темы лучше бы лишний разок потренировать солдат в роли часовых на посту, мол, нужнее... Но большинство молодых офицеров горячо отстаивали плановую тему. Обоснование было простым: какую бы службу ни нес солдат, в конечном итоге он должен быть подготовлен к увольнению в запас Вооруженных Сил СССР.

Или другая тема по тактической подготовке — «Борьба с танками и бронированными средствами вероятного противника». И она вызвала у некоторых сомнения: а надо ли отработывать ее? Может, лучше заменить более подходящей для внутренних войск темой или хотя бы уставами? И на сей раз молодые руководители не отступили: во-первых, доказывали они, чисто военные темы как раз помогают быстрее ввести молодого солдата в атмосферу воинской жизни, а во-вторых, и это главное, расширяют его кругозор, мобилизуют на серьезное отношение к военной подготовке. Не согласиться с подобным мнением трудно. Другое дело, что проводить занятия по этим темам, конечно же, надо бы на хорошей учебно-материальной базе. Но где ее взять? Уже неоднократно передовые офицеры войск задают такой вопрос. Ответа, увы, пока нет. Потому-то и лейтенант Артамонов, преследуя самые что ни на есть благородные цели, вынужден был ссылаться в ходе урока на плакаты и картинки из военного альбома. Думается, что здесь руководителем сбора, штабу части следовало бы проявить инициативу. Ну хотя бы позаботиться об изготовлении небольших моделей тех же самолетов или вертолетов, чтобы солдат, занимаясь в классе, еще до выхода в поле мог реально представить, что и как ему делать при отражении налета вероятного противника. И занятия прошли бы интереснее.

Словом, о качестве их можно и нужно говорить. Но совершенно ясно одно: обучение новичка никак нельзя ограничивать лишь теми дисциплинами, которые ему нужны «для дела» в будущей его службе. И очень хорошо, что это поняли и учли в практической работе на учебном сборе. Здесь прежде всего готовили из юношей солдат, а не часовых!

Однако недостатки в практическом обучении, конечно, имелись. Разве нельзя было организовать для новобранцев показное занятие по борьбе с танками противника? Ведь сумели же хорошо продумать другое показное занятие — по огневой подготовке, когда продемонстрировали превосходные тактико-технические данные отечественного стрелкового оружия, техники и вооружения войск.

Если же говорить в общем, то все, кому пришлось трудиться на учебном сборе, сошлись во мнении: пора, давно пора менять учебную программу подготовки молодых солдат. Не корректировать ее ежегодно, не ссылаться на то, что вносить поправки — обязанность и забота командира, а именно менять программу, исходя из требований времени и перспективы развития внутренних войск.

ЗАВТРА ОНИ — СЕРЖАНТЫ

Немаловажная забота офицеров учебно-сборного подразделения — подготовить кандидатов на должности младших командиров. Но как определить самых достойных? Подполковник Ю. Кривошеев задумывался над этим, еще будучи заместителем командира учебной части. Действительно, почему в учебные подразделения нередко направляют очень слабых кандидатов? Тех, кто заведомо не станет настоящим младшим командиром? Кстати, некоторые откровенно заявляли о нежелании быть сержантами... Юрий Борисович убежден: не столь уж сложна сержантская наука, чтоб ею не овладеть, но без желания самого воина сделать это очень трудно, а чаще — невозможно.

Чтобы сержантское звание носили достойные, офицер применил свою методику отбора кандидатов. И начинал до прибытия нового пополнения. На учебно-методических сборах каждому офицеру и сержанту напомнил, что им предстоит вплотную заниматься подготовкой кандидатов в учебное подразделение. Работа эта уже сточена по срокам. Так, командиру отделения отводится лишь три дня на то, чтобы узнать и доложить командиру взвода об изъявивших желание стать сержантами. На взвод чуть больше — пять дней. Юрий Борисович считает — достаточно. Да и раскочка неприемлема: учебный сбор не столь продолжителен. Главное в беседах — не принужденность. Требование таково: побольше рассказывать об учебном подраз-

делении в перерывах между занятиями, по пути на стрельбище, в курилке, в общем, в неофициальной обстановке. Делая своеобразную «рекламу», сержанты не кривят душой, не скрывают, что самим было трудно, ведь, скажем, физическая нагрузка довольно высока. Но к ней со временем привыкаешь. Зато сколько интересно и полезно узнали они в учебном подразделении, где есть все для службы, учебы и отдыха!

О военнослужащих, решивших поехать в учебное подразделение, командиры отделений докладывают командиру взвода. Но бывает, что командир отделения тому или иному подчиненному дает «отставку». Такой случай, скажем, был у сержанта Е. Кочнева. Сначала рядовой Н. показался ему достойной кандидатурой, но вскоре Евгений убедился, что человек он ленивый, несобранный, любит пустить пыль в глаза. Не получится из такого командир.

— Мы отсекали путь в младшие командиры тем, кто не горит желанием, а также не подходит по своим деловым и моральным качествам,— говорит подполковник Ю. Кривошеев.— Ушли от формализма. Ведь как было раньше? На учете в детской комнате милиции не состоял, аттестат нормальный, характеристика из школы хорошая, член ВЛКСМ — значит, годишься в сержанты. Кто знает, получится ли из него младший командир? А если нет — будет потом в роте «погоду» делать!

Уместен вопрос: а как выполнить разнарядку по количеству кандидатов в учебное подразделение?

— Даже с резервом берем,— говорит Юрий Борисович.— Сказывается тщательная и, подчеркиваю, ежедневная работа по отбору.

Для качественного отбора кандидатов применяется и система тестов, которая дает наглядное представление о способностях, характере, психике человека. Активно участвуют в отборе войсковые медики.

Последняя ступень в работе — заседание комиссии, которая и дает добро на отправку военнослужащих в учебную часть. Кроме офицеров учебного сбора и врачей на ней присутствуют командиры линейных подразделений.

— Отобранные таким образом военнослужащие, — утверждает подполковник Ю. Кривошеев, — хорошо зарекомендовали себя в учебном подразделении, успешно завершили учебу и вернулись в часть.

КАКИМ ЖЕ БЫТЬ СБОРУ?

Мы ратуем за хорошую подготовку солдата внутренних войск. Но можно ли сделать из юноши солдата в казарме?

— Нет, — уверенно ответил начальник учебного сбора. — Между призывом зимним и летним — существенная разница. Ле-

том сбор проходит за городом. Там все условия для полевой жизни и выучки. А зимой? Все ограничено...

И он тысячу раз прав. Трудно, очень трудно подготовить в условиях казармы, даже самой благоустроенной, вчерашнего школьника или рабочего к боевой службе. Вот и на закончившемся сборе, казалось бы, продумано все. К тому же и штаб части рядом: чуть что — меры приняты. И никаких проблем. Но хорошо ли это? Не слишком ли мы осторожничаем с призывниками? Почему мы стали бояться многих вещей, которые раньше не пугали командира? В свое время учебные пункты были весьма строгой школой, которую проходили призывники. А происшествий почти не случалось. Если же и были отступления от устава, то из-за неподготовленности некоторых руководителей или слабого контроля со стороны штаба части. Ветераны, конечно, помнят: на учебном пункте им чаще всего приходилось начинать солдатскую жизнь в мало приспособленных для нормальной жизни помещениях, самим набивать соломой матрацы и наволочки, самим баню топить... Трудно было. Но никто никогда не сетовал на эти трудности. Считалось: так надо. И слова военной присяги подтверждали и требовали «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы»...

А сейчас? Не дай бог, чтобы молодежь поместили в не подготовленное заранее помещение, чтобы вовремя не удовлетворили все нужды и запросы... Безусловно, на первом месте остается забота о человеке. Это — закон. Но забота разумная, не отнимающая у людей инициативы, не превращающая их с первого дня службы в откровенных иждивенцев. Солдата надо учить. Много, может быть, впервые в жизни ему нужно попробовать самому. Тепличные же условия оказывают недобрую услугу.

А как сами прибывшие на учебный сбор реагируют на его обстановку? Специально проведенное исследование показало, что 30 процентов опрошенных начало службы представляли иным, более жестким, более строгим и трудным. И хотели бы мы того или нет, эту часть молодежи постигло разочарование. А мы остались в проигрыше.

Обстановку на учебном сборе хотелось бы видеть несколько иной: с более значительными физическими и психологическими нагрузками, с различными трудностями, может быть, неожиданностями для молодых солдат. Они должны испытать и понять, что же это такое — воинский уклад жизни. Если же они этого не увидят, значит, и в памяти их учебный сбор как событие вряд ли останется.

Нынче все далеко не так, как годы назад. Лучше. И это отраднo. Но то, что молодой человек не проверяет себя на прочность, жаль.

Полковник Г. МАСЛЕННИКОВ,
подполковник В. ГОНДУСОВ.

А ПРОЗРЕНИЕ НЕМИНУЕМО

«Как там, в дисбате!» Ответ на этот вопрос попытался дать корреспондент журнала полковник В. Усков в своем репортаже «Дисциплинарный батальон» [1989, № 3]. Публикация заинтересовала читателей. Один из них подполковник А. Мельник, продолжая начатую тему, задается вопросами: «А что после дисбата! Как служит тем, кто, отбыв наказание, вернулся в войска! Как работают с ними офицеры!».

Тема эта долгое время считалась закрытой. Процесс расширения демократии, гласности позволил нам заговорить о том, что раньше камуфлировалось, — о нежелании отдельных молодых людей служить, в частности во внутренних войсках, о самовольных оставлениях части, о так называемой «дедовщине» и вытекающих из нее негативных явлениях.

Перечисление, разумеется, можно было бы продолжить. Но конец здесь один: наступает ответственность. Разной она бывает — от дисциплинарного взыскания, направления в дисциплинарный батальон до лишения свободы. Но как получается: в войсках есть солдаты и сержанты, которые отбыли наказание в дисциплинарном батальоне, вернулись в свои части дослуживать, но о них — ни слова. А ведь за каждым случаем, как правило, стоит горький урок. Может быть, эти искренние слова исповеди солдата, которые мне хочется привести, заставят отдельных военнослужащих в корне изменить свое отношение к тем, кто рядом с ними, делит радости и трудности, несет боевую службу.

«Я, рядовой Тарасович Александр Анатольевич, был призван во внутренние войска осенью 1985 года. В армию шел с охотой. Думал пройти солдатскую школу, стать настоящим мужчиной...»

Задумаемся над этими словами. Многолетние наблюдения говорят о том, что редко встречаются юноши, которые шли бы в армию с мыслью служить плохо. Тогда почему же не уменьшается число нарушений воинской дисциплины? Что приводит некоторых солдат или сержантов на скамью подсудимых? Случай с Тарасовичем во многом позволяет найти ответы на эти нелегкие вопросы.

...Полгода службы было за плечами военнослужащего, когда командир роты направил его работать в подсобное хозяйство. И там у солдата на хоздворе пропадает рубероид для ремонта крыши. Позднее злополучный рубероид нашелся, и вины солдата в его исчезновении не было. Но тогда у большинства сложилось мнение: украл, продал... Вот и сказал сол-

дату командир: «Не возвращайся в роту, пока не найдешь...» Вдобавок Тарасовича вызвали к себе солдаты старшего звания. «Разбирались» с ним в кочегарке...

Из солдатской исповеди: «Я искал где только мог, но не нашел. В это время и возникла мысль покинуть расположение подразделения, что и сделал. Не имея никакой цели, пошел прямо в лес. Направление не выбирал. Просто уйти подальше от роты. Так прошел первый день до вечера. Ночь почти не спал. Сидел у костра и думал. Встать и пойти назад в роту! Но ведь меня там ждали крики, угрозы...»

Не оправдываю солдата. Но посмотрите, сколько ошибок допустили другие. Офицер не имел права так заявить подчиненному. А «разбирательство» со стороны «стариков» красноречиво говорит о нравах, царивших в то время в подразделении. В общем, напрашиваются выводы...

Я думаю, это во многом идет от черствости и бездушия отдельных командиров к подчиненным, существующей годами безучастности к происходящим вокруг тебя событиям. Сложился стереотип: офицер сам по себе, подчиненный — тоже. Отсутствие духовного единства, взаимопонимания и отталкивает солдат от командира, заставляет совершать необдуманные поступки. Так было в подразделении, которым еще недавно командовал старший лейтенант Ю. Яковлев. Офицер постоянно проявлял грубость, бестактность, мог обидеть солдата. Ныне Ю. Яковлев снижен в должности, имеет строгое партийное взыскание.

«Самое страшное, что мне пришлось пережить, — это суд. Я хотел лишь одного, чтобы не сообщали родителям о том, что меня судили. Когда читали приговор, понял, что жизнь моя перечеркнута.»

Вот ведь как получается: только после многих проступков Тарасович вспомнил о родителях. О том, что больна бабушка, что нелегко придется пережить все это отцу, матери и шестерым его братьям и сестрам. Как жаль, что о родных и близких иные вспоминают, лишь попав на скамью подсудимых.

УСТАВ И МЫ

«Еще до армии я слышал о дисциплинарных батальонах и о том, как там нелегко. Но ощутил это тогда, когда за мной закрылись ворота. Только переступил порог казармы, сержант командовал: «Строевым шагом марш, нога поднимается на 50—60 сантиметров».

Днем все было нормально, но вечером меня жестоко избили. В казарме царил свой закон, закон сильного. Слабого унижали всеми способами. Мечтал только об одном — попасть в список досрочно освобождающихся».

Удалось. Солдат вернулся в свою часть. Надо было служить дальше.

«Самое страшное, что мне пришлось перенести, — это суд».

Исповедь заканчивалась так: «Это суровый и горький урок для меня. Призываю вас, товарищи солдаты и сержанты, не становитесь на путь преступления. Если видите, что ваш сослуживец поступает несправедливо по отношению к своему младшему товарищу, издевается над ним, остановите его, не проходите мимо, вы своим молчанием только помогаете ему упасть в ту пропасть, в которой в свое время очутился я».

Такая вот исповедь. Случай с рядовым А. Тарасовичем мы решили использовать в воспитательных целях. По всем ротам распространили письмо — покаяние солдата, в большинстве подразделений военнослужащий выступил сам. Создали правовую группу. Тема выступлений, бесед, докладов, лекций — разъяснение основ советского законодательства, необходимости повышения личной ответственности за совершенные преступления и воинские проступки.

Запомнился один эпизод. Рядовой Тарасович рассказывал о дисциплинарном батальоне. Слушали его с большим вниманием. Особенно рядовой В. Кузнецов, наиболее ярый сторонник «дедовщины». Потом опустил голову. Видно, не по себе стало. Позже, когда я поинтересовался, как идут у него дела, командир роты сообщил, что Кузнецов гораздо лучше относится к молодым сослуживцам, не стало угроз с его стороны... Задумался? Возможно. А почему бы нам не прибегнуть и к такому лечению «стариковщины»? «Лечите подобное подобным», — советовал мудрец. Может, кому-то это покажется негуманным? Но используем же мы прокурорское предостережение, зачитываем копии приговоров об осуждении военнослужащих. Так почему же не дать выступить перед солдатами тому, кто по своей вине пошел ухабистой тропой, испил горькую чашу?

Наверное, у каждого политработника должны быть в арсенале именно такие, как бы выразиться поточнее, острые, берущие за душу человеческие документы.

Тогда и разговор получается конкретным, и факты бьют не в бровь, а в глаз.

Сегодня рядовой А. Тарасович активно участвует в жизни воинского коллектива, в художественной самодеятельности, создании учебно-материальной базы, показывает образец товарищеского отношения к сослуживцам, удерживает их от недостойных проступков. Значит, осознал, понял многое.

В своей работе мы используем всем известные формы. Главное при этом — донести озабоченность за положение дел в коллективах, предупредить негативные явления, проступки. Считаем, что в подобных мероприятиях не должно быть места равнодушию, убаюкивающим формулировкам, шаблону, формализму. Слишком многое порой поставлено на карту.

К сожалению, не все получается так, как хотелось. На ином мероприятии такой скукой веет, что поневоле задумываешься: неужели не переживает офицер за этих ребят, которые ему доверены? Неужели не хочет он, чтоб вернулись они домой живыми-здоровыми? Тот, кто видел слезы родителей, чьих сыновей мы не уберегли от дурных проступков, поймет меня. Не может быть равнодушия к проблемам, которые должны до глубины души волновать каждого.

«Это суровый и горький урок для меня. Призываю вас, товарищи солдаты и сержанты, не становитесь на путь преступления».

Недавно произошел случай: солдат самовольно покинул подразделение. Начали разбираться. Вышли на то, что командир роты службой тяготился, настойчиво просил перевести его в более благоприятный район. И политработник ставил личные интересы выше общественных. Равнодушие офицеров к людям чувствовалось во всем, работали они поверхностно, обстановкой не владели. И вот результат.

Большой резонанс вызывают конкретные примеры, подобные тому, что приводились выше, фильмы и книги, задевающие за душу. Именно такое действие оказало на многих военнослужащих осуждение повести Юрия Полякова «Сто дней до приказа». Скорее даже не о повести шла речь в выступлениях, а о жизни, о службе, в том числе и о «дедовщине» и ее последствиях, проблемах, которые нас волнуют. Разговор был острый. Полезный.

Постепенно «дедовщина» изживает себя. Но далеко не везде. И пока неуставные взаимоотношения есть, все мы должны быть на страже. Скрывать и замазывать их не собираемся. Выжигать каленым железом — иного пути нет.

Подполковник А. МЕЛЬНИК,
начальник политотдела части.
УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

В ЧЬИХ РУКАХ «КИРПИЧНЫЙ ФЛАГ»

«УЖ СКОЛЬКО мы читали о «дедовщине» в армии, но я не припомню такой статьи или повести об этом, которая произвела бы на меня столь сильное впечатление, как лента литовских документалистов «Кирпичный флаг» (режиссер С. Бержинис), в которой расследуется уже нашумевшая история о том, как рядовой Артурас Сакалаускас убил в поезде восьмерых своих сослуживцев, в течение месяцев подвергавших его жестоким пыткам, — рассказывает читателям «Недели» ее специальный корреспондент А. Мальгин в заметках с Ленинградского международного кинофестиваля неигровых фильмов.

«К открытиям фестиваля можно отнести фильм литовских кинематографистов «Кирпичный флаг» и узбекскую ленту «Пламя», — говорит ему в другом столичном еженедельнике «Аргументы и факты» Р. Валитова. — Обе они о цене человеческого достоинства, которая порой равна жизни... В основу первой легла трагическая история рядового внутренних войск Артураса Сакалаускаса, застрелившего в поезде восьмерых своих насильников и ставшего девятой, едва ли не самой горькой жертвой».

Разумеется, я привел не все отклики на работу творческого коллектива, включающего помимо Бержиниса Ж. Пилипавичене, З. Путиловаса, А. Ренецкиса, В. Юзониса, Э. Бичкаускаса и Л. Велионайте. Их «Кирпичный флаг» в глазах специалистов кино и зрителей взлетел достаточно высоко. Спустить его с фестивальных высот трудно хотя бы потому, что кинодокументалистика становится сегодня острее любой журнальной и газетной статьи. И верно замечено тем же Мальгиным: изображение, возможность донести реальность почти без потерь убеждают сильнее печатного слова. Причем, добавим от себя, реальность, поданную в любом свете, не исключая и тенденциозный.

КАК ЖЕ «расследуется уже нашумевшая история» спецвагона № 76040 литовскими кинодокументалистами? Надо сказать, что избранный ими сценарный путь мало чем отличается от проложенного в свое время журналистом М. Мельником на страницах «Комсомольской правды» и подвергнутого серьезной критике как в нашем журнале (1988, № 12; кроме того, статья Ю. Дурнева перепечатана вильнюсской газетой «Ве-

черные новости» и рядом других изданий), так и в газете «Советский патриот» от 26 февраля нынешнего года. С первых же кадров фильма они принимают сторону человека, без суда и следствия расстрелявшего прапорщика, двоих сержантов и четырех солдат, вместе с ним выполнявших служебно-боевую задачу, а злобно и проводника спецвагона.

Фильм полон контрастов. В нем участвуют юристы и врачи, бывшие командиры и сослуживцы рядового Сакалаускаса, его родители и родные, близкие погибших от его руки старшего сержанта А. Слесарева и рядового И. Маджунова, наконец, двое из тех, кого перевозил караул во главе с прапорщиком Котовским в последнем для себя рейсе.

Нет смысла подробно пересказывать содержание киноленты. Ее надо смотреть. Причем смотреть, как говорится, вооруженным глазом. Иначе, не зная сути происшедшего, можно легко впасть в заблуждение, принимая литовских кинодокументалистов за борцов с «дедовщиной». Ведь по ходу просмотра зритель не раз содрогнется от мысли: к какому страшному финалу могут привести неуставные взаимоотношения. И не только обидчиков, но и тех, кто взирает на казарменное хулиганство сквозь пальцы, не одергивает, не придает истинного значения творящемуся злу или играет в молчанку из чувства ложно понимаемого товарищества. Все верно. А поэтому-то просто необходимо остановиться на ряде акцентов, расставленных в кинокартине ее авторами.

СЛУЧАЙНО ли в откликах на «Кирпичный флаг» подчеркивается, что Сакалаускас расстрелял своих насильников и является девятой, да еще чуть ли не самой горькой жертвой? Нет, не случайно. По ходу фильма эта мысль звучит в беседе кинорежиссера с бывшими сослуживцами Артураса — Г. Суровцевым и О. Солодковым. Звучит путано, «в принципе», но... Это никого не смущает, да и может ли смутить, если лько, как говорится, пришлось в строку. Не смутит же документалистов прозвучавший перед тем вот такой словесный пассаж с претензией на глубокомыслие: «Я считаю, что там (имеется в виду в спецвагоне.—Е. А.) не было невинных». Мол, что поделать, Артурас был

существом нежным, а в той ситуации, в которой он оказался, очень трудно было разобраться, кто издевался над ним, а кто просто ухмылялся. Ну и соответствующее резюме: «Каждая улыбка его, может, раздражала больше. Я считаю, каждый там себе подписал сам свой приговор». Вот так — ни больше ни меньше — пуля за улыбку! — и все справедливо, в порядке вещей.

Такова, к сожалению, глубина «кинорасследования».

НЕ НАДО ломать голову над тем, почему именно в семье старшего сержанта Слесарева и рядового Маджунова направили свои стопы Бержинис со товарищи. Ведь что можно противопоставить материнским слезам убитого за то, что «хохотал, как лошадь», проводника А. Демичева, который по возрасту старше отца Артураса? Или слезам вдовы прапорщика А. Котовского, которая родила мальчонку, спустя полгода после того, как его отец с семью пулевыми ранениями лег в землю под солдатский обелиск? Или слезам родителей повара рядового А. Мусурманкулова, убитого Сакалаускасом, как он сказал в ходе следствия, только за то, что заставлял растапливать печь и колоть дрова?

Нет, поездка к этим людям не входила в творческие планы киноколлектива. Ехать же к Слесаревым, Маджуновым резон был. И вот резко, даже порой агрессивно звучат с экрана обвинения, угрозы в адрес Сакалаускаса из уст родственников погибших. Требуя применить к убийце своих детей исключительную меру наказания, они одновременно исступленно не верят в то, что сын, племянник, брат мог своими неправомерными действиями спровоцировать кровавую расправу. «Отдать ребенка, такого воспитанного ребенка, служить в Советской Армии, а теперь идите и заберите труп», — говорят родные Маджунова. «Никогда мой племянник не мог такого допустить... Это настолько нежное дитя, что я не верю в жестокость», — это уже о Слесареве. А на экране тем временем хорошо поставленным дикторским голосом читаются выдержки из показаний Сакалаускаса: как эти нежные и воспитанные дети его избивали, жгли спичками ноги, пытались изнасиловать. И у киногруппы словно нет и тени сомнения, что Артурас стремится хоть как-то выгородить себя, сгущая краски творимых над ним бесчинств, ведь свидетелей он не оставил. Она не берет в расчет заключение судебно-медицинской экспертизы, что «все обнаруженные телесные повреждения у Сакалаускаса А. А. как в совокупности, так и в отдельности относятся к легким телесным повреждениям, не повлекшим за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной утраты трудоспособности». «Кинорасследование» ведется с таким напором (имею в виду компоновку снятых фрагментов и быстроту их чередования), что у зрителя практически не остается времени, чтобы усомниться в полноте и объективности поданного ему материала. Честно говоря, я и сам не сразу уловил противоречивость

даже в словах старшего следователя военной прокуратуры Ленинградского гарнизона капитана юстиции И. Латышева. «Да, в действиях погибших есть состав преступления,—говорит он, появляясь крупным планом на экране в отведенные двадцать с небольшим секунд.—И если бы ситуация обернулась иным образом, не так трагично бы выглядела в конечном итоге, то наверняка эти люди были бы привлечены к судебной ответственности». Так и хочется спросить: неужто все? И проводник? И начальник караула? И повар? Или, может, все-таки речь идет о тех, кто, по словам Сакалаускаса, пытался снайперничать? Но вопрос режиссера остался за кадром, а ответ следователя как бы случайно по воле создателей фильма «растекся» на всех убитых.

Что сказать по этому поводу киномастерам? Конечно, хорошо быть гуманными, жалеть оступившихся. Но в каждом частном случае наша гуманность должна быть прежде всего конкретной. Иначе можно дожидаться до оправдания и предателя, и палача.

И ведь что настораживает. Посмотрите, как ретиво, буквально наперебой заговорили средства массовой информации о трудной жизни в ИТК преступников, особенно малолетних. Но что пожалел жертвы новоявленных «раскольниковых», задумался над искалеченными судьбами матерей и вдов, изнасилованных девочек, инвалидов по милости «спотыкающихся» юнцов? Нет, таких материалов я что-то не встречал. Зато поисков человечности в тех, у кого ее меньше всего, обвинений во всех смертных грехах общества — хоть отбавляй. И литовские кинодокументалисты внесли сюда свою весомую лепту.

«ТЕ, КТО погибли, ни одного ребенка нет городского. Все сельские, труженики,—говорит родственница старшего сержанта Слесарева.—Это дети, которые не знают ни рокеров, ни «металла», ни рок-групп—ничего. Он даже говорил: «Мам, мы жили в деревне, никогда не знали, что творится в этом мире, какие бывают подлецы люди. А там теперь живем. Вы бы знали, каких плохих людей я теперь вижу».

Вот еще одна основа, на которой соткан «Кирпичный флаг». Ребята приходят на службу паиньками, но, встав на часы у «авгиевых конюшен» общества, грубеют и к увольнению в запас, как замечают все те же Суровцев и Солодков, становятся жестче и ожесточеннее, обретают «манеры садизма» и относятся к молодым солдатам, как к осужденным. Ну а как это делается, объясняют в фильме люди, возвратившиеся из мест не столь отдаленных:

— Заключение — никто, — говорит один из них.—Они могут его собаками травить, могут ударить.

— Они конвоируют заключенных так, — поясняет второй: — попить не дают, в оправку не ведут. «Начальник, отведи в туалет».—«Через два часа!» Два часа проходят: «Еще через два часа!» И вот в сапог ребята все с... (следует вульгарность, которую без тени смущения выносят на всеобщий экран.—Е. А.) или в целлофановые мешки.

Разумеется, и тому и другому не по душе, что молодежь призывается на действительную военную службу во внутренние войска, в части, охраняющие исправительно-трудовые учреждения, а проще говоря, оберегающие общество от таких и им подобных ораторов.

«Вообще нельзя посылать парня молодого на такую службу, — звучит с экрана. — Чему он может научиться там? Охранять заключенных да издеваться над теми же заключенными? Что может почерпнуть из этой армии? «Защитник Родины» — не то слово. Они оттуда выйти могут только зверьми».

Я далек от мысли, что этим людям, ненавидящим внутренние войска, не следует предоставлять всесоюзную трибуну. Всяк ныне волен свое суждение иметь и без боязни дискутировать с другими. Но рассуждения об отрицательном влиянии «спецконтингента» на психику солдат и сержантов не новы. Хорошо, напомним об этом еще раз. А дальше что? Или нам главное прокричать по-петушиному, а там, как говорится, хоть не расветай?

Сегодня, когда в печати появляется много статистических данных, о чем еще несколько лет назад можно было только догадываться, пора от эмоций переходить к трезвым подсчетам. Ведь наше общество, пожалуй, как ни одно другое вдоволь настрадалось и от пустозвонства, и от прожектерства. Обратимся к цифрам.

В 1988 году ликвидировано свыше ста ИТК («Комсомольская правда», 1989, 12 февраля). Только в 1988 году численность содержащихся в ИТУ сократилась на 25,8 процента («Неделя», 1989, № 10). Простая арифметика поможет убедиться, как много, к сожалению, у нас еще остается этих учреждений. А расположены они обычно в тех местах, куда Макар телят не гонял. Их охрана зиждется ныне не на карманном интересе, а на чувстве долга перед страной, долга воинского, подразумеваемого и стойкое преодоление тягот, лишений. Зиждется на подвиге бескорыстной любви к мужьям жен офицеров и прапорщиков. Ведь им зачастую там негде работать, а детям — учиться. А ну-ка переведите все сказанное на язык наемной охраны: на оклады, жилье, соцкультбыт. Посчитайте, в какие миллионы это обойдется державе. И задумайтесь: по карману ли это ей, намеревающейся горы сворочить, и все, как правило, к двухтысячному году?

Так будем же реалистами. Не станем ожидать манны небесной, а с вниманием, пониманием и уважением отнесемся к человеку, несущему сегодня нелегкую во всех отношениях службу. Он заслуживает заботы и поддержки.

Но это тоже не входило в творческие планы киногоруппы.

ПЕРЕЧИСЛЯЯ участников документальной ленты, я назвал родителей Артураса — Ольгу и Адольфаса Сакалаускасов. Мать рассказывает о свидании с сыном, о его глазах, полных ужаса, о беде, постигшей не только девять семей, но и всю страну.

Отец говорит о другом. Он ставит вопросы. Как теперь готовить младшего сына к службе? Чему прикажете учить: неужто жестокости, насилию?

Понять и объяснить в монологе не на шутку разволновавшегося человека можно многое. Даже то, что не станет он посылать Эдвардаса туда, где искалечена жизнь старшего сына. Но вот разговор с отцом прерывается на полуслове, а когда через несколько минут он вновь появляется на экране, беседа идет уже в иной плоскости: «Литовцы пусть служат в Литве, азербайджанцы у себя, эстонцы — у себя на родине». И это тоже одна из основ, на которых соткан «Кирпичный флаг». Если не главная его основа.

Накануне Нового года в вильнюсском кинотеатре «Лиетува» состоялась демонстрация фильма, а затем его создатели отвечали на вопросы зрителей. Были среди них и явно провокационные, как этот: «Почему призывают в Советскую Армию молодежь с «оккупированной территории» (имеется в виду Литва, якобы оккупированная Красной Армией в 1940 году.—Е. А.), если в других странах этого нет. Например, в Израиле палестинцев не призывают». Звучали и другие, касающиеся создания национальной армии. И звучали, надо понимать, не случайно. Ведь свой фильм литовские документалисты посвятили не только Артурасу Сакалаускасу, которому по результатам их «кинорасследования» предстояло не больше ни меньше, как «два года умирать» на службе, но и всем другим литовским парням, не вернувшимся из рядов Советской Армии в мирное время.

ПОЗИЦИЯ создателей «Кирпичного флага» неоднозначна. Они не только разделяют и поддерживают программные положения такой влиятельной в республике силы, как литовское движение за перестройку («Саяудис», но и своей работой безусловно стремились внести посильную лепту в их пропаганду. «Движение убеждено, — читаем в информационном бюллетене ЛДП «Возрождение», — что существующий порядок отбывания воинской повинности (выделено мной.—Е. А.) в Вооруженных Силах СССР устарел и аморалем. Вследствие этого ставится цель возродить традиции литовских воинских частей, институций подготовки национального офицерства. Срок обязательной воинской службы должен быть сокращен. Движение добивается того, чтобы юноши—жители Литвы — проходили воинскую службу в Литве».

Последнее предложение, отмечает заместитель председателя республиканского совета ветеранов войны и труда Герой Советского Союза Г. Ушполис, выразило мнение многих родителей, особенно после прошедшего с рядовым А. Сакалаускасом. Им кажется, служи сын поближе к дому, будь с ним рядом только литовцы — и исчезнет «дедовщина». Но если бы так, не было бы в Литве проявлений жестокости в школьных и училищных коллективах.

Что верно, то верно. Только в прошлом году, по данным МВД республики, совершено 1826 преступлений несовершеннолет.

ними или с их участием. Привлечено к уголовной ответственности более полутора тысяч подростков и 5763 человека в возрасте от восемнадцати до двадцати девяти лет.

Картина, прямо скажем, неприглядная и тревожная. Но для ее полноты давайте все-таки добавим и цифры, приведенные первым заместителем начальника Политуправления Прибалтийского Краснознаменного военного округа генерал-майором В. Сеиным в передаче литовского телевидения «Правительственная студия»: сегодня в республике свыше тысячи юношей призывного возраста с нарушенной психикой, треть не имеет одного из родителей, каждый седьмой состоит на учете в милиции.

Доложил телезрителям генерал и о том, что в восемьдесят восьмом в Советских Вооруженных Силах погибло 12 литовцев (четверо из них призваны не из Литвы). Никто из двенадцати не стал жертвой жестокости сослуживцев, как кое-кто пытается это представить. Один грубо нарушил правила дорожного движения. Другой, пристрастившийся к выпивке еще до армии, отравился антифризом.

А сколько еще, замечу, молодых ребят, к нашей горечи, уходит из жизни из-за неразделенной любви, измены близкого человека...

К чему это я? Да к тому, что уж очень эффектной получилась концовка «Кирпичного флага». На фоне строя, четко печатающего шаг, трагично звучат имена девяти-десяти солдат-литовцев, покончивших с собой во время службы. Когда это случилось? На какой почве? Об этом документалисты предпочли умолчать. Хотя иллюзия, что причиной тому «дедовщина», создана: зритель-то помнит, о ком и о чем фильм.

ДЛЯ КАЖДОГО новобранца служба начинается с прибытия в военкомат, думаю, это ясно всякому. Ну так вот, недавно, а точнее—примерно в то время, когда и создавался фильм, одна из газет внутренних войск провела опрос призванных Вильнюсского республиканского военного комиссариата. Что же выяснилось?

«Я выражаю свои претензии Вильнюсскому республиканскому военкомату, где был призван на действительную службу. Без всякой причины на нас повышали голос, употребляли нецензурные слова. Принуждали всячески унижаться перед ними, ставили себя намного выше нас. Дневальные солдаты и сержанты просматривали мою сумку, ища там продукты (запас на три дня). Страхование является делом добровольным, но нас и меня принудительным порядком заставили застраховаться, отбирая все наши деньги. Днем при наличии свободных нар не разрешали лежать или даже спать сидя. В курилку впускали только по пять человек, что вызывало большие очереди в проходе около курилки. По ночам сержанты и солдаты—дневальные собирались в отдельной казарме и кричали, мешая спать».

Эти строки принадлежат Андрею Путилову — сыну Захарияса Путиловаса, оператора «Кирпичного флага». Вот вам и служба литовцев в Литве. Хрен-то, выходит, редьки не слаще.

НЕТ, НЕ БУДЕМ так наивны. Не искоренением казарменного хулиганства озабочены радители возрождения литовских воинских частей из «Саюдиса». Теперь это ясно многим.

«В деятельности «Саюдиса», — говорил на XVII пленуме ЦК Компартии Литвы (февраль 1989 г.) ее первый секретарь Альгирдас Бразаускас, — постепенно начали доминировать крайние позиции, которые в зародыше существовали и раньше, но во имя единства, во имя самой перестройки к ним проявлялась терпимость как, может быть, к неизбежной болезни роста. Идейная неоднородность движения прежде всего проявилась уже на съезде «Саюдиса»: здесь не отмежевались от политического авантюризма «лиги» (лига свободы Литвы — организация, добивающаяся выхода республики из состава СССР.—Е. А.), от некритичной оценки буржуазного периода Литвы, пытались принизить Компартию Литвы. Эти пороки можно было преодолеть... К сожалению, в последующей деятельности «Саюдиса»... все сильнее стали проявляться и экстремистские настроения. Сознательно или несознательно часть «Саюдиса» приблизилась к лозунгам «лиги» и так называемой «Литовской партии демократов»... В изданиях «Саюдиса»—множество призывов приступить к радикальным действиям на пути к тому, что, на взгляд их авторов, является «национальным освобождением»... Куда девались в лексике «Саюдиса» понятия: социализм, партия, даже перестройка?»

А в проекте Конституции Литовской ССР, вынесенном на всенародное обсуждение в том же феврале, читаем: «В установленном законом порядке могут быть созданы национальные войсковые формирования Литовской ССР, подчиненные высшему командованию Вооруженных Сил СССР и правительству республики». За этим кроются явно националистические устремления определенных кругов. Ведь не зря «Саюдис» в своей программе объявил службу в Советской Армии аморальной.

«КИРПИЧНЫЙ ФЛАГ». Почему так назвали свою работу С. Бержинис и его единомышленники? В части, где служил Сакалаускас, их внимание привлекло сложное из кирпича знамя позади памятника В. И. Ленину. Собственно, даже не знамя как таковое, а трещина, образовавшаяся в нем от капризов погоды в городе на Неве. По всей видимости, съемочный коллектив посчитал эту трещину весьма симптоматичной для нынешнего положения дел в армии. Да и не только в ней.

Что ж, «угол зрения» понятен. Тут, думается, важнее другое. Каким бы кому ни казался наш стяг, нести его нам, всем, в том числе и литовцам. И трещин в нем быть не должно — это однозначно. А что сделать для этого, мы должны думать всегда и везде. Не исключая и зрительного зала.

Майор Е. АРТЮХОВ,
наш корр.

ЭХО ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

К 70-ЛЕТИЮ
ПЕРВОГО МАССОВОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СУББОТНИКА

Огромные возможности в деле повышения социальной активности советских людей заключают в себе коммунистические субботники. Они явились, по существу, первыми ростками на пути становления нового отношения к труду.

Коммунистические субботники возникли в трудный период жизни молодой Советской республики, их история неразрывно связана с именем В. И. Ленина. В апреле 1919 года в связи с ухудшением обстановки на фронтах Владимир Ильич написал тезисы ЦК партии, в которых призвал «напрячь все силы, развернуть революционную энергию» для организации отпора врагу. В ответ на этот призыв группа рабочих депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги 12 апреля 1919 года провела первый коммунистический субботник. В нем приняли участие 15 рабочих, из них 13 коммунистов. Они предложили коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком.

Почин инициаторов подхватили коммунисты-железнодорожники всей Московско-Казанской железной дороги. 10 мая 1919 года они организовали первый массовый субботник, в котором участвовало 205 человек. Производительность труда участников субботника по сравнению с обычной достигла 230 процентов. Оценивая это новое патриотическое движение, В. И. Ленин писал, что прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, коммунистических субботников.

По данным учетно-статистического отдела Московского комитета партии, в мае—июне 1919 года в Москве было проведено 30 субботников, в которых участвовало около 1 500 человек. Вскоре они приняли массовый характер. «Войска ВОХР, будучи детищем рабочих и крестьян, не могут оставаться простыми зрителями в работе коммунистических субботников, — сказано в приказе № 22 от 19 сентября 1919 года об участии воинов ВОХР в коммунистических субботниках. — Войска ВОХР, находя-

щиеся в тылу, обязаны принять самое горячее участие в этой работе, подавая пример остальным частям нашей Красной Армии». Воодушевленные этим призывом, командиры и красноармейцы частей и подразделений активно работали на субботниках.

31 декабря 1919 года, подводя итоги этому движению, Политическое управление войск объявило благодарностью всем товарищам, принимавшим участие в работе, одновременно выразило уверенность, что великий почин не останется без внимания во всех частях ВОХР.

Политорганы, партийные организации частей строили свою работу в тесном контакте с местными комитетами партии. В частях и подразделениях создавались штабы по проведению коммунистических субботников.

1 мая 1920 года состоялся первый Всероссийский коммунистический субботник, в котором приняли участие В. И. Ленин и многие другие руководители партии и Советского государства. Партийные организации войск ВОХР развернули активную подготовку к этому субботнику. «Настал момент, — сказано в приказе Политуправления войск от 21 апреля 1920 года, — когда празднование 1 Мая превращается в грандиозный Всероссийский субботник, в день массового коллективного труда».

Накануне в подразделениях состоялась собрания личного состава, на которых были обсуждены доклады о Всероссийском субботнике 1 мая и «неделе трудового фронта». Например, красноармейцы Орловской конвойной команды провели такое собрание 30 апреля 1920 года и заявили, что они «приветствуют Постановление IX съезда РКП(б) и III съезд профсоюзов и как один примут самое горячее и активное участие в работе во Всероссийском субботнике».

Воины внутренних войск отлично сознавали, что всякий устроенный субботник, всякое усиленное отчисление средств бойцам Западного фронта в общем дадут громадную материальную и нравственную поддержку. Они самоотверженно трудились на субботнике. От Чусовской роты, например, в субботнике участвовало 133 человека, из них коммунистов — 40, беспартийных — 93. Работали 6 часов на материальном складе, стоимость работ составила 4 910 рублей 06 копеек. Участники субботника от 24-й бригады (г. Воронеж) в количестве 475 человек работали по планировке улиц. Бойцы и командиры 100-го батальона ремонтировали водопровод. Примечательно, что работы во всех батальонах велись совместно с гражданским населением. После работы состоялись спектакли, митинги. Во все кинематографы вход был бесплатный. В 44-й бригаде за 1 мая проведено 11 митингов и 5 спектаклей, а в 18-м батальоне 16-й бригады вечером состоялось собеседование с красноармейцами по текущему моменту.

Коммунистические субботники свидетельствовали о возросшей политической и трудовой активности красноармейских масс.

Как отмечала «Правда» 1 июля 1920 года, красноармейцы войск ВОХР, находясь в красном тылу, не остаются пассивными. Сами ощущая нужду в обмундировании и продовольствии, многие части отчисляют обмундирование и деньги на помощь фронту. Параллельно с борьбой на военном фронте красноармейцы участвуют в борьбе и на трудовом фронте.

Как известно, некоторые части ВОХР охраняли военнопленных. Учитывая это, Политуправление войск поставило задачу перед политорганами и партийными комитетами во главе с делами субботников и воскресников всех военнопленных с соответствующим разяснением значения их как зачатков коммунистического труда.

Уже тогда в армии, внутренних войсках зарождалась и крепла традиция — в трудную минуту приходиться на помощь трудящимся. Направляя подразделения в деревню для продовольственной работы, заместитель наркомвнудел по управлению войсками ВОХР В. Корнев и помощник по политической части начальника войск ВОХР И. Батраков вменяли в обязанность «партийным товарищам отряда оказывать услуги местному населению, особенно семьям красноармейцев, устройством субботников или личным трудом отдельных товарищей, отнюдь не взимать за это какой-либо платы».

Таким образом, в двадцатые годы субботники занимали важное место в работе командиров, партийных организаций по пробуждению инициативы, подъему духа красноармейцев и командиров. Когда партия предложила организовать «неделю крестьянина», личный состав войск активно откликнулся на этот призыв. В циркулярном распоряжении командования войск ВОХР по данному вопросу говорилось, что и «субботники в течение месяца должны служить той же работе — помощи крестьянину».

Для участия в «неделе крестьянина» создавались бригадные и батальонные комиссии, которые устанавливали тесную связь с уездными и городскими комиссиями. Объединенное собрание коммунистов 29-й стрелковой бригады, например, постановило: «...отчислять 3-х дневный паек соли и сахара в пользу крестьянских семей... 3-х дневный заработок на политпросветительную работу в деревне... провести, кроме очередного, внеочередной коммунистический субботник».

Эта резолюция обсуждалась затем на всех батальонных собраниях беспартийных красноармейцев и всюду была принята. На двух субботниках, очередном и внеочередном, работало до 800 красноармейцев (коммунистов и беспартийных). Выгружено из воды 27 кубических сажень дров, очищена часть берега — заработано от райлескома 53 фунта соли и 61 000 рублей денег — все это передано уездной комиссии «недели крестьянина». Кроме того, собрано и передано уездной комиссии отчислений с красноармейских пайков: сахару — 12 пудов 21 фунт, соли — 7 пудов

29 фунтов и денег (в 129 батальоне) — 78 000 рублей.

Коммунистические субботники прочно вошли и в сегодняшнюю жизнь советских людей, стали подлинной школой воспитания, одной из богатейших традиций советского народа. Начиная с 1970 года, они проводятся ежегодно и приурочиваются ко дню рождения В. И. Ленина. Так, в году XXVII съезда КПСС во Всесоюзном коммунистическом субботнике приняло участие более 159 миллионов человек. В этом массовом движении участвовали и воины внутренних войск. Свое главное внимание они сосредоточили на совершенствовании учебно-материальной базы, оборудовании парков, на ремонте казарменного и жилого фонда, профилактике инженерно-технических средств охраны, благоустройстве и озеленении военных городков. Вместе с молодежью городов и сел немало воинов в этот день благоустроили территории мемориальных зон, памятников ратной славы. Всего выполнено работ на 785 тысяч рублей.

С большим подъемом участвовали воины внутренних войск и в коммунистическом субботнике, посвященном XIX Всесоюзной конференции КПСС. В подразделениях, частях, соединениях были организованы штабы по подготовке к субботнику. Задачи по вовлечению в него военнослужащих обсуждены во многих первичных партийных организациях с участием представителей охраняемых объектов, подшефных предприятий. Перед началом субботника в воинских коллективах прошли митинги. Играли военные оркестры. Пропагандисты, агитаторы из числа коммунистов и комсомольских активистов информировали людей о ходе работы, отмечали тех, кто добился наилучших результатов.

Зародившись 70 лет назад, коммунистические субботники играли важную роль не только в борьбе с разрухой народного хозяйства, но и в укреплении связей армии с народом, союза рабочего класса с трудящимися массами крестьянства. Они поднимали авторитет новой власти, рабочего класса. Велико их значение и в подъеме социальной активности масс, повышении производительности труда, формировании у трудящихся высокой нравственности, новых взглядов на дисциплину, на свое место в рабочем строю. Субботники оказывали благотворное влияние на различные стороны жизни нового общества. Они являлись важной предпосылкой развития социалистического соревнования как в стране, так и в Вооруженных Силах, в том числе и во внутренних войсках.

На сегодняшнем этапе совершенствования социализма роль и значение живого творчества масс, ярким проявлением которого выступает социалистическое соревнование и его первая форма — коммунистические субботники, неизмеримо возрастают. Только опираясь на энтузиазм широких масс, партия сможет довести дело перестройки до победного успеха.

Г. АЛЕКСАНДРОВ.

ЕДЕТ В РОТУ ПАРТБЮРО

ПЕРЕСТРОЙКА... Борьба за нее все отчетливее проявляется в работе наших партийных организаций. Процессы идут непростые, порой болезненные, иногда противоречивые. Да и понятно, ведь повышение направляющей и руководящей роли парторганизаций происходит в условиях единоначалия, жесткой уставной регламентации всей нашей жизни. И все же...

Первый вопрос, который был поставлен в повестку дня в партийной организации батальона: как повысить влияние коммунистов на выполнение служебных задач? Нам было ясно, что его не решить, если партбюро будет работать по старинке. Дело в том, что подразделения батальона находятся на сравнительно небольшом удалении друг от друга, и тем не менее ряд коммунистов, входящих в руководящий партийный орган, не только не знают обстановки в цеховых парторганизациях, но даже никогда не бывали в тех ротах. О какой же компетентности при принятии решений тут можно было говорить? В общем, сама жизнь подсказала: надо менять стиль работы партбюро.

В партийной организации роты контролеров в течение двух дней предстояло поработать членам партбюро старшим прапорщикам Д. Цюпе и А. Орехову. При этом учитывалось, что оба товарища проходят службу в других контролерских подразделениях, имеют большой служебный и партийный опыт. Но нам очень не хотелось, чтобы командир роты старший лейтенант Д. Топладзе и его заместитель по политической части старший лейтенант В. Редько увидели в представителях партийного бюро очередных проверяющих. Мы пригласили офицеров-коммунистов на беседу. Выяснилось, что они в целом правильно понимают линию партийного органа батальона, хотя чувствовалось, что необычность обстановки накладывает на них свой отпечаток.

Два дня Цюпа и Орехов встречались с прапорщиками подразделения на боевой службе и в быту. Находили общий язык легко, ведь иных контролеров роты знали долгие годы, кое с кем из них и службу вместе несли. Поэтому разговоры получались откровенные и положение дел в воинском коллективе вырисовывалось ясно и объективно.

А вскоре в роте состоялось расширенное (с приглашением партийного актива подразделений) заседание партийного бюро. Выступая на нем с отчетом, коммунист

Топладзе понимал, что партийцы знакомы с реалиями его работы не понаслышке. Выступления в прениях были злободневными, а главное — конкретными. Не всем, правда, сразу стало понятно, что, касаясь организации боевой службы и ряда других «командирских» вопросов, высказывая мысли о совершенствовании процесса обучения и воспитания, бюро не подменяет командира, а помогает ему как коммунисту выбирать перспективные направления работы на порученном участке. Именно это и явилось поворотным пунктом того первого, памятного нам заседания. Надо сказать, что оно получило широкий резонанс и поддержку в цеховых партийных организациях батальона. В каждом коллективе стали серьезно готовиться к встрече с партийными активистами, тем более что бюро свои планы не скрывало.

Первые результаты работы в новом ключе обнадеживали. Топладзе и Редько начали менять к лучшему стиль руководства. Произошли перемены в распределении служебной нагрузки на контролеров, более активно заработали партийная и комсомольская организации, совет прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. Важную роль здесь сыграли коммунисты А. Полторацкий, В. Пахомова, комсомольцы Г. Ачилов, В. Корягин.

А ПАРТИЙНОЕ бюро продолжало поиски эффективных форм работы и на очередное выездное заседание отправилось вместе с комсомольским бюро батальона. Ведь у кого же учиться комсомольцам новому и передовому, как не у коммунистов? И где, как не в совместной работе?

Подразделение контролеров, где трудятся офицеры Б. Осипов и А. Шафиев, у нас передовое. Вроде бы и нечего опасаться здесь придиричьего глаза, и тем не менее к встрече коммунисты и комсомольцы отнеслись самым серьезным образом. К предстоящему заседанию положение дел в роте изучил член партбюро старший прапорщик А. Колчанов.

Выехав на место, члены партийного и комсомольского бюро вместе с коммунистами роты организовали лекцию сотрудника ИТУ капитана внутренней службы Г. Веселковой «О психологических аспектах взаимоотношений контролеров и осужденных». Затем приняли участие в политических занятиях. Партийные и комсомольские активисты опять же выступали не в качестве проверяющих, а активно обсуждали вопросы темы, тесно увязывая их с

В ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

жизнь всех подразделений батальона. Было у людей что сказать друг другу, а поэтому острый и заинтересованный получился разговор.

Здесьние контролеры были довольны бытом, с охотой делились с партийными и комсомольскими активистами своими суждениями. Потом в подразделении все вместе участвовали в подведении итогов за месяц. Много интересного и полезного узнали из доклада командира роты капитана Б. Осипова. Произвела хорошее впечатление подготовка схем и плакатов.

На расширенном заседании партийного бюро был заслушан отчет коммуниста А. Шафиева о состоянии политико-воспитательной работы в роте и мерах по повышению ее эффективности. Али Шафиевич — политработник вдумчивый, внимательно следящий за каждым новым словом в воспитании, но, как он отмечал впоследствии, на том заседании партбюро коммунисты подказали ему немало поучительного.

ПЕРЕСТРОЙКА партийной работы, как и любая перестройка, — это поиск, во время которого не всегда знаешь, с чем столкнешься. Решения XIX партийной конференции и ряда пленумов ЦК партии нацеливают партийные организации смелее решать политические вопросы политическими же методами. Одним из таких важных вопросов является кадровый.

Жизнь поставила нас в условия, когда партийное бюро батальона не может оставаться в стороне от его решения. И бюро предстояло пройти через сомнения и непонимание, рождающиеся не только внутри коллектива. Долгие застойные годы кадровые вопросы решались за закрытыми дверями, а парторганизации лишь утверждали партийные характеристики по запросам кадровиков. Кому-то это было очень удобно. Но времена пришли иные...

Случилось так, что одна из рот батальона осталась без командира, и этот вопрос не выпал из поля зрения партийного бюро. Нам было безразлично, кто возглавит подразделение. Партбюро пришло к единому мнению: целесообразно было бы видеть на этой должности командира взвода и секретаря здешней партийной организации старшего лейтенанта И. Коротенко.

Но мнение мнением, а что делать дальше? Рекомендовать командованию назначить данного офицера на вакантную должность? Не будет ли это расценено так, что мы в батальоне «выбираем» командира роты? Ситуация сложилась неординарная, и бюро решило вынести вопрос на партийное собрание. Коммунисты нас поддержали: партийное собрание единогласно утвердило на коммуниста И. Коротенко партийную характеристику, в которой было выражено мнение первичной парторганизации о целесообразности его выдвижения на вышестоящую должность.

Реакция на ту характеристику в штабе части была неоднозначной, тем более что прошлое у нашего кандидата не безоблачно. Но кто знает человека лучше, чем его товарищи — коммунисты, выполняющие с ним вместе задачи боевой службы?

Да, непривычно нам пока не получать готовое решение вышестоящего командира, а заранее предлагать свой вариант. Но мы избрали такой путь: ведь помогая старшему командиру принять верное, на наш взгляд, решение, получающее одобрение всего воинского коллектива, мы как раз и способствуем повышению авторитета руководителя, укреплению единоначала. Время показало, что партийная организация на правильном пути. Исполняющий должность командира роты старший лейтенант Коротенко уверенно справлялся с порученным делом. Сейчас Иван Иванович — командир роты, коммунисты избрали его членом партийного бюро батальона. Мы убедились, что участие партийной организации в проведении кадровой политики и решении других «узловых» проблем — настоятельное требование сегодняшнего дня. Дело от этого только выигрывает.

«БОЛЬНОЙ» вопрос для нашего подразделения — это комсомольская организация батальона. Да не покажется суждение молодой в устах бывшего комсомольского работника соединения, но она нам не нужна. В батальоне служат прапорщики и солдаты, сержанты срочной службы, мы охраняем объекты ИТК и ЛТП. Соответственно тому — структура и состав наших комсомольских организаций. Все вопросы вполне разрешимы в первичных организациях рот, но проблемы, волнующие комсомольцев, в ряде случаев и несопоставимы. Повышение качества выполняемых задач в женской ИТК и охрана мужской ИТК усиленного режима плохо совмещаются с задачами контролеров, несущих службу в ЛТП. Да и запросы 18—19-летних комсомольцев — солдат и сержантов срочной службы — трудно стыкуются с заботами 27—28-летних комсомольцев-прапорщиков, людей семейных, зачастую многодетных. Загнать их интересы под одну крышу батальонной комсомольской организации, конечно же, можно, но это ли сегодня нужно нам? Как практик, считаю, что ничего, кроме формализма, тут не получится.

Впрочем, есть здесь один нюанс. Координирующий центр комсомольской работы в батальоне все же нужен. Но, по нашему убеждению, это должно быть не бюро, а инструктор по работе с комсомольцами и молодежью — профессионал с высоким уровнем подготовки, труд которого соответственно и оплачивался бы. Должности освобожденных секретарей бюро ВЛКСМ батальонов в наших подразделениях сокращены скорее всего в целях экономии. Но мы уже не раз убеждались в том, что «скупой платит дважды». Да и нужно ли экономить на качестве воспитания армейской молодежи?

Перестройка поставила перед нами множество самых разных вопросов. И пути их решения в партийных организациях отличаются друг от друга. Это естественно. Главное — было бы высокое чувство ответственности коммунистов за свои дела.

Майор В. ШАПОШНИКОВ,
заместитель командира батальона
по политчасти, член парткома части.

УВВ по Уралу.

СОБРАНИЕ... «В ГРУБОЙ ФОРМЕ»

Исключенные из комсомола за употребление спиртного сержанты А. Паршин, А. Кибакон, младшие сержанты В. Голота и В. Якименко написали в редакцию не потому, что хотели в чем-то оправдаться...

— Мы заслужили строгое комсомольское взыскание, ждали его, — сказал при встрече младший сержант Якименко. — Но не могли даже представить, что все случится именно так...

Что же произошло?

Сначала коммунисты-руководители командир батальона подполковник М. Писарев и его заместитель по политчасти майор Ю. Дорохов, а также помощник начальника политотдела части по комсомольской работе капитан В. Франко и заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант А. Реутов присутствовали на заседании бюро ВЛКСМ роты, работавшего в составе четырех членов (из 9 по списку), то есть «не заметили» грубейшего нарушения Устава ВЛКСМ. Казалось бы, дождись следующего дня, когда вернется со службы прапорщик Г. Кузьмин—пятый член бюро... Но приехавший в подразделение с распоряжением начальника политотдела «разобраться и строго наказать» капитан Франко не хотел медлить. А руководство батальона попросту предпочло не вмешиваться.

Таким образом, оставшись в «подавляющем меньшинстве», бюро исключило только что прибывшего в роту младшего сержанта Якименко. Остальным сержантам объявили по строгому выговору с занесением в учетную карточку.

Затем—ни заседания бюро ВЛКСМ батальона, ни тем более комсомольского собрания «первички», кото-

рое обязано было решить судьбу младшего сержанта Якименко, не последовало.

— Ой! — вдруг восклицает в беседе со мной старший лейтенант Реутов, и в глазах его сверкает нечто похожее на озарение. —Собрание-то было! В грубой форме, правда. Я построил людей и объявил о решении бюро...

Браво. Впору и нам объявить: внимание — опыт! Конкурс на скорейшее проведение комсомольского собрания — в строю, с подачей команд на доклад, прения и результаты голосования. «Для проведения комсомольского собрания, стройся! Слушай доклад!..» Форма, правда, и впрямь грубая. Но зато представляете, сколько времени будет сэкономлено!

Лишь спустя два месяца (!) сержанты вновь были удостоены внимания: вызвали всех четверых на заседание партийной комиссии при политотделе части, задали несколько вопросов и объявили «приговор».

Несмотря на то, что у сержантов различные сроки службы, разное отношение к своим должностным обязанностям, наконец, различная роль в организации пьянки, как-то учитывать это парткомиссия во главе с ее секретарем (теперь уже бывшим) подполковником М. Тарасовым даже не пыталась. Хотя опытные сержанты Паршин и Кибакон постоянно возглавляли караулы и неизменно удаивались поощрений командиров и начальников. Прежде не имел взысканий и серьезных замечаний и младший сержант Голота. Что же касается младшего сержанта Якименко, то за двадцать дней, которые он провел в роте, узнать его еще просто не успели.

Тем не менее — с единой для всех трафаретной оценкой: «Ранее к комсомольской ответственности не привлекался. Допустил употребление спиртного...» —наспех, не вникнув в существо дела, не изучив его прохождения в комсомольской организации, не используя всех форм и средств воспитания, с явным нарушением требований Инструкции организациям ВЛКСМ в Советской Армии и Военно-Морском Флоте — у всех четверых отобрали комсомольские билеты.

Очевидно, партийная комиссия части с позиции: «Если вы там в роте не можете как следует спросить с нерадивых, то мы здесь сами...» — пошла по пути административно-командному, а если учесть допущенные небрежности, то, по сути, ее деятельность на поминала все то же собрание в строю.

И происходило это на фоне широкой демократизации, в пылу разговоров — в той же части — о необходимости освобождения комсомола от чрезмерной опеки партийных органов, возвращения к ленинским нормам партийного руководства ВЛКСМ, предоставления ему большей самостоятельности...

Пусть ни у кого не возникает сомнения, будто мы ратуем за снисхождение к нарушителям. Мы лишь против того, чтобы существующие инструкции, Устав ВЛКСМ использовали как дышло — куда повернул — туда и вышло.

Остается добавить, что партийная комиссия при политотделе соединения подробно изучила дело и в связи с грубыми нарушениями в его прохождении приняла решение восстановить в рядах ВЛКСМ младшего сержанта Якименко, сержантов запаса Паршина, Кибакон, младшего сержанта запаса Голоту и вернуть им комсомольские билеты.

М. ВИСКОВ.

РЕПЛИКА

МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ ПУЛЬС

Держать руку на пульсе. Ощущать пульс времени. Быть в ритме жизни... О ком это? Не о тебе ли, наш молодой читатель!

Сегодня — дебют рубрики. Молодежный клуб приглашает всех стать участниками интересных встреч, дискуссий, начинаний. Пусть же наши сердца пульсируют в ритме времени — такого непростого, увлекающего, обязывающего.

Первый гость «Пульса» — Артем Боровик, молодой журналист, опубликовавший в журнале «Огонек» серию репортажей о своей «службе» в армии США. С ним беседует ведущий молодежного клуба.

— Артем, как возникла идея обмена журналистами — американским и советским — для прохождения ими «службы» в армии «вероятного противника»!

— На одной из редакционных летучек я отчитывался о командировке в Афганистан. Главный редактор «Огонька» Виталий Коротич вдруг заявил: «А теперь мы тебя запузирим в американскую армию». Все, в том числе и я, восприняли это как шутку. Но Коротич начал действовать. Связался с главным редактором популярного американского ежемесячника «Лайф». Вместе они направили письма в наше Министерство обороны и в Пентагон. И в конце концов было достигнуто согласие, обсуждены детали. По договоренности возраст корреспондентов — участников этого проекта — не должен был превышать 30 лет. Но американцы несколько нарушили договоренность, прислали «парня» чуть постарше. Ему за 60... Он уже опубликовал свои репортажи в «Лайф». Ничего более комплиментарного о нашей армии в зарубежной печати я не читал...

— В армии США нет молодежной политической организации по типу нашего комсомола, однако влияние на солдат там не прекращается ни на один день. Как оно осуществляется? В чем, на твой взгляд, сильные и слабые стороны нашего нынешнего армейского комсомола, и каким, по-твоему, он должен быть?

— Думаю, что армейский комсомол не изолирован от комсомола всего общества.

Ведь любые негативные моменты в обществе первым делом отражаются на школе и на армии. Тот кризис, в котором оказался комсомол, — это следствие дел в обществе. Нельзя отдельно изменять, вытаскивать комсомол армейский, а неармейский будет плестись за ним или наоборот. Тут нужна кардинальная реформа. Надо пересматривать точку зрения на то, как работать с молодежью. Те методы, которые годились в 50—60-е годы, сейчас уже не годятся. Может быть, внутри комсомола должны быть различные, более ярко выраженные направления: спортивные, военно-спортивные, философские и так далее, потому что зачастую наш общеобразовательный процесс напоминает узкий коридор. В университетах, скажем, тех же США помимо изучения марксизма-ленинизма студенты слушают более подробные лекции по современной, древней философии... Надо расширять кругозор молодежи.

И чтобы лидеры не назначались сверху, а вырастали из самого коллектива, чтобы пользовались естественным авторитетом.

— Тогда лидер будет и формальным, и неформальным в одном лице.

— Конечно. Именно так нужно объединить эти две стороны. Когда же лидер искусственно привносится, возникает противоречие между лидером неформальным, то есть естественным, и формальным, неестественным. По-моему, солдаты должны сами выбирать своих вожakov, лидеров, а не ждать, пока их назначит командир.

*Артем
Боровик:*

КАКОВ ОН,

Только тогда можно реально вести разговор о демократизации в армии, демократизации армейского комсомола.

В армии США разрабатывается много теорий о том, что такое лидерство. Есть точка зрения: лидер должен доказать солдатам на деле, что он тот командир, который выполнит боевое задание и сохранит все солдатские жизни. И вторая точка зрения, основная: вожакom является человек, способный пробудить в солдатах желание подчиниться его воле, выполнить его приказ. Не заставить подчиниться воле, а сначала пробудить желание подчиниться. Там человека ставят в положение лидера — командира отряда рэйджеров — в самых различных условиях, при выполнении разных учебных и боевых задач. И потом всех солдат опрашивают: какой же человек, на их взгляд, на протяжении всего рэйджеровского курса оказался лучшим лидером. Солдаты сами голосуют, и это сопоставляется с точкой зрения командования. Таким образом отбираются лидеры. И одновременно, что мне представляется очень важным, там уделяется большое внимание воспитанию солдат взвода или роты как одной спортивной команды. Известно, что спорт — это мощная объединяющая сила. В условиях, когда нет войны, американцы решили перенести весь упор с боевых действий на физподготовку.

У них действительно нет молодежной организации в армии. Но у них, повторяю, есть спортивные команды, где идет воспитание по всем направлениям. Солдаты исповедуются капелланам — рассказывают о своих бедах, нравственных исканиях. Информация капеллана вкупе с той, которой располагает сержант, дает возможность командиру контролировать подразделение так, как он не смог бы в ином случае. И предотвращать различного рода инциденты. Капелланы — духовные наставники, но они же дают какие-то ориентиры и политические. Очень тонко, ненавязчиво, порой значительно тоньше, чем это делаем мы.

— Очевидно, что американскому солдату усиленно и методично прививают ненависть к советскому солдату, культивируют в его сознании образ врага. Нужно ли нам, на твой взгляд, отвечать тем же!

— Нет, нам, конечно, отвечать на это не нужно. В этом наша сила, сила наших идей. Мы никогда не играли на негативных чувствах людей, на отрицательных эмоциях, на ненависти. То, что наша пропаганда возбуждала ненависть к врагу в период Великой Отечественной войны, было необходимым, естественным. Но в мирное время мы не воспитываем ненависти к Фрицу, Джеку или Джону. Американцы же воспитывают ненависть к Ивану. Помню, как стало мне не по себе, когда в солдатской

столовой увидел огромный плакат, на котором рэйджер протыкает штыком советского солдата. И надпись: «Кто твой враг? — Иван!». И когда я начал это снимать, ко мне подбежал один из офицеров и сказал: «Я вам официально заявляю, что это не советский солдат». Я спросил: «Какой же?» Он ответил: «Это вьетнамец». Но ясно было, что это советский солдат. Отрабатывают они приемы штыковой атаки на пластиковых фигурах, изображающих советских солдат.

Регулярно проводят и так называемые уроки страха. Собирают в классе 30—40 человек, которые только пришли в армию. Выходит к ним офицер в форме советского или кубинского военнослужащего и начинает воздействовать на аудиторию, как красной мантией на быка, — оскорблять национальные чувства, всячески унижать. Спрашивает солдата: «Сколько раз ты можешь отжаться?» Тот с трудом отжимается три раза. — «А теперь смотри, как мы в Советской Армии...» — И тут же за две с половиной минуты отжимается 100 раз. Следующий вопрос — без паузы: «Какие ТТХ советской военной техники ты знаешь?» Солдат пока ничего не знает, кроме того, что БТР зеленого цвета. «А я смотри что знаю. — И словно автомат отстреливает все характеристики танка «Абрамс» или боевой машины «Бредли»... И вообще, говорит, вы своей демократией армию развалили, ничего вы не можете против нашей армии... И доводит таким образом аудиторию до кипения, пока кто-нибудь не бросается, не хватает его за грудки, пытается повалить. Тогда их разводят, и начинается учеба. Считается, что это сильно стимулирует физическую подготовку, весь процесс обучения. Но нам, я повторяю, на мой взгляд, перенимать этот опыт не надо. Какой угодной другой — спортивный, боевой, но этот — нет. Потому что это отупляет людей.

— Как строятся отношения в армии США между командирами и подчиненными, между самими солдатами! Как решается там расовая, национальная проблема, проблема «дедовщины»!

— У них «дедовщиной» считается уже то, что сержант-инструктор сказал солдату: «Из тебя солдат, как из дерьма снаряд». За этим следует наказание сержанта.

В Вашингтоне создана Генеральная инспекция, ее представители следят за соблюдением уставных отношений в армии. В частях действуют отделы этой инспекции. Военнослужащий, который был свидетелем неуставных отношений, обязан доложить об этом в отдел. Параллельно он может прийти с этим к своему командиру. Действует строгая система наказаний за неуставные взаимоотношения. Даже за употребление нецензурных слов на северных словах налагаются денежные штрафы. При-

СОЛДАТ АРМИИ США...

меняются и спортивные наказания за мелкие нарушения. Это наказания, так сказать, в кавычках. Солдат не по форме одет или неправильно обратился к командиру. Сержант приказывает солдату отжаться, к примеру, 60 раз. Но солдаты, по-моему, не обижаются, смотрят на это как на спорт, а спорт у них очень престижен.

Американская армия многонациональна. Я ехал туда, начитавшись в нашей литературе, в очерках об Америке и американской армии, что это — сборище убийц и наркоманов... Но приехал и увидел мощное боевое образование. Они за свою Америку глотку перегрызут. Мы думали или думаем, что у них нет общенациональной патриотической идеи, но она у них есть — идея свободы, прав человека. Это все для них не менее важно, чем для нас идеи социализма и коммунизма. Поэтому не нужно недооценивать их армию, которая, повторяю, очень многонациональна. Такое впечатление — все национальности мира там собрались. Я даже видел выходцев из русских семей, эмигрировавших после революции. И филиппинец там командует ротой... Значительная часть всего сержантского состава — негры. Потому что в основном в армию у них идут из малоимущих слоев населения. Это, кстати, негативная сторона их армии, потому что в случае войны национальные меньшинства и представители бедных слоев населения гибнут больше, чем белые и более преуспевающие, богатые. Так что нам надо это активно использовать в пропаганде...

В американской армии остро стояли национальная, расовая проблемы во время войны во Вьетнаме, когда белые заставляли черных идти за них в бой... И когда армия была недобровольная.

Но они от этого избавились с переходом на добровольную армию — имеют те-

перь возможность отбирать людей, которые им нужны. Они отслеживают людей уже со школ, отбирают. Этим занимаются представители вербовочных пунктов Пентагона. Ищут выдержанных, стойких. Нарушение национальных, расовых норм считается у них одновременно нарушением устава, и за это здорово карают.

Что касается взаимоотношений по вертикали, то полковник там ест за одним столом с солдатом. Отношения при всей их строгости остаются демократичными, как и в обществе.

Пентагон, к слову, производит впечатление очень простого аскетичного здания. Кабинет министра обороны весьма скромный, небольшой, линолеумные полы. Сам министр — сухопарый, подвижный. Проплывает каждое утро несколько миль (речь идет о бывшем министре обороны Ф. Карлуччи. — С. Ш.). Надо сказать, все офицеры и генералы у них подтянуты, физически очень развиты. Были случаи, когда за пару килограммов лишнего веса офицеров увольняли из армии. Не для того, чтобы их проучить, а чтобы всю армию привести в надлежащий вид. Теперь люди видят, что их военная карьера поставлена в зависимость и от их физической подготовки.

— Артем, но так ли все безоблачно в американской армии, или проблемы все-таки у них есть!

— Конечно, проблемы есть. За те две недели, что я там провел, трудно черпнуть глубоко. Но я написал совершенно честно, только то, что я видел. И не писал того, чего не видел. А сами они не пытались выпячивать свои болячки. Думаю, проблем достаточно. В том числе национальных, расовых. Кому-то не нравится филиппинец, кому-то негр... Раздражение против сержанта, который тебя наказал, смешивается иногда с тем, что он, скажем, негр. Все это в той или иной мере есть. Но они с этим борются, и тут надо отдать им должное.

— Как в армии США удается сохранять и поддерживать высокий профессионализм!

— Поскольку уровень техники поднялся, они стремятся задержать в армии солдата и офицера как можно дольше, продлить с ним контракт. Ведь, скажем, на подготовку летчика-истребителя в звании «майор» уходит миллион долларов. Если летчик прослужил время контракта и его переманили на гражданские авиалинии, Пентагон теряет миллион...

То же самое с солдатами. Их пытаются увлечь, за выслугу лет дают больше денег, чтобы они оставались в армии как можно дольше.

— Какие поощрения и наказания в отношении военнослужащих американской армии применяются, как организуется их досуг, увольнения?

— Наказания — в основном финансовые штрафы. Если мелкая провинность — отжимание от пола. За серьезные нарушения иногда увольняют из армии. Они могут позволить себе такую роскошь — уволить тех, в ком они не заинтересованы.

Что касается досуга, то в течение всей учебы, которая длится 13 недель, солдату запрещено читать газеты, слушать радио, ходить в увольнение. В качестве поощрения отдельным солдатам может быть разрешено смотреть телевизор в воскресенье вечером. Всего 10 минут. Спустя 91 день солдату разрешается сходить в увольнение.

— Ощущаются ли в армии США перемены, связанные с улучшением отношений между нашими странами?

— Несомненно. Вообще в мозгу американского солдата, по-моему, не удержи-

«Не послужишь — не узнаешь...» Артем Боровик за свою короткую «службу» в армии США стремился узнать, услышать, понять как можно больше. Переодетый в форму американских солдат, он был вместе с ними везде — на полигоне и в учебных классах, на стрельбище и в казарме.

вається більше одного стереотипа якого-то предмета, будь то Советський Союз или что-то еще... На сьогоднішній день я бы назвав два образы: первый — советского военнослужащего — врага, который воспитывался десятилетиями, и второй — он связан в их сознании с образом Горбачева, этого улыбочивого, смелого человека, решительно взявшегося за перестройку. Сейчас сильно вымывается старый образ, и ему на смену приходит новый. Это очень важно.

— Значит, «угроза» академика Арбатова в адрес американцев во время одного из телемов: мы нанесем вам самую сильную потерю — мы лишим вас образа врага — эта «угроза» претворяется в жизнь!

— И притом очень эффективно. Они видят, что от слов мы перешли к делу — это и сокращение Вооруженных Сил, и следование принципам общечеловеческим... Все это разрушительно для пентагоновских пропагандистов.

— Если не ошибаюсь, ты трижды бывал в Афганистане. Твою повесть «Встретимся у трех журавлей» с интересом прочитали миллионы людей. Что чувствовал ты всякий раз перед вылетом в Кабул!

— Чувство тяжелое и одновременно святое. Потому что на войне такой накал эмоций, чувств, страстей, что после войны, когда попадал в Москву, эта обыденная жизнь во многом казалась пустяковой, светливой. Я вовсе не певец войны, прекрасно понимаю и убежден, что война не нужна, что это грубейшая наша ошибка, нашего руководства конца 70-х, когда было принято решение о вводе войск... И очень хорошо, что мы ушли, парни возвратились домой. Но тем не менее я хочу сказать, что солдаты и офицеры, в том числе, насколько я знаю, и представители внутренних войск, показали себя хорошо, здорово, хотя были поставлены в сложнейшие физические и нравственные условия. Я считаю, что страна их послала и они выполнили свой долг, а теперь от них отказываться и говорить: вы там неизвестно чем занимались, — это, по меньшей мере, непорядочно.

Наши парни совершали там чудеса героизма, показывали прекрасные примеры взаимовыручки, боевого братства...

— Не пытался ли ты после того, как «послужил» в армии США, сравнить советского и американского солдата!

— Конечно. Продолжая ответ на предыдущий вопрос, скажу: подобных примеров героизма, самопожертвования в армии США я не встречал. Если только полковник Бобби Хофман... В 1972-м, когда он служил во Вьетнаме в «зеленых беретах», ему вместо струсившего сержанта пришлось прочесать квадрат. Но это не типичный случай. На мой взгляд, примеров подлинного героизма у них нет.

Ну и внешне между нашим и их солдатом — большая разница. Форма совершенно различная. Американский солдат очень коротко подстрижен, на ногах ботсы со стальной подошвой (чтобы обувь не протыкалась), каска обтянута пятнистой материей.

В армии очень мало курящих, а в учеб-

ных подразделениях их вообще нет. Зато часто увидишь солдата, отжимающегося на учебном плацу или в казарме. За один прием — 60 и более раз. Это упражнение у них очень распространено. Наверное, поэтому их солдат выглядит физически более развитым.

— А как ведут себя американские средства массовой информации по отношению к своим вооруженным силам!

— Средства массовой информации делают то, что они должны делать, — занимают в основном критическую позицию.

Но вместе с тем присутствует прекрасная реклама вооруженных сил. Пентагон платит огромные суммы киношникам, чтобы они создавали хорошие фильмы об армии.

Но критики в печати немало, они считают что это единственный способ заставить решать какие-то проблемы. Например, дело подполковника Норта. В его лице критике подвергались многие военные и само ведомство. Так или иначе затрагивалась и продолжает затрагиваться честь мундира. Особенно остро критикует армию, руководство военных баз местная пресса. За то, что солдаты часто тренируют кулаки на гражданском населении, что вокруг баз, по вине тех же солдат, растет проституция...

— Артем, расскажи немного о себе.

— Родился в 1960-м. Закончил факультет журналистики Московского государственного института международных отношений. Поначалу мечтал работать в Министерстве иностранных дел СССР. Стажировался в посольстве в Лиме — в Перу. Но почувствовал, что не хватает живой, интересной работы. Поэтому пришел в редакцию «Советской России», поездил в качестве ее корреспондента в командировки в Никарагуа, Афганистан. Коротич прочитал мои репортажи, пригласил меня в «Огонек» освещать афганскую тематику. И вот по сей день длится мой «роман» с «Огоньком».

Помимо журналистики увлекаюсь кино, видеокино. Ведь когда-то мечтал поступить во ВГИК. Не так давно женился, сын растет...

— Не собираешься ли написать что-нибудь о военнослужащих внутренних войск!

— Недавно я встречался со слушателем Военно-политической академии имени Ленина — представителем внутренних войск, был в гостях в одной из ваших частей. Хотелось бы написать. Служба у вас очень интересная и нужная. Но вот представится ли возможность? Внутренние войска, насколько я знаю, это в какой-то степени аналог национальной гвардии США. Их основательно я не изучал, но знаю, что специальной и физической подготовке американцы уделяют колоссальное внимание. Поэтому очень нам надо поднимать физподготовку. Вот, кстати, где комсомол может сыграть свою роль!

Беседу вел майор С. ШЕВЦОВ.

К ЧИТАТЕЛЯМ. На ваш взгляд, удался ли дебют «Пульса»? С кем еще вы хотели бы встретиться в молодежном клубе? Какие проблемы обсудить? Ждем ваших пожеланий!

ОДНАЖДЫ СОЛГАВ СЕБЕ

— Вася, выручай,—заговорил Сыроткин, едва прапорщик Федоров вышел через КПП. — Пусть это полегит пока в твоей машине. Ни о чем не спрашивай. Спешу. Потом расскажу. Спасибо, дорогой, за услугу. С меня причитается.

...Несколько недель спустя прапорщик В. Сыроткин при странных обстоятельствах погиб в горах, сорвавшись в пропасть. Федоров, узнав об этом, еще долго не прикасался к целлофановому пакету, покоившемуся глубоко в багажнике «Волги». Наконец не выдержал. Пригнав машину в село к отцу, незаметно перенес таинственный груз в небольшой сарайчик и, с трудом развязав тугие узлы, развернул. Как только взору открылось содержимое пакета, прапорщик отшатнулся: кожаная кобура, россыпь патронов...

Справившись с волнением, осторожно вытащил пистолет. «Не наш... Похоже, вальтер.»

Потом шевельнул горстку патронов. Смутное, тревожное чувство всколыхнуло кровь: «Откуда это у Сыроткина и зачем?»

Немного поостыв, он неторопливо вышел во двор. Огляделся: никого. Подошел к навесу, где лежал уголь. Загнал в патронник патрон, второй вставил в магазин. Прицелил-

ся в сучок на доске. Спокойно нажал на спусковой крючок. Осечка. Со второго раза получилось.

«Хорошо бьет!» — удовлетворенно подумал Федоров. Уложил вальтер в кобуру, связал узелок, отнес в комнату и надежно спрятал под кроватью среди других вещей. И вовсе успокоился.

Не подумал прапорщик о том, что пистолет мог о многом рассказать следствию, которое велось в связи с гибелью Сыроткина, как не подумал и о том, что хранение огнестрельного оружия без соответствующего разрешения запрещено.

Почему же так поступил Федоров? Совершим маленький экскурс в прошлое.

Еще в юности, когда возможности ограничены, а желания преувеличены, поддался он однажды преступному искушению поживиться за чужой счет. Уповав на благополучный исход дела, украл вместе с друзьями мотоцикл. Пришлось предстать перед судом. Правда, как говорят в таких случаях, отделался легким испугом.

Поначалу мучила совесть неискusшенного в житейских передрыгах Васю Федорова. Но потом, «переболел», он пошел на сделку с самим собой: а ну ее, совесть-то... И она его больше никогда не тревожила. Жил себе спокойно, думами себя не утруждал. Это получалось. Окружавшие ведь не знали, что у него на душе, а внешне он оставался неплохим человеком. Даже доверили ему возглавить небольшой коллектив. Старшие начальники отмечали его различными поощрениями.

Возможно, многие еще годы прапорщик благополучно трудился бы на ратном поприще. Пожалуй, и до пенсии бы спокойно дожил. Никто бы так и не узнал о его духовном крахе.

Но однажды заглянул к Федорову знакомый по фамилии Мороз.

НА ТЕМЫ МОРАЛИ

«Исхудали» у него скаты на автомобиле, просил подсобрать, где их нынче купишь, скаты-то...

Федоров как раз видел во дворе машину с точно такими же, какие были нужны его дружку. На ней к квартирантам отца приехал какой-то родственник.

Утром машина оказалась без колес...

Среди тех, кто попал в число подозреваемых в хищении, был и Федоров. В комнате и гараже произвели обыск. Вот тут-то и всплыл злополучный вальтер.

— Почему вы это храните?—спросили у него.

— Да так... — пожал он плечами. Должного ответа он дать не мог. А ведь, по существу, просто сработала укоренившаяся привычка не проходить мимо всякой «стоящей вещицы»... Даже понимая, что пистолет ни в чем хорошем использован быть не может, тем не менее он не нашел сил отказаться от него. Почему?

Потому что ни в чем не любил себе отказывать. Стремился жить на широкую ногу. Это значит: если машина — то только «Волга», если радиотехника — то японская, если гарнитур—то импортный... Дом его уже был полной чашей. И он в нем —самодовольный хозяин.

На достижение «сверхблаг» была брошена вся его по-кулацки хваткая, неумная энергия. Основным источником побочного дохода стал ремонт автотехники, которую доставляла ему обширная клиентура. Если бы еще не возникало трудностей с запчастями! А так много времени уходило на поездки, поиски, какие-то встречи, установление «деловых» контактов.

Такой образ жизни был явно не по душе его супруге. Продолжительное отсутствие мужа дома, возвращения в ночное время...— какое же сердце все это выдержит? И

волей-неволей стали закрадываться сомнения: а не появился ли у него кто-то на стороне?

— Да что ты, — успокаивал ее Федоров, — все хлопоты по делу...

Но в эти «дела» она не верила. Разговоры с мужем все чаще заканчивались крупными ссорами.

Оценить бы Федорову трезво ситуацию, понять боль жены, попытаться жить честно, как другие. Но жажда наживы, проникнув в его душу, отложила в ней «личинки» черствости, надменности, эгоизма. Лишь собственная совесть могла противостоять им. Но, увы, Федоров с ней в свое время обошелся нехорошо, и теперь его нравственное здоровье все больше и больше ухудшалось.

Он и не заметил, как потерял доверие и любовь жены.

— Больше не могу с тобой жить,— с горечью призналась она и подала на развод.

Брак расторгли.

Самым же страшным было то, что коварный порок — стремление к легкой жизни за чужой счет—поразил и его сына. После развода родителей он остался с отцом: ведь у отца машина, он дает на ней поехать, а за рулем черной «Волги» сидеть так приятно...

Да, как говорят, «красиво жить не запретишь». Но «красиво» должно означать — жить прежде всего по совести. Иначе — не миновать расплаты.

И она наступила: Федоров попал под следствие, уволен из войск.

Может, все же случившееся заставит его сделать «переоценку ценностей», раскопать собственную совесть, открыто взглянуть на жизнь, увидеть, как пробуждаются в людях гордость, честь, достоинство, и самому стать добрее, чище, благороднее?

Капитан М. ГРИНЮК.

ДОРОЖИТЬ ЧЕСТЬЮ СОВЕТСКОГО ВОИНА

На изучение темы отводится 6 (4) часов. Целесообразно из них 4 (2) часа выделить на рассказ-беседу, 2 — на диспут «Солдатское слово, солдатское дело, солдатская честь».

На занятиях рекомендуется рассмотреть следующие вопросы:

1. Уставы Вооруженных Сил СССР, военная присяга о достоинстве и чести военнослужащих. 2. Дорожить честью советского воина, воинского коллектива, укреплять дружбу и войсковое товарищество.

В кратком вступлении пропагандист подчеркивает, что масштабность и новизна задач по социально-экономическому развитию страны, активизации человеческого фактора, выдвинутых на XXVII съезде КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции, требуют еще большего идейного и морально-политического единства советского народа, укрепления дисциплины, организованности и порядка. Эти требования целиком относятся к личному составу Вооруженных Сил СССР, военнослужащим внутренних войск.

Сегодня главное — все усилия воинов сосредоточить на том, чтобы добиться существенного повышения качественных показателей в боевой готовности частей и подразделений, боевой службе и учебе, дисциплине. При этом важно понять: дальнейшее сплочение личного состава, создание во всех воинских коллективах здоровой морально-психологической атмосферы, борьба за высокую нравственность, честь и достоинство каждого офицера, прапорщика, сержанта и солдата — одно из основных условий достижения успеха.

Приступая к изложению первого вопроса, руководитель занятия отмечает, что историческая задача, сформулированная В. И. Лениным, согласно которой все дело воспитания, образования и обучения людей социалистического общества должно быть делом воспитания коммунистической морали, остается одной из важнейших в ходе перестройки нашего общества, активизации человеческого фактора. Характеризуя сущность перестройки, М. С. Горбачев в докладе на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорил, что перестройка — это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Добро и зло, долг и ответственность, честь и достоинство, совесть, благородство и многие другие категории, выражающие суть морали человека, в той или иной мере присущи всем людям. Но на определенных этапах развития человеческого общества те или иные моральные черты становились узловыми, фундаментальными. В прошлом многие философы, занимающиеся этическими проблемами, стремились создать иерархию категорий, одной из которых отводилась главная роль, а все другие подчинялись ей. Так, Конфуций в качестве категории-первоосновы брал человечность, Сократ — благо, Платон — справедливость, Гольбах — личный интерес, Гегель — право и т. д.

В каждую историческую эпоху та или иная сторона нравственности играла особую роль. В первобытной общине, например, важнейшей добродетелью была храбрость и сила. Молодая буржуазная мораль молилась бережливости. Во времена крупных социальных бурь, войн основными понятиями морали становились патриотизм, героизм, самопожертвование.

В наше время исключительно актуальны такие черты, как моральная ответственность, долг, честь и совесть. Почему?

Одна из главных причин уже названа: перестройка, активизация человеческого фактора, одним из направлений которой является необходимость в полной мере использовать нравственные ценности социалистического общества. И не случайно партия с трибуны XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции так настоятельно обращалась к таким человеческим качествам, как честь, совесть, правдивость, порядочность, требовательность к себе, политическая зрелость. Это наши главные атакующие силы против застоя, косности, очковтирательства — против всего, что мешает нам сегодня работать и жить.

Свой дальнейший разговор руководителю целесообразно сосредоточить на разъяснении понятий «достоинство» и «честь».

Пропагандист напоминает слушателям, что воинская честь и достоинство имеют свою историю развития. В древнерусской литературе, в частности в знаменитом «Слове о полку Игореве», есть упоминания о воинской чести. «С храбростью предков наших и с той мыслью, что русская сила

РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНИЯТИЙ

была до сего времени непобедима, сра-
зимся мужественно за жизнь нашу. Погиб-
нет слава россиян, если ныне устранимся
смерти. У нас нет обычая спастись в оте-
честве, но или жить победителями, или...
умереть со славой. Да не посрамим земли
Русские, но ляжем, братие, костью тут:
мертвые бо срама не имут» — эти слова
принадлежат великому князю Святославу.

С появлением первых воинских уставов
понятие воинской чести включается как
нравственно-педагогическое требование к
системе обучения и воспитания людей.
«Кто к знамени присягал единожды, — тре-
бовал Петр I, — тот у оного и до смерти
стоять должен». С полной определенностью
и ясностью излагает он и свое понятие
о чести воинской: «Всякий начальный че-
ловек и солдат должен и обязан товарища
своего от неприятеля выручать, пушку и
знамя свое елико возможно оборонять,
коли ему любя жизнь и честь его».

Многие прославленные русские полко-
водцы укрепляли в среде воинов понятие
чести. В знаменитых работах «Наука по-
бедждать» и «Полковое учение» А. В. Су-
воров, например, утверждал идею высокой
нравственности, любви к своей Родине, го-
товность защищать ее до последнего. «Мы
— сыны России», — с гордостью часто по-
вторял он и всячески подчеркивал, что
воинская честь прежде всего исходит из
любви к Отечеству.

С победой Октября стала зарождаться
честь красноармейца, которая впитала в
себя все лучшее, что было у пролетариата
и трудового крестьянства. Ее понятие бы-
ло закреплено в первом Дисциплинарном
уставе РККА, одобренном ВЦИК РСФСР в
1919 году. В нем, в частности, говорилось:
«Революционная воинская честь есть со-
знание собственного достоинства как вои-
на-революционера Рабоче-Крестьянской
Армии и гражданина свободной страны,
исполняющего по совести свой долг». Это
была честь, которая базировалась на проч-
ном фундаменте коммунистической нрав-
ственности, она впитывала в себя все луч-
шие моральные качества, присущие воину
армии нового типа. Главное — классовое,
революционное содержание чести — за-
ключалось в безупречном выполнении сво-
его долга перед социалистическим Отече-
ством.

Руководителю занятий необходимо пред-
ложить слушателям привести примеры вои-
нской доблести и чести, высокой само-
отверженности, проявленных военными
внутренних войск при защите револю-
ционных завоеваний Октября, в годы
Великой Отечественной войны.

Честь воина внутренних войск достойно
пронесли многие тысячи солдат, сержантов
и офицеров. Здесь целесообразно напо-
мнить присутствующим о выполнении лич-
ным составом войск ответственных задач
по ликвидации последствий землетрясения
в Ташкенте и Армении, наводнения на
Дальнем Востоке, пожаров в лесах и тор-
фяных болотах Подмосквья и Европей-
ского Севера, лавин в Грузии, аварии
на Чернобыльской АЭС и др. Важно при
этом подчеркнуть, что наши военнотружа-

щие первыми шли в буквальном смысле
в огонь и в воду, в самые критические
моменты спешили на помощь людям, вы-
ручали их из беды. Например, только в
Ленинакане и Спитаке, разрушенных сти-
хийей, воины внутренних войск спасли 659
человек. Ими задержано за мародерство
и грабежи более 200 человек, изъято и
сдано государству денег и ценностей на
общую сумму более 10 миллионов рублей.

Продолжая рассказ, пропагандист напо-
минает, что достоинство и честь советско-
го воина, определенные советским обра-
зом жизни, социалистической моралью,
прямо противоположны этим понятиям в
армиях США и других капиталистических
государств, ибо «каково общество, таково
и его армия».

Здесь уместно привести отрывок из бе-
седы мексиканского корреспондента с
американскими солдатами после захвата
Гренады: «Это было прекрасно. Как мы
нападали! И потом нам разрешили брать
из домов... все, что мы хотели. То, что...
взять не могли, мы били и ломали». За-
метив тень недоумения на лице журнали-
ста, один из воjak стал кричать: «Тебе что,
не нравится, что мы рассказываем? Так
вот запомни, мы займемся в любую стра-
ну и сделаем с ней то же самое, что с
Гренадой!» Таков моральный облик импе-
риалистической военины. Таково понятие
ее о достоинстве и чести.

После этого необходимо обратить вни-
мание воинов на то, что в военной прися-
ге и ныне действующих советских обще-
воинских уставах четко определены тре-
бования к достоинству и чести советского
воина.

«Торжественно клянусь быть честным»,
Родину «защищать... мужественно, умело,
с достоинством и честью...»

(Из военной присяги).

«Военнослужащий должен... дорожить
честью и боевой славой Вооруженных Сил
СССР, своей части и честью своего воин-
ского звания...»

(Из ст. 3 Устава внутренней служ-
бы ВС СССР).

«Воинская дисциплина обязывает каждо-
го военнослужащего... с достоинством и
честью вести себя вне расположения част-
ти, не допускать самому и удерживать
других от нарушений общественного по-
рядка и всемерно содействовать защите
чести и достоинства граждан».

(Из ст. 3 Дисциплинарного устава
ВС СССР).

«...Неприкосновенность часового заклю-
чается:

— в особой охране законом его прав
и личного достоинства».

(Из ст. 169 Устава гарнизонной и
караульной служб ВС СССР).

При разъяснении данных положений про-
пагандисту надо прежде всего подчеркнуть
именно их социальную значимость. Ука-
зать, что достоинство и честь, закреплен-
ные непосредственно в военной присяге и
воинских уставах, становятся в армейских
условиях не только морально необходимыми,
но и юридически обязательными, то
есть приобретают силу закона.

В заключение необходимо отметить, что
быть человеком чести — значит считать за-

читу социалистического Отечества, службу в рядах Вооруженных Сил, во внутренних войсках МВД СССР своим священным долгом и почетной обязанностью. Вся героическая история нашей Родины, Вооруженных Сил — яркое свидетельство беззаветной преданности советских людей этому долгу.

В начале второго вопроса рекомендуется зачитать письмо матери, которое пришло в одну из частей рядовому И. Стецко, призванному из Львовской области.

«...Сын мой! Став солдатом, ты стал мужчиной, воином, и помни, ты принадлежишь не только мне — твоей матери, ты принадлежишь всем матерям, ты принадлежишь матери-Родине.

Оправдай же это почетное доверие! Я хочу гордиться тобой!

Будь мужественным, сильным, выносливым!

Будь готов дать отпор любому врагу, посягнувшему на священные рубежи нашего Отечества!

Высоко держи солдатскую честь!

Я верю, сынок, что ты выполнишь мой наказ и оправдаешь высокое звание советского воина, не посрамишь память отцов и братьев, отдавших свои жизни за русскую землю, за мирное небо, за счастье детей и матерей!»

Пропагандист подчеркивает, что эти проникновенные слова обращены к каждому военнослужащему, призывают их с достоинством и честью нести высокое звание советского воина. Здесь уместно рассказать о тех воинах подразделения, которые успешно выполнили свои социалистические обязательства в зимнем периоде обучения, признаны лучшими по боевым специальностям. При этом важно отметить, что названные солдаты глубоко осознали ответственность не только за собственные результаты в боевой службе и учебе, но и за боеготовность своих товарищей, всего коллектива.

Обращаясь к слушателям, руководитель занятия разъясняет, что в нашей стране почетен любой труд: рабочего, колхозника, интеллигента. Но воинский, ратный труд в силу своей специфичности ценится особенно высоко, потому что он связан с обеспечением безопасности страны, готовностью дать достойный отпор тому, кто посягнет на неприкосновенность ее границ. Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР.

Быть настоящим воином — умелым, идейно закаленным, дисциплинированным, таким, на которого можно положиться в любом деле, — главная цель юноши, вставшего в строй защитников Родины. Достичь ее нелегко, требуется отдача всех сил, энергии, старание, настойчивость в преодолении различных преград на пути. А их порой, особенно в начале службы, бывает немало: и неуверенность в себе, растерянность, и неумение собрать воедино свою волю, и трудности в учебе, и огромные физические и моральные нагрузки на боевой службе, на тренировках. Каждый из воинов испытал это на себе. Но вместе с тем каждый убедился и в том, что до-

рогу может осилить лишь идущий, непреклонно стремящийся к поставленной цели.

Пропагандисту важно показать на примере одного-двух слушателей, как упорно, настойчиво добивались они высокого звания отличника боевой службы, боевой и политической подготовки, классного специалиста.

Руководитель предлагает поразмышлять над требованиями, выполнить которые — священный долг каждого военнослужащего войск. Прежде всего это качественное решение задач боевой службы. Она всегда занимала и занимает в жизни внутренних войск особое место. Независимо от того, где военнослужащему поручено ее нести — у Боевого Знамени воинской части, на КПП или периметре объекта, на маршруте патрулирования по охране общественного порядка, — всюду он часовой Родины, он на посту.

История внутренних войск знает немало примеров самоотверженного выполнения воинами уставных требований. Безупречное несение службы стало доброй традицией, законом жизни часовых, кому Родина доверила оружие, кого поставила на боевые посты. Здесь можно рассказать об Алексее Чабане, Артемии Трифонове, Иване Очищенко и других, чьи имена навечно занесены в списки части. Используя журнал «На боевом посту» (1989, № 2, 3, 4), следует подробно остановиться на службе личного состава в Закавказье, во время стихийного бедствия в Армении, подчеркнув при этом, что сегодняшние воины приняли эстафету от отцов и дедов. Доблестью старших поколений измеряют они свое поведение, свою службу, всю свою жизнь.

Продолжая разговор, пропагандист отмечает, что моральная зрелость военнослужащего, его готовность самоотверженно нести повседневную боевую службу тесно связаны с воинской дисциплиной, организованностью, исполнительностью.

Многие русские полководцы прямо указывали, что без высокой дисциплинированности солдату никогда не добиться славы. А. В. Суворов выразил это требование в очень лаконичной фразе: «Дисциплина — мать победы». Развивая взгляды своего учителя, фельдмаршал М. И. Кутузов говорил: «Беспрекословное повиновение начальникам есть душа воинской службы. Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасности, а тот, кто повинуется».

Большинство воинов внутренних войск понимают, что без дисциплины солдат не солдат. Примеров тому множество как в истории Великой Отечественной войны, так и в боевой службе мирных дней.

Что заставило сержанта Виталия Сорокина в разрушенном землетрясением Ленинанкано вступить в неравную схватку с преступниками, пытавшимися надругаться над женщиной? Что побудило рядового Александра Грушева и ефрейтора Романа Герашенко во время событий в Закавказье, рискуя жизнью, принять удар на себя, грудью прикрыть и защитить своих командиров? Прежде всего чувство долга, высокая ответственность и верность присяге, воинской чести.

На всю жизнь уносят с собой высокий духовный потенциал воспитанники войск. Взять хотя бы старшину запаса Анатолия Романовича Коротенькова. Имя его известно металлургам страны. Работая на заводе «Электросталь» имени И. Ф. Тевосяна, он в совершенстве овладел технологией выплавки сложнейших марок стали и сплавов. Делегат многих партийных съездов, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, почетный металлург СССР Анатолий Романович Коротеньков вспоминает: «Я всегда буду благодарен судьбе за то, что мне выпала честь служить во внутренних войсках. Служба в них была настоящей школой ратной и трудовой закалки. Именно на те годы отношу становление моего характера — ведь вырос в родной части от рядового до старшины, вступил в партию коммунистов».

Но вместе с тем сегодня в печати, по радио, по телевидению мы слышим и другие отзывы, рассуждения о срочной службе солдат: дескать, порой после службы ребята возвращаются домой внутренне надломленными, терпимыми к социальной несправедливости, а то и готовыми к ней ради личной выгоды, спокойной жизни, безразлично проходят мимо случаев унижения человеческого достоинства. От таких фактов не уйти, они, к сожалению, есть. Есть потому, что в некоторых подразделениях и частях еще не изжиты неуставные взаимоотношения между воинами, оскорбления, унижающие человеческое достоинство и личность солдата, противоречащие духу и букве устава.

Пропагандист должен разъяснить, что причины неуставных взаимоотношений связаны с обстановкой застоя в обществе, крупными упущениями в военно-патриотическом и интернациональном воспитании молодежи, серьезными недостатками в политико-воспитательной работе, проводимой с военнослужащими срочной службы. Эти отношения существуют как раз в тех коллективах, где не создана здоровая морально-нравственная атмосфера, не воспитано уважение к человеку, где партийные и комсомольские организации пассивны, где люди сами позволяют себя унижать и оскорблять. Сплоченный воинский коллектив никогда не допустит в своей среде неуставных взаимоотношений, глумления и издевательства одних воинов над другими. Настоящий комсомолец, воин, понимающий, что такое честь и достоинство человека, никогда не позволит себе унижить и оскорбить такого же солдата, как и он сам, и не допустит, чтобы это делали другие. Об этом говорится и в письме Военного совета и Политуправления внутренних войск «Служить по совести, оберегать честь и достоинство». Руководителю следует на занятии обратиться к этому письму, зачитать соответствующие положения, напомнить слушателям, что с 1 января 1984 года ужесточен спрос за преступления против уставного порядка взаимоотношений, предусмотренные Законом СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления». В частности, дополнительной гарантией охраны личного

достоинства советского воина стала статья, определяющая ответственность в виде лишения свободы до 2 лет за совершение любого физического насилия над личностью. Если же потерпевшему причинены телесные повреждения или налицо иныеотячающие обстоятельства, виновный может быть наказан еще более строго — лишением свободы до 12 лет. Пропагандисту также целесообразно дать оценку состояния дел, связанных с поддержанием уставных взаимоотношений в своем подразделении, определить направления работы коллектива по их укреплению, выделив особо воспитание дружбы и войскового товарищества.

Для того, чтобы заинтересовать слушателей и одновременно определить, какими же качествами, на их взгляд, должен обладать друг и товарищ, уместно обратиться к ним с вопросами: «Какого человека мы можем назвать своим другом?», «Что ценят в друге более всего представители вашей национальности?»

Хорошо, если сами слушатели назовут качества настоящего боевого товарища:

- внимательное отношение и искреннее участие к делам и заботам сослуживцев;
- готовность в любых условиях прийти на помощь, сделать все возможное для успеха общего дела, успеха товарищей;
- стремление не задумываясь поделиться со своими товарищами знаниями, опытом, вовремя подставить плечо другу по ратному труду;

- способность не закрывать глаза на упущения, изъяны в поведении и поступках сослуживцев, удерживать товарища от неверного шага и т. д.

В ходе перечисления этих качеств пропагандист уточняет у воинов, как они понимают их содержание, как эти качества выражаются в повседневной жизни, подчеркивает, что отличительной гранью воинской чести являются также правдивость, обязательность, верность данному слову, присяге, воинскому долгу.

Руководителю занятий целесообразно привести примеры из жизни подразделения, показывающие, к каким нежелательным последствиям приводит даже малейшая нечестность. Она может выражаться в самой различной форме, в самых разных условиях: увильнул от занятий, тренировки, скрыл свою ошибку, не удержал товарища от дурного поступка и не доложил об этом, присвоил себе чужие заслуги.

Без правдивости невозможно нести боевую службу. Ведь воину внутренних войск приходится сталкиваться лицом к лицу с осужденными, а некоторые из них пытаются наладить контакт с военнослужащим, толкают на недозволённую связь, преступления.

Все это нетерпимо в воинском коллективе. Никогда нельзя забывать о том, что быть честным — значит выше всего ставить интересы общества, государства, народа, бескорыстно и самоотверженно служить им.

Отмечая значение для воина высокой нравственности, чести и достоинства, важно сказать и вот о чем: в их формирова-

нии большая роль отводится самовоспитанию. Как правило, тот воин отличается добросовестностью в боевой службе и учебе, исполнительностью, большей требовательностью к своим делам и поступкам, который по-настоящему заботится о своем нравственном совершенствовании, много читает, внимательно всматривается в жизнь, перенимает все лучшее, стремится в своих поступках походить на людей, хорошо воспитанных, пользующихся авторитетом в коллективе.

В ходе рассуждений пропагандист обращается к присутствующим с вопросами: «Кого из своих товарищей они могли бы назвать человеком хорошо воспитанным?», «Можно ли считать воина высоконравственным, если он четко выполняет обязанности в карауле (в войсковом наряде), умело владеет оружием, исполнителем в подразделении, но выйдя за пределы части, ведет себя недостойно?»

О солдате, а по нему и обо всем воинском коллективе судят, беря во внимание буквально все воинские, политические и нравственные качества. Советские люди привыкли видеть в нем образец вежливости и внимательности, решительности и умения защитить слабого, прийти на выручку нуждающемуся в помощи. Короче говоря, солдат — это воплощение всех элементов коммунистической морали — вот таким видит народ своего вооруженного защитника. Таким он и должен быть. Всегда ли и все ли военнослужащие помнят об этом?

В практике еще нередки случаи, когда воин, находясь в отпуске или в увольнении, ведет себя развязно, нарушает форму одежды, груб с окружающими, высокомерен, не уступит места женщине в общественном транспорте, сквернословит. Такое поведение несовместимо с требованиями коммунистической нравственности, воинских уставов, с воинской честью. Можно представить, какое чувство негодования оно вызывает у советских людей, как оскорбляет оно высокое звание советского солдата!

Руководитель занятий имеет хорошую возможность привлечь слушателей к обсуждению отдельных фактов, примеров из жизни личного состава подразделения. Не плохо воспользоваться подготовленными к занятиям материалами из газет и журналов, рассказывающими о доблести военнослужащих, проявленной как при выполнении служебных обязанностей, так и в отпуске, в увольнении. Здесь следует заострить внимание слушателей и на чести военной формы. Она символизирует принадлежность воина к Вооруженным Силам Союза ССР и является в связи с этим особым знаком воинской чести. Человек, носящий военную форму, отвечает не только за себя как личность. Это понятие надо рассматривать гораздо шире: как честь внутренних войск, честь Родины, которую он защищает.

Завершая изложение материала, руководитель занятия отмечает, что служба в Вооруженных Силах СССР, во внутренних войсках всегда была и остается замечательной школой идейной, политической за-

калки, мужества, мастерства и физической зрелости, нравственной чистоты. Преподлагая высокие требования к вооруженным защитникам социалистической Родины, КПСС заботится о том, чтобы юноша, встав под славные воинские знамена, приобрел глубокие политические знания, наращивал свой военный и духовный потенциал, с достоинством и честью выполнял свой долг, дорожил высоким званием советского солдата.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. // Полн. собр. соч.—Т. 41.—С. 298—318.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.—М.: Политиздат, 1986.

Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза.—М.: Политиздат, 1988.

Горбачев М. С. Молодежь — творческая сила революционного обновления. Выступление на XX съезде ВЛКСМ 16 апреля 1987 г.—М.: Политиздат, 1987.

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г.—М.: Политиздат, 1987.

По заветам В. И. Ленина. Учебное пособие для политических занятий. Гл. 5.—М.: Воениздат, 1988.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». — На боевом посту.—1988.—№ 10.—С. 2—3.

Дорожить честью воина внутренних войск.—М.: ДОСААФ, 1988.

Практические задания

1. Помощнику руководителя группы вместе с партийными и комсомольскими активистами подразделения организовать посещение комнаты истории и боевой славы (где есть такая возможность), помочь слушателям подробно ознакомиться с имеющимися там документами и экспонатами, свидетельствующими о чести и долге военнослужащих войск.

2. Подобрать примеры из художественной и мемуарной литературы, хроникально-документальных и художественных кинофильмов, когда умелые действия, боевая сплоченность и товарищество позволяли советским воинам совершать подвиги во славу Родины.

3. Руководителю группы (его помощнику) организовать запись слушателями из словаря в тетради определения понятий «коммунистическое воспитание», «нравственность», «моральная ответственность воина», «воинский коллектив», «войсковая дружба», «уставные взаимоотношения», «воинская честь», «достоинство», «совесть» и т. д. Посоветовать воинам продумать их смысл и объяснить, как они их понимают.

Полковник Ю. РАЖЕВ.

ПРАПОРЩИКИ И НАДЕЖНОСТЬ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ

На изучение темы «Роль прапорщиков в повышении боевой готовности подразделений, части, надежности охраны объектов» отводится 6 часов учебного времени: 2—на лекцию, 2—на самостоятельную работу, 2—на семинар. В лекции рекомендуется рассмотреть вопросы: 1. Прапорщики — важный отряд военных кадров в Советских Вооруженных Силах. 2. Роль прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы в повышении боевой готовности, выполнении служебно-боевых задач.

Во вступительной части следует отметить, что необходимость поддержания высокой боеготовности диктуется сложной международной обстановкой. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги во взаимоотношениях Востока и Запада, милитаристские круги продолжают нагнетать гонку вооружений, всячески тормозить разрядку.

Надо иметь в виду и то, что теперь партия и правительство в оборонном строительстве делают ставку прежде всего на качественные параметры. Примером тому — значительное сокращение Вооруженных Сил СССР в людях и боевой технике. Процесс демократизации и гуманизации советского общества ставит совершенно новые задачи перед внутренними войсками, особенно перед контролерским составом ИТУ.

Как известно, идет сокращение численности охраняемого контингента (только в прошлом году на 500 тысяч человек), соответственно уменьшается численность личного состава подразделений, а количество постов остается прежним. Все это ложится дополнительной нагрузкой на плечи военнослужащих войск, в том числе прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы и требует от них значительных усилий по поддержанию должной боевой готовности, высокому служебному мастерству.

Приступая к изложению первого вопроса, руководитель отмечает, что прапорщики, являясь ближайшими помощниками офицеров в организации службы, обучении и дисциплинировании личного состава, вносят весомый вклад в идейно-политическое, воинское и нравственное воспитание солдат.

Разъясняя слушателям, почему институт прапорщиков является важным отрядом военных кадров внутренних войск, руководитель указывает на следующее: прапорщики, будучи командирами взводов, начальниками караулов и войсковых нарядов, специалистами ИТСО, контролерами, старшинами и инструкторами служебного собаководства, несут прямую ответственность за состояние боевой готовности на вверенном участке и обязаны сделать все для неукомисительного и полного выполнения соответствующих приказов и распоряжений.

Многое в работе прапорщика зависит от его личной примерности, ведь он всегда на виду. И если подчиненные видят своего командира, начальника караула смелым и искусным в воинском деле, простым и доступным в общении, чутким, внимательным к их заботам и нуждам, честным, совестливым и порядочным, требовательным к себе, они всегда уверенно пойдут за ним в огонь и в воду.

Руководитель, разъясняя во втором вопросе роль прапорщиков в решении задач, поставленных партией, МВД, начальником внутренних войск, выделяет следующие основные направления работы: 1. Повышение роли человеческого фактора. 2. Демократизация армейской жизни, развитие гласности и утверждение социальной справедливости. 3. Совершенствование стиля и методов работы.

Остановившись на значении человеческого фактора, надо пояснить, что его сущность применительно к военному делу заключается в повышении ответственности, профессиональной подготовленности и требовательности военных кадров сверху донизу.

Анализ соотношения человека и боевой техники, выявление роли человеческого фактора в поддержании высокой боеготовности и обеспечении надежной охраны порученных объектов позволяют определить основные пути его активизации. К ним относятся: формирование научного мировоззрения, социально-значимых потребностей, мотивов деятельности и поведения военнослужащих и воспитание у них высоких морально-политических качеств, интенсификация учебно-воспитательного процесса в интересах повышения служебного мастерства, боевой выучки личного состава, его профессиональной компетентности, повышение воспитательной роли воинских коллективов, боевитости партийной и комсомольской организаций, совершенствование стиля педагогической деятельности военных кадров, улучшение материально-бытовых условий личного состава, последовательное соблюдение принципа социальной справедливости, более активное моральное и материальное стимулирование воинской деятельности.

Практика показывает, что только комплексное использование названных путей позволит решить поставленные задачи.

Переходя к разъяснению существа демократизации, происходящей в коллективах, руководитель должен отметить, что этот процесс не противоречит укладу воинской жизни, а, напротив, полностью соответствует природе наших Вооруженных Сил. Ее фундамент — общность интересов всех военнослужащих, осознанная ими ответственность перед народом за постоянную готовность к защите интересов советских людей.

Демократизация в армии проявляется: в подъеме общественно-политической и служебной активности военнослужащих, преодолении равнодушия и пассивности части личного состава; в утверждении в подразделениях и частях атмосферы взаимного уважения, доверия, открытости, развития деловой критики и самокритики. Стал полнее раскрываться творческий потенциал партийных и комсомольских организаций, общественных институтов войск, острее реакция армейской общественности на негативные явления, что особенно заметно по войсковой печати.

Подлинная демократия возможна лишь тогда, когда она основывается на советских законах, развивается и совершенствуется в строгом соответствии с ними. Она не совместима со вседозволенностью, безответственностью, неисполнительностью. Неотступное и бескомпромиссное выкорчевывание таких явлений — одна из важнейших задач прапорщика, его необходимый вклад в перестройку. В этой связи следует зачитать часть текста письма Военного совета и Политуправления внутренних войск по вопросу изжития неуставных взаимоотношений: «Товарищ прапорщик! Разбираясь по фактам неуставных взаимоотношений, нередко убеждаемся: в одном случае старшина роты «не заметил» подмены обмундирования, в другом — начальник столовой «не проконтролировал» работу кухонного наряда, в третьем — начальник караула «не обратил» внимания на возможный конфликт... Впрочем, тебе, умудренному служебным и житейским опытом, не надо разжевывать мысль: твои промахи, недоделки, невысокая требовательность льют воду и на мельницу «дедовщины». Встряхнись, останови эти жуткие жернова!»

Подробно следует разъяснить, что демократизация армейской жизни активно служит укреплению единоначалия. В войсках оно строится на партийной основе. И означает, что каждый руководитель, неуклонно проводя в жизнь политику партии, опирается на парторганизацию, всемерно поддерживает и развивает активность и инициативу коммунистов, всего личного состава, направляет их на решение стоящих задач.

«Ничто так не развивает активность человека труда, — указывает М. С. Горбачев, — как его уверенность в неуклонном осуществлении принципа социальной

справедливости». Более полная реализация принципа социальной справедливости достигается широким развертыванием потенциала личности в процессе воинской службы, строгим и безусловным выполнением каждым военнослужащим своих служебных обязанностей, объективной оценкой результатов ратного труда как отдельного воина, так и воинских коллективов.

Социальная справедливость — это постоянная забота прапорщиков о полном удовлетворении материально-бытовых и культурных запросов личного состава, своевременном и полном доведении до воинов норм положенности, создание возможностей для здорового содержательного отдыха. Следует вести настойчивую борьбу с показухой, когда наряду с добротнo обустроенными военными городками, караульными помещениями (которые больше всего посещает начальство) уживается элементарная непригодность для нормальной жизни и службы людей.

Руководитель отмечает, что рассмотренные основные направления деятельности прапорщиков по поддержанию высокой боеготовности подразделений и караулов, повышению надежности охраны порученных объектов предполагают, что эта работа должна быть творческой, строиться с учетом особенностей задач, решаемых подразделением, специфики воинского коллектива. Необходимо подчеркнуть, что все эти направления тесно взаимосвязаны и решаются в единстве, комплексно.

В ходе семинара целесообразно обсудить следующие вопросы:

1. Перестройка во внутренних войсках и качественные параметры в решении служебно-боевых задач.
2. Прапорщики — важный отряд военных кадров.
3. Роль прапорщиков в решении задач повышения боевой готовности подразделений, караулов и войсковых нарядов.
4. Место ближайших помощников офицеров в повышении надежности охраны порученных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. // Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 105.

Ленин В. И. Обращение к Красной Армии. // Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 234 — 235.

Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: 1986. — С. 87, 162—166.

Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. — М.: Политиздат, 1988.

Подполковник С. КОТЕНЕВ.

Много общего у воинов одного подразделения: служба, занятия, совместный досуг... И возраст почти одинаковый, и погоны одного цвета. Еще больше разного: в характерах, темпераменте, увлечениях. Хорошо, когда десятки юношей, дополняя в чем-то друг друга, составляют слаженный монолитный организм, называемый воинским коллективом.

Дружба солдат разных призывов, разных национальностей, неподдельное войсковое товарищество — залог успешного решения самой трудной боевой задачи.

Друг мой — третье мое плечо

■ Казалось бы, доступен и ясен выверенный, четкий язык воинских уставов — законов, по которым строится вся солдатская жизнь от подъема до отбоя. И все же отдельные статьи лучше усвоить с помощью более опытного товарища. Заместитель командира взвода сержант Г. Исмаилов занимается с рядовым В. Новиковым.

■ А командир отделения Р. Шкуранский помогает «поставить шаг» рядовому С. Коляновскому, напоминая подчиненному, что выправкой своей красит солдат.

245

■ Соревнуются два отделения. Кто окажется быстрее, сильнее, проворнее? Во многом зависит это и от подготовленности командиров — сержантов Вадима Ширыхалова и Сергея Лазарева.

■ Жена Людмила прислала гостинцев рядовому Ивану Шиленко. «Угощайтесь, мужики!» — приглашает он сослуживцев рядовых А. Колотило, С. Волянского, О. Москаленко.

■ Когда вот так — все вместе — «качают пресс», никому не хочется окатиться слабее.

Фото старшего прапорщика А. АЛЕКСАНДРОВА.

К здоровью — без лекарств

Трудно найти человека, который бы не задумывался о своем здоровье. Разве что в молодости. Но с годами мы внимательно вчитываемся во всякого рода рекомендации: как питаться, сколько и каких упражнений делать... И каждый думает: «Начну!» К сожалению, у многих дальше желания дело не идет. А вот подполковник М. Угольков решился. Впрочем, послушаем его самого.

— Если бы несколько лет назад мне сказали, что буду преодолевать марафонскую дистанцию, отнесся бы к этому с иронией. Почему? Мой вес превышал нормальный килограммов на сорок. Отсюда — повышенное артериальное давление, учащенный пульс. Неважно чувствовал себя, быстро уставал. В общем, приятиного мало. Да и что это за военнослужащий с брюшком? О каком молодецестве внешнею виде можно говорить?

Обратился к врачу, но, признаться, квалифицированной помощи не получил. Мол, надо ложиться в стационар, а меня такой вариант не устраивал. Так что решать проблему снижения веса пришлось самому...

— Судя по всему, вы успешно с ней справились!

— Умерил аппетит. Это, пожалуй, первое. Значительно уменьшил калорийность пищи. Для этого научился считать калории, что оказалось совсем несложно, и распределять их в течение суток. Убежден, что если потреблять большую часть калорий до часу дня, то проблем с весом будет меньше. Днем ведь организм активен. Взял также за правило: за 2—3 часа до сна ничего не есть. После каждого приема пищи, по возможности — прогулка. Вечером желание есть пропадает, если выпить стакан

воды или сделать десятиминутную гимнастическую разминку. В общем, нужен жесткий распорядок, который следует выполнять неукоснительно. Ежедневно — зарядка. Не хватает времени утром — встать раньше. Трижды в день — упражнения. С гантелями, палкой, гирей. Можно и просто помахать руками, сделать наклоны. Для сгонки веса хорошо использовать бассейн, баню.

— Видимо, важно определить допустимые дозы физической нагрузки!

— Обязательно. Здесь главное — соблюдать принцип постепенности. Выбрать надо тот уровень физической нагрузки, который бы доставлял вам удовольствие, не мешал работе. Если после тренировок чувствуете вялость, слабость, ухудшение аппетита, нежелание заниматься, значит, диагноз можно поставить со стопроцентной уверенностью — перетренировались. Ведь у каждого из нас свой уровень нагрузок. Каков он — может решить врач. Поэтому начинать занятия физическими упражнениями или бегом лучше всего в санатории или доме отдыха, где для этого обычно есть условия. Если же вы начали тренироваться самостоятельно и почувствовали усталость, следует на неделю-две прекратить занятия или уменьшить на-

Аргументы
подполковника
М. Уголькова,
или Пример
для подражания

грузки. Иначе можно получить осложнение, скажем, на сердце.

— С чего начали вы!

— С бега трусцой. Это наиболее доступное и рациональное средство поддержания работоспособности. Регулярные занятия позволили снизить артериальное давление (120/80), пульс (54—60 ударов в минуту). Вес уменьшился со 107 до 77 килограммов. Улучшилось самочувствие. Записался в клуб любителей бега «Факел». Занятия в нем проходят четыре раза в неделю по вечерам. Там я приобрел массу друзей и единомышленников, объединенных здоровым оптимизмом и трудолюбием.

В 1985 году в месяц пробегал 90—100 километров, в день — до трех. На следующий год увеличил нагрузку вдвое. В очередном отпуске пробежал 400 километров. Появилась мысль об участии в длительном пробеге. На короткие дистанции в возрасте за сорок лет бегать, думаю, нецелесообразно, так как резко увеличивается нагрузка на сердце. Продолжительный же бег в течение часа-двух в небольшом темпе переносится легче. В этом твердо убедился в 1986 году, когда пришлось участвовать в забеге на 30 километров.

В общем, взяла за правило ежедневно проходить или пробежать не менее «десятки». Это — два часа ходьбы или час бега.

Конечно, было нелегко. Кому приятно покидать теплую постель и бежать в холод, дождь, слякоть? Но вскоре занятия начали приносить радость. Я ждал этих утренних часов, чтобы снова зарядиться бодростью на целый день. Как-то мне на глаза попались слова о том, что человек должен судить о своем здоровье по тому, как он радуется утру. Верные слова.

А утреннее настроение даст заряд на весь трудовой день. К тому же именно в преодолении собственной слабости, инертности, лени и куется характер!

Сбросил последние килограммы лишнего веса. Теперь мне было легко ходить и бегать в пределах 4—5 часов без остановок.

В 1987 году «накручивал» до 300 километров в месяц (примерно десять в день). За год пробежал около 4000 километров и участвовал в 35 соревнованиях различного масштаба.

— На вашем счету теперь два марафона...

— К ним я шел так. Когда понял, что три-четыре часа непрерывного бега выдерживаю успешно, решил испытать себя в марафоне.

Готовился долго. За три месяца до старта увеличил нагрузки. Раз в десять дней пробегал 25—30 километров. Тщательно изучил маршрут. Непростым оказался вопрос организации питания на дистанции. По совету опытных марафонцев приготовил специальный кисель и чай.

Марафонскую дистанцию — 42 километра 195 метров — преодолел за четыре часа. Бежать столь длительное время не просто. Со старта взял среднюю скорость — один километр за 5—6 минут. Нашел попутчиков, которые бежали в таком же темпе, стало вроде бы полегче в пути. После десяти километров выпил горячего чая. Тяжело было с 21-го километра. А после 35-го появилось такое чувство, что до финиша не дотяну. Так что на последних километрах пришлось сбавить темп...

Когда финишировал, тело и ноги ныли от усталости. Но прошел день, и появилось радостное ощущение, что добился поставленной цели, преодолел себя. И что, наверное, главное — надо уметь не только оценить свои собственные силы, но и научиться управлять своим организмом, стать его истинным хозяином.

Сейчас в планах — подготовка к пробегу на 60—70 километров.

— Как, на ваш взгляд, Михаил Бенцианович, можно преодолеть инертность тех, кто не стал пока сторонником здорового образа жизни!

— По-моему, самое действенное средство — личный пример командира, политработника. Сегодня невозможно обойтись без такого могучего источника положительных эмоций и оптимизма, каким является спорт. Особенно руководителю, от настроения которого зависит настроение десятков, сотен людей. Но вот парадокс. Многие из офицеров и генералов — настоящие бойцы на службе. Они горят на работе, добиваются порой невозможного, тут их ничто не может остановить. Но вот проявить волю и побеждать... увы, это происходит не часто.

Многие ли из нас задумываются: что тормозит служебный рост, сокращает часы работы и даже жизни? А ведь физические недомогания и психологические перегрузки связаны с напряженным ратным трудом, нарушениями нормального режима питания и сна. Активный же отдых позволяет постоянно держать себя в форме, приносит необходимую физическую разрядку. Сегодня ни у кого не должно вызывать удивления, что старший начальник при всей своей занятости увлекается еще и спортом. Поэтому он и способен работать напряженно и плодотворно, что черпает силы для этого в физических упражнениях.

— Вы затронули серьезную проблему: иные офицеры войск, что называется, подзапустили себя в физическом отношении. Вместо того, чтобы самим показать то или иное упражнение, выйти с подчиненными в спортгородок или пробежать кросс, руководствуются заповедью «делаю, как я...» сказал.

— По данным статистики, более тридцати процентов населения нашей страны имеет избыточный вес. Среди них — офицеры, прапорщики. Лишние килограммы не просто портят статью военного человека, что само по себе плохо.

Это оборачивается еще и серьезными недостатками в обучении и воспитании личного состава: о каком примере командира можно говорить?

Наша служба, весь уклад жизни войск предрасполагают высокие моральные и физические нагрузки, динамичность, определенную напряженность. Качество выполнения поставленных задач зависит от активности, энергии каждого. Их-то и дает физическая натренированность, хорошая спортивная форма.

К сожалению, недостаточно активно пропагандируется здоровый образ жизни в наших воинских коллективах. Зачастую мы ограничиваемся плановыми занятиями по физической подготовке. А ведь этого так мало! Кратчайший путь к здоровью без лекарств, к служебному долголетию — самостоятельные тренировки.

— Вы дали немало практических советов. А самый важный!

— Замечательный врач, пропагандист здорового образа жизни Николай Михайлович Амосов однажды сказал: «Чтобы стать здоровым, нужны собственные усилия. Человек столь совершенен, что вернуть здоровье может почти с любой точки упадка». Мой собственный опыт подтверждает правоту этих слов. Поэтому последний совет: начинать никогда не поздно. Именно физкультура и спорт дарят человеку ощущение полноценной жизни, чувство молодости и здоровья. Словом, все то, чего испокон веков желали люди друг другу.

НАЗВАНИЕ СОЗДАННОЙ ПОЛИТОТДЕЛОМ СОЕДИНЕНИЯ ВОЙСК НКВД КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ ТОЧНО ОПРЕДЕЛЯЛО ЕЕ ЧИТАТЕЛЯ — КАЖДОГО ВОИНА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ, ЗАЩИТНИКА СТРАНЫ СОВЕТОВ. ПАРТИЙНОЕ СЛОВО ГАЗЕТЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБРАЩАЛОСЬ К УЧАСТНИКАМ БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД. НЕНАВИСТНЫЙ ВРАГ СЖИМАЛ КОЛЬЦО БЛОКАДЫ, ПОДВЕРГАЛ ГОРОД ВАРВАРСКИМ АРТИЛЛЕРИЙСКИМ ОБСТРЕЛАМ И БОМБЕЖКАМ, ДУШИЛ КОСТЛЯВОЙ РУКОЙ ГОЛОДА.

ШЛИ В БОЙ ВОЕНКОРЫ

**Газета «Защитник Родины»
в военные годы**

На страницах газеты почетное место занимали материалы о подвигах наших воинов. Причем о них рассказывали сами участники боев. В один из октябрьских вечеров в редакцию зашел красноармеец Александр Кленов.

— Принес вам заметку о коммунисте политруке Мандрусове, — сказал Александр. — Подойдет — напечатайте.

Конечно же, корреспонденция «Крепость политрука» была поставлена в очередной номер газеты.

«В грозные дни наступления фашистов на Ленинград наша рота получила приказ оседлать шоссе, ведущее в город, не пропустить в него врага. Оборону в три километра по фронту предстояло держать неподалеку от гранитного памятника В. И. Ленину в Разливе. Какая ответственность легла на наши плечи!

В течение ночи и следующего дня бойцы под началом командира отрывали окопы, ходы сообщения и щели для истребителей танков. Все было сделано добротнo.

Бой начался на рассвете психической атакой врага. Политрук приказал не стрелять, подпустить гитлеровцев ближе. До вражеской цепи оставалось пятьдесят метров. И тут поступил приказ открыть огонь. Красноармейцы прицельным огнем истребляли захватчиков. Особо отличился пулеметчик Федор Павшуков. Вражеская цепь дрогнула. Политрук повел нас в штыковую атаку, и фашисты не выдержали удара.

Бойцы во главе с храбрым командиром

отбивали атаку за атакой. Взбешенные нашим стойким сопротивлением, захватчики открывали артиллерийский огонь, вызывали авиацию. Осколком ранило Мандрусова, но он продолжал командовать ротой. Стоило фашистам подняться в атаку, как «крепость политрука» оживала, мы не отступали. Вскоре командир был вторично ранен. Силы его покидали. Свой окровавленный партбилет он отдал мне с наказом сохранить, а самим держаться. Мы выполнили приказ политрука, не отступили до прихода подкрепления».

Замечу, что сам военкор ни словом не обмолвился о своем подвиге: он пополз навстречу фашистскому танку и с близкого расстояния бросил бутылку с горючей смесью, потом — вторую. Танк загорелся.

Корреспонденция красноармейца Кленова вызвала отклики читателей. Они выражали восхищение подвигом мандрусовцев, воспевали его в стихах, а красноармейский художник написал картину «Последний бой политрука Мандрусова».

Взволновало красноармейцев и командиров письмо о комсомольском билете помкомвзвода Виктора Кочетова, пробитом осколками снаряда. Комсорг полка В. Гладцын поведал в заметке о героических действиях Виктора в боях на Невском пятачке:

«Не забыть, как с огненного Невского пятачка в осенний слякотный день мне вручили окровавленный, пробитый осколком снаряда комсомольский билет помкомвзвода Виктора Кочетова. Глубокая печаль охватила меня: погиб в боях славный комсомолец, отважный боец, защитник города Ленина. На странице комсомольского билета я написал: «билет пробит осколком снаряда в боях с германскими фашистами». Продолжительное время комсомольская реликвия хранилась у нас в комитете комсомола. Вступивших в комсомол я знакомил с билетом однополчанина, рассказывал о его ратных делах: о том, как подавил вражеский пулемет, как дерзко действовал в штыковых атаках, как, пренебрегая опасностью, заменил погибшего своего пулеметчика. Однажды поблизости от Кочетова разорвался снаряд и его засыпало землей. Товарищи откопали его, насчитали на теле шестнадцать ран. Таким был отважный комсомолец».

Долгое время комсомольца В. Кочетова считали погибшим. Но искусные врачи поставили его на ноги. Однако последствия ранений оказались тяжкими, и он больше не мог попасть на передовую. В последующие годы В. Кочетов служил в родной части, откуда ушел на фронт, стал старшиной по должности и званию. Вступил в ряды Коммунистической партии. Газета «Защитник Родины» не раз возвращалась к подвигу Виктора Кочетова, рассказывала о его комсомольском билете, опаленном войной.

С передовой в редакцию приехал сержант Н. Тимофеев. Высокий, широкоплеч-

5 МАЯ — ДЕНЬ ПЕЧАТИ

чий, белокурый. Не торопясь вынул из кармана шинели тетрадь, исписанную мелким почерком.

— Вот, в землянке написал о некотором своем опыте, — сказал Николай, — быть может, пригодится...

«Как я стал снайпером» — так сержант озаглавил статью, занявшую газетную страницу. Подробно он рассказал об умении пристреливать винтовку, моментально схватывать и поражать цели, удачно выбирать огневые позиции, перехитрить врага.

Полезные советы дал красноармеец И. Тарануха, истребивший 51 фашиста. Мастер огня предостерегал молодых стрелков от некоторых ошибок, допущенных им в первые дни пребывания на передовой.

Для снайперов имеют значение знание своего участка, точное определение расстояния до цели. Этим темам посвящались статьи младшего сержанта В. Попова и красноармейца Е. Шевитякикова.

В статьях и заметках значительное место уделялось снайперской смекалке. «Военная хитрость, смекалка, выдержка, — писал лейтенант В. Гладцын, — являются необходимыми качествами истребителей немецких оккупантов». Из писем родных из освобожденных городов и сел были составлены подборки «Отомстим фашистским захватчикам», «Пусть святым огнем мести горит всегда твоя душа!» Для военкоровских писем истребителей гитлеровцев мы не жалели места в газете.

Наши корреспонденты выезжали с бойцами и командирами на передовую. Несколько дней пробыл в засадах со снайперами лейтенант И. Бочкарев. Вернувшись в редакцию, отписывался. С живым интересом читались его очерки «Пайрам Мамедов», «Удары снайпера», «Мститель».

С передовой нам писал старший лейтенант А. Катичев. Его записки «Первый день», «Горячие будни», «Поучительные итоги» содержали острые наблюдения, показывали бойцовский характер мастеров огня, жажду мести врагу.

В течение семи месяцев на первой странице газеты мы вели рубрику «Грозный счет мести». Это были своеобразные боевые сводки о действиях снайперов. Всему личному составу стали известны ратные дела защитников Отчизны.

В Великую Отечественную войну наш коллектив выпустил 274 номера газеты «Защитник Родины». На ее страницах помещено свыше трех тысяч заметок и корреспонденций участников войны. Эти бесценные красноармейские документы огневых лет свидетельствуют о героических делах советских людей, об их безграничной преданности Коммунистической партии. Этим письмам следовало бы посвящать книгу.

Своим партийным словом газета «Защитник Родины» участвовала в героической обороне города Ленина, в защите социалистического Отечества, в приближении Великой Победы советского народа в Отечественной войне.

Подполковник в отставке В. АДОРНСКИЙ,
редактор газеты «Защитник Родины»
военных лет, заслуженный работник
культуры РСФСР.

ВОЕННО-ШЕФСКАЯ РАБОТА

СЕРДЦУ НЕ НАДО ПОДСКАЗКИ

Года два назад по местному телевидению показали передачу о проблемах детских домов области. Среди других назвали и носящий имя Ф. Э. Дзержинского. С болью рассказывал его директор А. Р. Романенко о трудностях, с которыми приходится сталкиваться ежедневно.

Надо было видеть, как восприняли передачу наши воины! Буквально через несколько дней на комсомольском собрании постановили взять шефство над этим детдомом.

За словом — дело. Замечу только одно, что в ту пору еще ни Детского фонда имени В. И. Ленина не было, ни регламентирующих документов на этот счет, да и газеты, журналы робко писали о жизни сирот.

Какую помощь оказывают сегодня воины? Многие делают своими руками: коллектив воспитателей-то в основном женский, мебель переставить — уже проблема. Шефы приносят деревянные поделки, конфеты, печенье. Но особенно любят детвора эмблемки, блестящие солдатские пуговицы и, конечно же, звездочки (когда первый раз уходили, с улыбкой вспоминает старший сержант Алексей Чупин, — ни на одной пилотке их не осталось). Захватывают с собой и гитару, поют песни.

Приходят и ребятишки в гости к воинам посмотреть на боевую технику, настоящие автоматы и особенно на то, как работают служебно-розыскные собаки.

Сейчас в роте от желающих побыть с детьми нет отбоя. К Чупину, в недавнем прошлом тоже воспитаннику детдома, то и дело обращаются сослуживцы: «Запиши-те и меня...» Приходится выбирать. Группы, как правило, небольшие (служба есть служба), из умеющих не только себя показать, но и главное — увлечь ребятишек. Например, рядовой Михаил Иванов привлекает к концертам художественной самодеятельности все больше мальчишек и девчонок. По выходным устраиваются спортивные состязания, работают кружки и секции. Прапорщик В. Алешкин занимается с теми, кто любит выпиливать и рисовать, прапорщик И. Николаев ведет секцию самбо.

Общение с ребятишками делает лучше и самих солдат, сержантов, как-то щедрее душой, открытее становятся они.

А вот что говорит теперь директор детского дома: «Мы рады, что у нас такие шефы. Настоящие друзья! Дети это чувствуют, их не обманешь, а потому с нетерпением ждут каждую встречу».

Капитан Е. ЧУМАКИН.

УВВ по Западной Сибири.

ГРАНИЦА ПРОХОДИТ В МОСКВЕ

Солдаты, с которыми я познакомился, не сидят в засадах и секретах, не преследуют с оружием в руках нарушителей границы, не всматриваются до рези в глазах в контрольно-следовую полосу. Да и нет ее здесь, как нет и привычных пограничных столбов. На службу заступают не в маскировочных халатах, а в парадной форме, готовятся, словно к строевому смотрю.

— У нас по-другому нельзя, — улыбается подполковник Владимир Иванович Смирнов. — Тысячи иностранных гостей ежедневно прилетают в столицу, и какое мнение сложится у них о советских пограничниках, если хоть один из нас будет выглядеть неопрятно? Да и дисциплинирует это воинов.

Но внешний блеск, конечно же, не самоцель в службе парней с зелеными погонами на плечах. Главное — не допустить нарушения государственной границы. Она и проходит как раз вот здесь, за стеклянной стеной и легкими турникетами, в двух часах езды от Красной площади.

— Большинство прибывающих иностранцев — люди честные, добрые, желающие как можно больше узнать о нас, познакомиться с нашей историей и культурой, — продолжает офицер. — Таким мы говорим: «Добро пожаловать!»

Но порою в бочке меда случается и ложка дегтя. Среди туристов есть и такие, кто за определенную мзду готов в нарушение закона провезти валюту, антисоветскую литературу, наркотики, видеокассеты с порнографическими фильмами — все то, что оскверняет и порочит достоинство

человека, что запрещено законом. Для таких, с позволения сказать, «гостей» наша граница на крепком замке.

По-своему сложна служба пограничников на отдельном контрольно-пропускном пункте «Москва». Прежде чем заступить на самостоятельное дежурство, необходимо, как говорится, назубок изучить только одних паспортов около полутора сотен видов. А вообще при пограничном контроле предъявляется до 700 различных документов.

— У нас, чтобы стать признанным мастером службы, — замечает Владимир Иванович, — надо знать документы наизусть: где какие должны быть надпись, печать, фотография, особые отметки. Хочется в день нашего праздника отметить капитанов Юрия Янчукова и Олега Власова, старшину Андрея Крюкова, сержанта Михаила Кузовлева... Есть и свой Карацупа, — улыбается подполковник, — так в шутку мы называем Михаила Авдякова. Но в этой шутке есть большая доля правды — на счету Михаила несколько десятков задержанных нарушителей.

Наш разговор прервали мелодичные позывные, и приятный женский голос объявил на русском и английском языках: «Произвел посадку самолет «Боинг-747» авиакомпании «Пан-Америкэн», выполнявший рейс номер ноль тридцать по маршруту Нью-Йорк — Москва».

— Знаете, лучше один раз увидеть наших воинов в деле, чем долго слушать об их службе, — сказал Владимир Иванович, приглашая пройти в зал паспортного контроля.

Моим сопровождающим был капитан Олег Власов. Пока мы шли по бесконечным коридорам, он успел коротко рассказать о себе. Родился на Алтае, пограничником решил стать еще мальчишкой. И детской мечте не изменил. За службу награжден знаками «Отличник погранвойск» I и II степени.

Ну вот мы и «за границей». По телескопическому трапу выходило пассажиры американского «Боинга». Всего несколько минут требуется солдатам в зеленых фуражках, чтобы, тщательно проверив документы, поставить в них отметку, разрешающую въезд в страну. Надежность, быстрота, культура — вот три кита, на которых основана служба пограничников ОКПП «Москва».

Интересуюсь мнением наших гостей о пограничных формальностях и культуре обслуживания.

— Формальности минимальные, а культура обслуживания на самом высоком уровне, — говорит Венар Дос Лей.

Катарина Бейерс игриво добавляет:

— А куда что, специально отбирают ребят? Уж больно все симпатичные.

Интересуюсь целью приезда в Москву. Оказалось — коллеги.

— Мы корреспонденты Си-Би-Эс и прилетели в Москву, чтобы подготовить серию материалов, в которых надеемся честно рассказать о русских людях, о тех положительных переменах, которые происходят в вашей стране, в вашем обществе. В общем, о том, что называется одним словом — «перестройка».

Что ж, таким гостям мы всегда рады.

Однако, как говорил подполковник В. Смирнов, бывают «гости» и иного плана.

Когда приземлился очередной самолет, сержант Михаил Кузовлев занял свое место. Один за другим проходили перед ним пассажиры, протягивая для отметки свои паспорта.

Фамилия... Имя... Фотография... Печать... Виза... Все в порядке, отмечал про себя молодой пограничник, возвращая документы. Мелькали лица, мелькали паспорта. И вдруг... К этому «вдруг» пограничников готовит вся служба.

Фамилия... Имя... Фотография... Стоп! Михаил еще раз поднял глаза на стоящую перед ним женщину. Разница между ней и той, что на фотографии, вроде бы незначительная, но все-таки была.

— Это ваш паспорт? — обратился сержант к пассажирке. Та, изобразив на лице возмущение, утвердительно кивнула. Но солдат, не раздумывая ни секунды, нажал кнопку вызова офицера...

Через несколько дней перед строем сослуживцев командир зачитывал приказ: «За задержание нарушителя Государственной границы СССР сержанту Кузовлеву предоставляется отпуск сроком на 10 суток с выездом на родину».

Что только не пытаются ввезти к нам в страну. Я видел видеокассеты, прославляющие насилие, разврат, войну, человеконенавистничество, власть денег.

А кое-кто хотел бы даже пересмотреть историю, как, например, авторы многосерийного фильма «Великие битвы», рассказывающего о главных сражениях второй мировой войны. Если судить по нему, то, оказывается, судьба Победы решалась не под Москвой и Курском, в Сталинграде и Ленинграде, а в Перл-Харборе, Нормандии и Сахаре.

Все это плывет к нам не стихийно. Кое-кто преследует цель — подорвать устои нашей морали, опорочить советский образ жизни, повлиять на мировоззрение молодежи. Целенаправленный идеологический удар. Но на его пути встают пограничники, преданные народу, эрудированные, владеющие иностранными языками. Они всегда в «бою», всегда на передовой. И всегда с честью

несут право быть доверенными лицами народа, отвергающего всю эту грязь. Вот почему попытки провезти в нашу страну дурно пахнущие «подарки» обречены на провал.

Так было, например, с «гостем» из одной азиатской страны. Вел он себя вроде бы несуетливо. Но что-то в его поведении настораживало пограничников. И они не ошиблись: в ступке Будды иностранец вез марихуану. А чуть позже было перехвачено 1 200 килограммов другого наркотика, спрятанного в большой партии изюма. В копейной лошадке обнаружили ценностей на 10 тысяч рублей. В баллоне дезодоранта лежали плотные пакеты с контрабандой...

— Внимание, совершил посадку самолет, выполняющий рейс Лондон — Москва.

Для солдат в зеленых фуражках это было командой: «Приготовиться!»

В. ЛЕОНОВ.

На снимках: сержант Михаил Кузовлев проверяет документы у пассажира прибывшего самолета. «Все о'кей!» — говорят Венар Дос Лей и Катарина Бейерс.

Фото автора.

Валентин Пикуль:

«Спешите утверждать себя!»

В библиотеках на произведения В. Пикуля ведется предварительная запись. В книжных магазинах выстраиваются длинные очереди. При определении авторов для плана массового издания художественной литературы читатели «Роман-газеты» отдали этому писателю девяносто четыре голоса из ста (следующий претендент получил лишь пятьдесят четыре голоса)...

Наш внештатный корреспондент прапорщик Р. Карапетян беседу с Пикулем начал именно с этого вопроса:

— Валентин Саввич, вы один из самых читаемых литераторов, и не только в нашей стране. Чем можете объяснить это!

— Точно не знаю, могу только гадать по этому поводу. Наши люди истосковались по истории. Даже нет, не истосковались, а в сегодняшнее революционное время почуствовали, что, мало зная об истории своего Отечества, о помыслах политических деятелей прошлого, о реакции масс на то или иное событие, нельзя не только прогнозировать будущее, но и считать себя культурным человеком. Культура, она ведь и от корней к нам идет, а мы на каком-то этапе забыли об этом, потому даже понятия о нравственности, чести перевели в разряд второстепенных. А можно ли утверждать себя как личность без них? Можно, конечно, но ведь это же будет страшная личность...

Я пишу в основном об истории, об отношении того или иного поколения к нравственности. Я говорю: спешите утверждать себя в делах на службе Отечеству. Стараюсь дать читателям новые знания, рассказываю то, что, по моему глубокому убеждению, они не должны не знать. И сам здесь получаю удовлетворение от процесса изучения документов, работы с ними.

— Кстати, о документах. Вы пользуетесь архивами или у вас есть другие источники? И как вы с ними работаете?

— Архивы — свои. Достаю, что мне надо, с миру по нитке. А как работаю... Тынянов говорил: «Где кончается документ, там я начинаю». Я противник такого подхода к истории, в творчестве исхожу лишь из документов. Правда, и тут меня критики «достают». За что? Допустим, у одного факта есть две версии. Будь я историком, я был бы обязан осветить обе. Но я романист и выбираю одну, которая кажется

мне более достоверной. А историки начинают доказывать правомочность второй... Домысливать стараюсь как можно меньше, но иногда ввожу в историческую канву и вымышленные персонажи. Характер же их собираю по крупицам из тех людей, которые действительно существовали в описываемое мною время.

После «Фаворита» мне показалось, что я лишь популяризатор, не даю волю своей фантазии. Потому уже в другом ключе писал «Каторгу» и «Честь имею!». Но и здесь моя фантазия идет параллельно документу.

— Пользуетесь ли вы, Валентин Саввич, зарубежными источниками?

— Приходится иногда. К примеру, работаю сейчас над романом о Сталинградской битве. И у меня возник вопрос: почему танки Паулюса выкатились к Волге и... заглохли? Ответ, возможно, скрывается в записках покойного фельдмаршала, которые его сын предоставил западногерманскому историку фон Герлицу. Последний написал по этим материалам книгу «Паулюс: я стою здесь по приказу». Пришлось потратить немало усилий, чтобы достать ее, теперь моя жена, Антонина Ильинична, переводит фон Герлица, а я продолжаю работу над романом, знакомясь с новыми документами.

— А как в этом плане вы относитесь к экранизации своих произведений? Не пропадает ли достоверность на экране в «Моонзунде», к примеру?

— Пропадает. Откуда в фильме может быть правда, если не осталось ни самого Моонзунда, ни оружия, ни снаряжения тех времен? В написании сценариев я участия не принимал и не принимаю опять-таки из-за того, что в фильмах, как мне кажется, теряется даже элементарная достовер-

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

ность, идет игра в историю. Сейчас на киностудии имени Горького снимается фильм по роману «Богатство», на Мосфильме Ташков ставит семисерийный «Фаворит», свердловчане экранизируют «Каторгу»... Но не знаю, что у них получится.

— Валентин Саввич, дважды вы встречались с литераторами внутренних войск: на наших четвертом и шестом семинарах, прошедших в Дубултах. Что вы думаете о самих семинарах, смогут ли они чему-то научить тех, кто вступает в литературу!

— Семинары необходимы. Я сам прошел через них. Человек перестает вариться в собственном соку, имеет возможность смотреть на свое творчество более объективно, сравнивать свои силы с другими... Да дело и не в самом только творчестве: семинары дают прекрасную возможность, так сказать, принародно обговаривать проблемы, которые встают перед нами, коллективно искать корни негативных явлений, собирать в логическую цепь разрозненные факты. Знаю, на нынешнем семинаре вы много говорили о том, что падает престиж военной профессии и что одна из причин того — участвующие в средствах массовой информации материалы о том, что сегодня нам армия вроде как и не нужна, никто нам не угрожает, а люди, надевшие военную форму, нравственно деградируют. И вы, считая, делаете правильные выводы, видя в такой литературе стремление деформировать само понятие о патриотическом чувстве советского человека. Военных в России издавна уважали, низко кланялись им за их готовность к самопожертвованию ради Отчизны. Говорить об этом — долг литератора, долг гражданина.

— Ваши исторические романы — не только о прошлом, они ведь и о дне сегодняшнем. Именно из-за этого, говорят, у вас были неприятности после публикации романа «У последней черты»...

— Точнее, роман называется «Нечистая сила», а «У последней черты» — его журнальный вариант. По сути дела, здесь показана работа мафии. Я считаю, мафия бывает партийная, административно-бюрократическая и просто уголовно-криминальная. На примере с Распутиным я хотел показать страшную опасность их сращения. И попало мне за то, что кто-то в романе увидел отражение недавней нашей современности. Чурбанов — не тот ли это самый Распутин? Тогда я о Чурбанове не знал, но предчувствовал, предугадывал, предостерегал, если хотите, что такое может быть: рутинность и затхлость семидесятых вводила на эту мысль. Поэтому и сел за «Нечистую силу».

— Валентин Саввич, я читал, что специального литературного образования вы не получали и всего достигли с помощью самообразования. С чего начинали, что читали!

— В молодости я, темный человек, читал все подряд, даже от руки переписывал трехтомник Гнедича «История искусств». У меня были и остаются любимые авторы — Рабле, Салтыков-Щедрин, Малышкин. Их перечитываю и сейчас, хотя вожусь в основном с исторической литературой, доку-

ментами. Я выбрал свое направление в творчестве и стараюсь подбирать для чтения литературу, которая не уведила бы меня в сторону. Это важно — научиться читать нужные книги.

— Можете назвать любимых героев ваших книг!

— Сложный вопрос. Люблю Екатерину. Много сделала для России. Не позволила поставить себе при жизни памятник, ставила другим. Вообще люблю сильные личности: Исполотова в «Богатстве», Валерона в «Тупике»... А знаете, меня и за это в свое время высекли. Он-де призывает к сильной личности, а значит, к сталинизму. Чужь! России не нужны деспоты, но и хлюпки — зачем!

— И последний, традиционный вопрос: над чем сейчас работаете!

— Заинтересовался одним старым судебным процессом, участие в котором приняли такие известные люди, как Кони, Спасович. Это будет любовно-моральный роман... Интересует меня вопрос о восточной нефти, собираю об этом материалы. Ложит в столе роман о большой политике и большой стратегии... Готовлю даухтомник исторических миниатюр, кое-что из них могу предложить журналу «На боевом посту».

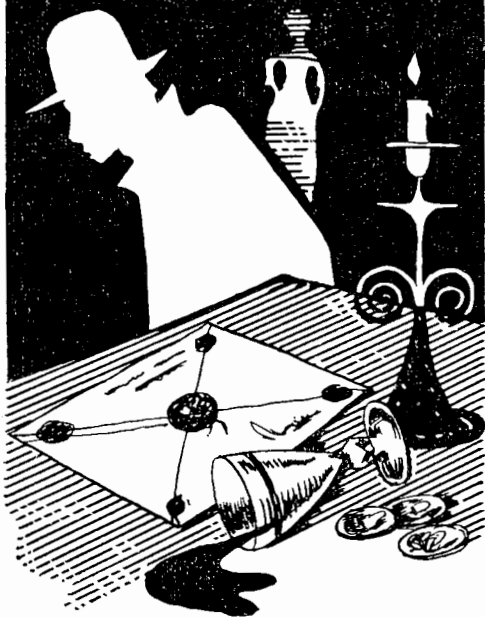
От редакции. Сегодня мы публикуем две исторические миниатюры В. Пикуля.

Фото капитана Б. Булгакова.

Валентин Пикуль

Выстрел в отеле «Кломзер»

Над Веною императора Франца-Иосифа рассветало; начальник австрийского генштаба Конрад фон Гетцендорф сказал:

— Сделаем так, чтобы об этом узнали посторонние. Позвоните в отель «Кломзер», попросите портье разбудить полковника Рэдля, что приехал из Праги... Пусть подойдет к телефону.

Портье через минуту в ужасе прокричал в трубку:

— Полковник Рэдль лежит на постели, весь в крови... он застрелился! А кому он понадобился в такую рань?

— Повесьте трубку, — велел фон Гетцендорф. — Теперь сплетня о самоубийстве побежит из отеля и дальше...

26 мая 1913 года Австрийское телеграфное агентство сделало официальное сообщение о смерти Рэдля: «Высокоодаренный офицер, которому, несомненно, предстояла блестящая карьера, в припадке нервного расстройства покончил с собой...». Эта фальшивая телеграмма в тот же день лежала на рабочем столе начальника российского Генштаба генерала Ф. Ф. Палицына в Петербурге.

— Ну что ж, — хмыкнул он. — Рэдль

стоил нам страшно дорого. Но мы недаром с ним столько провозились...

Солнце светило в Вене и Петербурге одинаково ярко, из Ниццы спешили ночные экспрессы, везущие в вагонах-лоханях свежие цветы, Европа жила как обычно, и лишь несколько человек в мире раздумывали о смерти Рэдля: кто выиграл и кто проиграл?

У истории — предыстория... В 1896 году, когда проходила коронация Николая II (и последнего), в числе прочих гостей в Москву прибыла и румынская королева Мария — полуангличанка, полурусская. Женщина ослепительной красоты, она в Бухаресте разыгрывала роль византийской принцессы, возрождая нравы времен упадка Римской империи. В Москве к длинному шлейфу королевского платья, как и положено в таких случаях, представили паж. Это был некий В.; когда он взялся за пышный трен платья королевы, она живо обернулась и сказала по-русски:

— Боже, какой Аполлон! А вы не боитесь моих ногтей?..

Перед отъездом в Бухарест она устроила пажу вечер прощания, затянувшийся до утра. Но самое пикантное в том, что королева была под надзором русской разведки, ибо отношения с румынской династией в ту пору были крайне натянуты, и, конечно, В. тоже попал под наблюдение. Разведка отметила его ловкость, сообразительность, умение сходить с любыми людьми, знание светских обычаев и склонность к мотовству. Любовный успех у королевы вскружил ему голову, и, выйдя из пажей в лейб-гвардию, В. занимался не столько службой, сколько романами со стиличными львицами и тигрицами. Вскорости задолжал в полку, разорил отца, попался на нечистой игре в карты, а когда запутался окончательно, русская разведка схватила его за жабы.

— Согласитесь, — сказали ему, — что, если ваши позорные связи обнаружатся, гвардия и дня не станет держать вас под своими штандартами. Вы уже не кредитоспособны. Но мы готовы великодушно предоставить вам случай исправить скверное положение... Это ваш последний шанс!

— Что я должен делать? — спросил В., расплакавшись.

— Вы поедете в Вену, где будете прожигать жизнь, как это вы делали и раньше в Петербурге. Все расходы берем на себя. Деньги вы должны тратить не жалея, и чем шире будет круг ваших венских знакомств, тем щедрее мы станем вас субсидировать.

— Я начинаю кое-что понимать, — призадумался В. — Вы, господа, решили подкинуть меня, как жирного карася, в тот германский садок, где плавают хищные акулы.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

— Нас не волнует, что вы понимаете и чего не понимаете. Нам важно, чтобы жадная до удовольствий Вена оценила вас как щедрого повесу, который не знает, куда девать бешеные деньги.

— Задача увлекательная! — согласился В.

— Не отрицаем. Она тем более увлекательна, что в Вене можно узнать все, если действовать через женщин... Итак, вы едете!

В. закружило в шумной венской жизни. Он служил как бы фонарем, на свет которого тучей слеталась ночная липкая публика, падкая до денег и удовольствий, порочная и продажная. Русская разведка, издали наблюдая за окружением В., старательно процеживала через свои фильтры певцов и кокоток, ювелиров и опереточных див, королев танго и королей чардаша, интендантов и дирижеров, высокопоставленных дам и разжиревших спекулянтов венгерским шпиком. Прошел год, второй, В. кутил напропалую и уже начал подумывать: не забыли ли о нем «под аркою» Главного штаба? Нет, не забыли. Однажды, придя под утро в отель, В. застал в своем номере человека, в котором с трудом узнал одного из тех, кто его завербовал.

— Среди ваших приятелей, — сказал он, — недавно появился некий майор Альфред Рэдль... Что вы можете сказать о нем?

Непутевый В. был, кстати, достаточно наблюдателем.

— Рэдль, — доложил он, — явно страдает от непомерного честолюбия. Никогда не был богатым, он завистлив к чужому богатству. Подвержен содомскому пороку, который окупается чрезвычайно дорого, отчего Рэдль вынужден кредитовать себя в долг.

— Очень хорошо, — заметил приезжий. — Но это все качества отрицательные. А что можете сказать положительного о Рэдле?

— Он мне... противен! Вот это самое положительное мнение. Но согласен признать, что Рэдль человек необычный. Владеет массой языков. Знает истории и географии мира. Умеет держать себя в руках. Не знаю: умен ли он? По некоторым его фразам могу заключить, что Рэдль интересуется новинками техники... Ну, и наконец, могу повторить, что он замечательно отвратителен!

— Это уже лирика. Немцы в таких случаях говорят, что отбросов нет — есть кадры. Скажите: а просил ли Рэдль у вас денег?

— О да! Он даже слишком навязчив в просьбах.

— Вернул ли взятое?

— Нет.

— Чудесно! Давайте ему, сколько ни попросят.

— Слушаюсь. А теперь я спрошу вас... Рэдль до сих пор не проговорился о своей службе. Я хотел бы знать: кто он?

— Сейчас он начальник агентурного бюро при австрийском генштабе. Работает против нас — против России.

Вскоре В. при свидании с Рэдлем огорченно сказал, что денег больше не стало и он вынужден вернуться на родину.

— Я сильно задолжал вам и, к сожалению, не могу своевременно рассчитаться... Жаль, — вздохнул Рэдль (кажется, искренно), — что я теряю щедрого и приятного друга.

— Не огорчайтесь! — отвечал В. — Скоро у вас появится новый русский друг, который и богаче меня, и щедрее меня...

Вернувшись на родину, В. уже не мог оставить привычек широкого образа жизни и стал опускаться. Буквально с улицы его взял на службу бакинский нефтепромышленник Нобель; В. стал его московским агентом по обслуживанию иностранных гостей фирмы: возил к «Яру» слушать Варю Панину, угощал их блинами с икрой, в Кремле показывал царь-пушку. Революция прикрыла эту синекуру, но В. не пропал. По некоторым данным, в конце своей жизни он обучал игре в бридж.

.....

Австрия, как писали тогда, — это «двуединая монархия, которая с одной стороны омывается Адриатическим морем, а с другой стороны загрязняется императором Францем-Иосифом». Вена — самый дорогой город в Европе; о венской жизни, сложной и трудной, нельзя судить по игривым опереттам Иоганна Штрауса... Вот конкретные данные из верных источников. Отель — 20 франков в сутки за пустые стены. Скромный обед — 6 крон. «Венец не позволит себе ничего, кроме кружки пива, он привык обедать дома...». В ресторанах Вены принято лишь завтракать. На обедающего смотрят с подозрением: уж не казнокрад ли? Множество славян, живущих в Вене честным трудом, нищенствуют; для них даже проезд на конке — роскошь. Кому же здесь хорошо? «Бережливые немцы попрытались по своим норам, за исключением кичливой финансовой аристократии. Пиришествуют в Вене только еврейские банкиры да разные международные пройдохи...». Понятно, что майор Рэдль, одержимый стыдным пороком, который обходился ему баснословно дорого, с нетерпением поджидал «русского друга», еще не догадываясь, что он уже здесь — рядом...

На пост русского военного атташе в Вене заступил полковник Марченко, обаятельный человек, большая умница, образованный генштабист, отличный противитель людских слабостей. Перед отъездом из Петербурга генерал Палицын сказал ему: «Завербуйте Рэдля, и больше нам ничего не надо от вас...» Генштаб вскоре же получил от Марченко исчерпывающую характеристику на Рэдля:

«Среднего роста, седоватый блондин, с короткими усами, несколько выдающимися скулами и улыбающимся, вкрадчивыми глазами. Человек лукавый, замк-

нутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность слащавая. Речь мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, замедленные. Более хитер и фальшив, нежели умен и талантлив... Ц и н и к !»

Марченко сначала опутал Рэдля долгами, обворожил комплиментами, а потом припер к стенке. Свидание произошло на конспиративной квартире. Опытный разведчик, атташе знал, что Рэдль уже завел под столом фонограф, дабы записать его слова, через щели в стене он будет сфотографирован дважды (аэрофас и в профиль), а подлокотники кресла, в котором сидел Марченко, смазаны особым составом, удобным для снятия дактилоскопических отпечатков... Рэдль как следует взвесил все «за» и «против». Понял, что деваться некуда: сейчас он целиком в руках русского полковника.

— Ну что ж. Я согласен... помочь вам! Ехать так ехать, как сказал попугай, когда кошка потянула его за хвост.

Марченко даже не удивился:

— Я так и думал, что вы не откажетесь от выгодной комбинации. А теперь российский Генштаб заинтересован в том, чтобы вы стали богатым и сделали головокружительную карьеру. Поверьте, что это будет и вам приятнее, и нам полезнее.

— Как Петербург может сделать мою карьеру в Вене?

— Это уж наша забота... А сейчас при мне уничтожьте валик фонографа, разбейте негативы снимков и сотрите мои следы с этого кресла. Я понимаю: вы человек, идущий вровень с наукою нашего времени, но я, к моему немалому прискорбию, человек все-таки отсталый и всяких новшеств недолюбливаю...

Рэдль продался в 1902 году!

А русский Генштаб сдержал свое слово — он устроил Рэдлю «блестящую» карьеру. Делалось это просто. Допустим, один из агентов начал «франтить», иначе говоря, не давал точных сведений или продавал сведения и Германии, а шпионы-двойники всегда опасны. Такого «франта» безжалостно выдавали Рэдлю со всеми потрохами! Рэдль за «раскрытие русского шпиона» имел материальные выгоды по службе, а взамен выдавал «под арку» австрийского агента, засланного в Россию. Когда же случалось так, что предатели со стороны России (а такие бывали!) предлагали Рэдлю планы русской армии, Рэдль заменял подлинные планы фальшивыми, а об изменнике тотчас же сообщал в Петербург...

Мировая война была неминуема, и будущие противники не церемонились, действуя настойчиво, цепко и беспринципно. Европу уже много лет потрясали политические кризисы, готовые вот-вот разразиться грозой батарей; разведки всех стран усиленно работали, генштабисты Вены и Берлина изучали армию России, со всеми ее достоинствами и недостатками, причем генерал фон Гетцендорф пришел к забавному выводу: «Русских победить невозможно, но и самим русским трудно стать победителями!» В

этих сложных условиях Рэдль, расчетливый и хладнокровный, как хищник, работал с колоссальным усердием, заслуживая похвалы начальства (как в Вене, так и в Петербурге). Вскоре он прославился в венских военных кругах как ловкий «разоблачитель» русской агентуры. Стал полковником и был назначен помощником начальника разведотдела. Венская военная олигархия доверяла Рэдлю полностью, и вскоре для русских уже не было тайн австрийской армии. Рэдль брал из бюро секретные документы к себе на квартиру, ночью делал с них фотокопии, а утром бумаги снова лежали в запортом сейфе. На явочные адреса нейтральных государств почта доставляла пакеты с фотокопиями, их изымали русские агенты, а в Вену на вымышленное имя поступали денежные переводы. Рэдль жил широко и даже купил себе автомобиль, что по тем временам не каждый мог себе позволить...

Так тянулись годы. Согласно австрийским уставам, каждый офицер генштаба должен был время от времени стажироваться в войсках. Подошел срок и Рэдлю уйти из бюро — его отправили в Прагу, где сделали начальником штаба Австрийского корпуса. Но даже здесь он сохранил доступ к самой секретной документации. На своей холостяцкой квартире полковник оборудовал потаенную фотолaborаторию, где по ночам продолжал щелкать «кодаком», печатая копии для России. Ничто не предвещало беды!

Настала весна 1913 года — Европа уже дышала порохом...

2 апреля в «черном кабинете» императора Франца-Иосифа работали перлюстраторы, вскрывавшие подозрительные письма. В руках чиновника оказались сразу два конверта, на которых адрес был отстукан на пишущей машинке: Никону Ницетасу, до востребования. Судя по штампам, конверты отправлены со станции Эйдкунен — на русско-германской границе. Подержав конверты над струей горячего пара, чиновник легко вскрыл их: в одном было 6000, в другом 8000 крон. Перлюстратор положил деньги перед начальником императорского «черного кабинета»:

— Вот четырнадцать тысяч и... никакой записки.

— Явный гонорар шпиону. Обратные адреса указаны?

— Да. Парижский и женеvский...

Последовал звонок в бюро агентуры генштаба.

— Перешлите конверты нам, — приказали оттуда.

Проверка показала, что император Франц-Иосиф не имеет подданного с именем Никон Ницетас. А так как отправной адрес был прусским, обратились за содействием к полковнику Николаи — главарю германского шпионажа. Тот позвонил из Берлина в Вену.

— Ищите у себя дома, — сказал он...

Гетцендорф переправил конверты обратно в «черный кабинет», где их исправно запечатывали. После чего обычным почтовым порядком конверты с деньгами

поступили на венский почтамт — в отдел выдачи писем до востребования. Чиновника отдела предупредили:

— Сейчас от вашего стола мы незаметно протянем электрический провод до полицейского участка, из окон которого виден вход в ваше помещение. В случае, если появится человек, желающий получить письма на имя Никона Ницетаса, вы обязаны нажать кнопку звонка... А больше вам знать ничего не следует!

Настал май, и май уже закончился. Второй месяц сидевшие возле окна сыщики не сводили глаз с дверей почтамта и ждали звонка. Но звонка не было! Сыщики стали относиться к дежурствам шалаяй-валяй. В генштабе тоже разуверились, что таинственный Никон Ницетас явится за деньгами. Чиновник почтамта иногда поглядывал на кнопку звонка и скоро привык к ней... Лишь 24 мая, когда до закрытия почты оставались считанные минуты, перед окошечком «До востребования» появился долгожданный человек:

— Прошу выдать мне почту на имя Никона Ницетаса...

Это было так неожиданно, что чиновник сначала выдал ему два конверта и лишь потом вспомнил о кнопке. Весь в поту, он давил и давил на эту кнопку, но из полиции никто не являлся. Дело в том, что детективы разбрелись по комнатам — звонка не слышали. Когда же они прибежали, все было кончено: Никон Ницетас уже захлопнул дверцу такси — укатил прочь...

— Номер авто — девяносто три, — заметил один агент.

Опрос чиновника почтамта ничего не дал:

— Вы знаете, я так растерялся, что ничего не запомнил...

.....

Историки, как и психологи, давно отметили, что в событиях человеческой жизни казус роковой случайности иногда играет большую роль. Детективы, упустив шпиона, в полной прострации блуждали перед почтамтом. Хорошо, если их понизят в должности, но могут вообще выкинуть со службы. Тогда набегаетесь... В этот же момент, когда они уже поставили на себе крест, с легким шуршанием шин на площадь вкатилось венское такси.

Девяносто три, — сразу опознали они машину...

Если сегодня кому-либо в мире и повезло, так это им!

— Кого сейчас вез? — набросились они на шофера.

— Не знаю. Но господин вполне приличный.

— Где ты его высадил?

— У отеля «Кломзер».

— Вези и нас. Туда же! Быстро.

На заднем сиденье такси они нашли забытый пассажиром чехол от перочинного ножика. В вестибюле отеля допросили портье:

— Кто за последние полчаса возвращался в отель из города?

— Только полковник Рэдль, что вчера приехал из Праги.

Агенты переглянулись: опять неудача! Рэдль — слишком большая шишка в секретном бюро генштаба, и он — вне подозрений. На всякий случай чехол от ножика они передали портье:

— Мы стоим в сторонке, а вы, любезный, все-таки покажите его гостям отеля, — может, кто и признает?

По мраморной лестнице в элегантно-смокинге, что-то мурлыкая себе под нос, уже спускался полковник Рэдль. В самом хорошем настроении! Он бросил ключ от своего номера на стол портье:

— Я буду в ресторане... вернусь поздно.

Портье с испуганным видом предъявил ему чехол:

— Простите, полковник, это случайно не...

На месте Рэдля любой разведчик мира должен был улыбнуться и ответить с безразличием: «Простите, не имею привычки иметь при себе перочинных ножей». Но Рэдль уже протянул к нему руку:

— Да, это мой... спасибо вам.

Он уронил его в такси, когда с помощью ножа торопливо взрезал конверты с деньгами. Рэдль глянул на типов, что слонялись по вестибюлю, с нарочитым вниманием глаза по сторонам, и понял, что это конец, конец всему! Сразу сгорбившись и старчески шаркая, он направился к выходу на улицу, уже не сомневаясь, что эти типы следуют за ним, наступая ему на пятки.

Один из детективов уже звонил по телефону в бюро.

— Это был полковник Рэдль, — сообщил он шепотом.

Австрийский генштаб объял ужас! Гетцендорфа отыскали в ресторане, где он со вкусом обсасывал фазанье крылышко.

— Деньги взял Рэдль, — сказали ему.

Начальник генштаба машинально продолжал жевать.

— Что будет, если это дойдет до ушей старого императора? Нет, нет! Я не верю... Срочно пошлите на почтамт человека: нужно сличить роспись получателя конвертов с почерком Рэдля.

С почтамта позвонили — почерк один и тот же!

— Катастрофа, — сказал фон Гетцендорф...

Рэдль все это время прилагал страшные усилия, чтобы оторваться от погони. В конце концов, еще не все потеряно. Деньги в кармане, а в гараже — мощный «бенц», способный проломить радиатором любой пограничный шлагбаум... Полковник петлял в переулках, забегал в магазины, подолгу торчал в уборных, но, оглянувшись, каждый раз убеждался, что агенты прилипли к нему, как пластиль к большому месту. Их было двое! На глазах сыщиков полковник задержался возле мусорной урны и стал демонстративно рвать над нею бумаги. Это был страшный, но оправданный риск!

Он рвал не просто бумажонки — он рвал свои шпионские донесения; приготовленные для отправки в Россию. Рэдль рассчитывал, что один детектив останется разгребать урну, а от второго сыщика он сможет оторваться... Это не удалось: погоня продолжалась!

Рэдль вдруг гибко переменял тактику. Он позвонил своему приятелю Виктору Полляку, который был генеральным прокурором в верховном суде Австрии, и предложил ему «посидеть вечером» в ресторане. В данном случае он поступал, как игрок, ставящий на банк свой последний грош... Заказав архиизысканный ужин, Рэдль пил старейшие ликеры мира, он поглощал самые пикантные закуски. При этом говорил Полляку, что давно страдает пороком, который обходится ему дорого, говорил о смятении чувств и надломленной психике... После ужина прокурор, мало что понявший, но встревоженный, позвонил Гайеру, бывшему в Вене начальником тайной политической полиции. Гайер, продувная бестия, уже был в курсе измены Рэдля, но ответ дал, какой надо:

— Не знаю, что случилось с Рэдлем. Пускай выпится...

За полчаса до полуночи, подавленный и размятый, волоча за собой на хвосте сыщиков, Рэдль вернулся в «Кломзер».

— Номер убрали? — спросил он портье.

— Нет. Без вас никто не входил...

За отелем было установлено такое плотное слежение, что даже самый хитрый клоп, если бы он хотел выбраться на улицу, не мог бы этого сделать. Гетцендорф, растирая виски, сказал:

— Самое главное — не допустить огласки этого позора...

Ровно в полночь Рэдля навестили в номере два офицера.

Полковник Урбанский — начальник контрразведки.

Полковник Ронге — бывший заместитель Рэдля в бюро.

О чем они там беседовали, судить трудно. Урбанский позже писал, что якобы Рэдль сказал ему:

— Поезжайте в Прагу, там, на моей квартире, вы найдете все обо мне, что ищете, а говорить с вами я не желаю.

Ронге писал, что будто бы Рэдль заявил ему:

— Я могу рассказать все, но только одному тебе.

Это лишь версии. Очевидно, домыслы.

Ясно только одно:

— Дайте мне револьвер, — попросил Рэдль.

Но возможна и другая ситуация:

— Вот тебе револьвер, — сказали Рэдлю...

До пяти часов утра он не решался покончить с этой историей. Только на рассвете раздался приглушенный подушкой выстрел. В отеле «Кломзер» никто даже не проснулся... Урбанский выехал в Прагу, где на квартире Рэдля обнаружил фотолабораторию. Имущество самоубийцы было распродано с аукциона. Фотоаппарат купил один гимназист. Принес его домой и обнаружил в нем пленку. Он ее

проявил, а там оказались фотоснимки с документов австрийского генштаба. Об этом узнали газеты Праги и разболтали по всему миру. Промаях Урбанского стоял ему карьеры. Опростоволодилось и Австрийское телеграфное агентство: весь мир узнал, что Россия имела своего агента в самом центре немецкого империализма...

Русская разведка совершала немало ошибок, но имела и очень много заслуг перед родиной. У нас чаще пишут о ее недостатках, нежели о ее успехах. Это неправильно. Еще задолго до войны наши разведчики сумели раздобыть пресловутый «план Шлиффена» — план прорыва германских дивизий к Парижу через земли нейтральной Бельгии. Германия как зеницу ока берегла в недоступных местах три экземпляра «Приказаний на случай войны», подписанных лично кайзером. Русская разведка ухитрилась выкрасть один из этих трех экземпляров. За несколько часов до начала первой мировой войны «под аркой» на Невском, в условиях сугубой секретности, был награжден высоким военным орденом российский офицер. Награжден за то, что он уже выиграл ту войну, которая завтра начнется! Подвиг его остался для общества неизвестен. Но это был самый крупный разведчик России. К сожалению, о нем почти ничего не узнать. Так, словно он навсегда засекречен. Известно лишь одно: когда он поворачивался в профиль, вы ясно видели — перед вами... Наполеон (столь разительно было сходство!).

А дело полковника Рэдля до сих пор привлекает к себе внимание историков и всех разведчиков мира. Рэдль работал на Россию целых одиннадцать лет. За такой срок можно продать не только планы своей армии, но и самого императора Франца-Иосифа, если бы кто-либо в нем нуждался... Первое упоминание о деле Рэдля в русской печати я встретил под 1915 годом — в статье доцента Михаила Хохловкина, который в канун войны проживал в Вене, гневно бурлившей при известии о «предательстве в верхах». Хохловкин встретался с профессором русской истории Гансом Иберсбергером, проходившим научную стажировку в Московском университете на кафедре профессора Ключевского. Известный историк, он был и австрийским шпионом в России! В этом нельзя сомневаться. Иберсбергер был близок к генштабистским кругам Вены, и еще в феврале 1914 года, за полгода до июльского кризиса, он сказал Хохловкину:

— Вы, как военнообязанный, возвращайтесь домой. Скоро будет война, и вы должны явиться в свой полк...

Иберсбергер говорил, что «Австрия после измены Рэдля могла очень легко пасть жертвой России, если бы Россия воспользовалась моментом». Это понятно: все военные планы Австрии были в русских руках. До сих пор в истории продолжается дискуссия на тему: много или мало секретов Австрии выдал Рэдль?

Э. Захариас, разведчик США, работавший против Японии, пишет: «В результате измены Рэдля шансы Австрии на успех в войне с Россией в 1914 году значительно снизились, так как не было возможности внести радикальные изменения в систему крепостей, на которой базировался австрийский план развертывания» (автором плана являлся генерал фон Гетцендорф). Захариас отчасти прав: Рэдля разоблачили в мае 1913 года, а в июле 1914 года уже вспыхнула война — времени у Вены не оставалось!

Австрийская армия сразу же напоролась на героический отпор сербского народа; успех сопротивления плохо вооруженной Сербии объясняется еще и тем, что планы Австрии против славян были заранее переданы в Белград из Петербурга, а Петербург получил их от Рэдля. Быть может, и взятие нами крепости Перемышль, и знаменитый Брусиловский прорыв тоже подготовлены на основе агентурных данных...

Вена поначалу, чтобы успокоить общественное мнение, утверждала, что Рэдль передал русским лишь мелочи. После поражения в войне (когда из «лохкутной» империи Габсбургов выделились самостоятельные государства — Венгрия и Чехословакия) реакционные силы Вены, дабы оправдать свое поражение, стали называть Рэдля «могильщиком великой и славной империи».

Истина лежит где-то посередине...

Но во всей этой истории есть один момент, крайне запутанный.

В номере отеля «Кломаер» полковники Урбанский и Ронге мило побеседовали с полковником Рэдлем.

После чего дали ему револьвер и оставили одного.

Тут можно развесть руками — в полном недоумении!

Как же так? Схвачен крупнейший шпион России.

Теперь бы, казалось, надо схватить его за глотку и трясти до тех пор, пока он не расскажет все, что знает о своих связях.

Вместо этого ему желают остаться мужественным и удаляются, милостиво дозволить уйти не только от суда, но и от следствия.

Тут что-то не так!

А что не так?..

На этот вопрос ответить трудно. Можно лишь догадываться.

Очевидно, кому-то было нужно как можно скорее вложить револьвер в руки провалившегося агента. Значит...

Уж не значит ли это, что в числе высших офицеров австрийской разведки был еще кто-то, работавший в пользу России?

Он и спешил устранить Рэдля как ненужного свидетеля!

А кто он был?..

Этого мы уже никогда не узнаем.

Но если это так, то можно лишь восхищаться оперативной точностью дальнбойной русской разведки!

Зато Париж был спасен

В этой миниатюре я буду много цитировать...

Современник пишет: «Он умер совершенно одиноким, настолько одиноким, что о подробностях его последних минут никто ничего не знает». Советская Историческая энциклопедия подтверждает это: «Погиб при невыясненных обстоятельствах (по-видимому, застрелился)».

Для начала разложим карту... Вот прусский Кенигсберг, а вот польская Варшава; если между ними провести линию, то как раз где-то посередине ее и находится то памятное место, где в августе 1914 года решалась судьба Парижа, судьба Франции!

Но летописцу следует быть последовательным.

Александра Васильевича Самсонова в шутку называли «Самсон Самсонычем» — за его геркулесово сложение, за многопудовую массивность тела, столь неудобную для лихого наездника. Это был опытный генерал кавалерии, окончивший Академию Генштаба, с юности крепко и яростно воевавший. Последний раз он сражался с японцами; после боев под Мукденом он пришел на перрон вокзала — прямо из атаки! — к отходу поез-

да. Когда в вагон садился генерал Ренненкампф (по кличке «Желтая опасность»), Самсонов треснул его по красной роже:

— Вот тебе, генерал, на вечную память... Носи!

Ренненкампф скрылся в вагоне. Самсонов в бешенстве потрясал нагайкой вслед уходящему поезду:

— Я повел свою лаву в атаку, надеюсь, что эта гнида поддержит меня с фланга, а он просидел всю ночь в галяне и даже носа оттуда не выставил...

В 1908 году Самсонов был назначен туркестанским генерал-губернатором и много сделал для развития этого края. Он осваивал новые площади под посевы хлопка, бурил в пустынях артезианские колодцы, проводил в Голодной степи оросительный канал. Летом 1914 года ему исполнилось 55 лет; он был женат на красивой женщине, имел двух маленьких детей. Вместе с семьей, спасаясь от ташкентской жары, генерал-лейтенант выехал в Пятигорск, где мечтал провести отпуск, чтобы подлечиться лечебными водами. Но 1 июля в Сараеве грянул суматошный выстрел гимназиста Гаврилы Принципа, что дало повод Ярославу Гашеку начать свой роман о похождениях бравого солдата Швейка словами: «А Фердинанда-то убили...».

— Австрийского эрцгерцога убили сербы, — говорил Самсонов жене, — и правильно сделали, что убили. Но как бы эти выстрелы не обернулись для нас войнищей, какой еще не бывало.

— Ты думаешь, Россия вступится? — спрашивала жена.

— О, Катенька! Не вступится, так ее заставят вступить...

Настал тот период мировой истории, который запомнился всему человечеству под казенным названием «июльский кризис». Весь жаркий, душный июль Европа спала тревожно. Дипломаты торопливо перелистывали тексты прежних договоров, а в штабах военные открывали пуленепробиваемые сейфы, извлекая из них планы дислокаций и развертывания войск в боевые порядки...

Россия не объявляла войны Германии. Германия сама объявила войну России.

Самсонов вернулся в гостиницу с пятигорского телеграфа:

— Когда на Россию нападают, Россия должна защищаться. Катенька, бери детей и возвращайся в Ташкент, а меня требуют в Петербург... Кажется, мне дают целую армию!

Военный министр Сухомлинов сказал ему при встрече:

— А-а, вот и вы, голубчик... Какие великие события мы переживаем, правда? Сейчас немцы уже на подходах к Парижу, идет жестокая битва на Марне, и французы взывают о помощи. Мы должны ударить по Пруссии, имея общую дирекцию — на Кенигсберг! Вам дается Вторая армия, которая от Польши пойдет южнее Мазурских болот, а Первая армия двинется на Пруссию, обходя Мазурские болота с севера.

— Кто будет командовать Первой армией?

Сухомлинов нажал на столе кнопку звонка.

— Попросите Павла Карловича, — сказал он адъютанту.

В кабинет, колыхаясь громадным чревом, сильно сопя от ожирения, не вошел, а скорее, вкатился на коротких ножках... Ренненкампф!

— Вот ваш сосед с правого фланга, — сказал Сухомлинов. — Впрочем, вы знакомы. Клещи ваших армий должны сомкнуться за Мазурскими болотами, в которых и увязнет все прусское войнство...

Народные толпы осаждали редакции газет. Парижане ждали известия о наступлении русских, а берлинцы с минуты на минуту ждали, что германская армия войдет в Париж... Всю ночь стучал и стучал телеграф: французское посольство успокаивало Париж, что сейчас положение на Марне чуть изменится, — Россия двумя армиями сразу вторгается в пределы Восточной Пруссии!

Об этом писали, пишут и еще будут писать... Известно, что русская армия мобилизовывалась за 40 дней, а германская за 17 дней (это понятно, ибо просторы России не сравнить с территорией Германии!). Но если от 40 отнять 17, то получится, что в запасе Германии 23 дня — за эти 23 дня кайзер должен успеть, пройдя через Бельгию, разгромить Францию, после чего, используя прекрасно налаженный железнодорожный транспорт, перебросить все свои силы против русской армии, которая к тому времени еще только начнет собираться возле границ после мобилизации. Однако положение Парижа было уже настолько отчаянным, что две русские армии — Самсонова и Ренненкампфа — рванулись в бой 4 августа — раньше окончания мобилизации! Скрупулезно продуманный «план Шлиффена» затрещал сразу же, как только русский солдат шагнул в Восточную Пруссию, ибо теперь немцы вынуждены были ослабить натиск на Францию и посылать войска против России — раньше тех 23 дней, что предусмотрены их стратегами...

Теперь читателю ясна подоплека этого дела!

Но мы не «задавили» немцев количеством». Факты давно проверены: кайзеровских войск в Пруссии было в полтора раза больше, нежели русских. Немецкий генерал Притвиц, узнав, что корпус Франсуа уже вступил в бой, велел ему отойти, но получил заносчивый ответ:

— Отойду, когда русские будут разгромлены мною...

Отойти не удалось: пришлось бежать, бросив всю артиллерию. Но перед этим Франсуа успел похвастаться по радио своей легкой победой над русскими. «Ах так?..» И немецкие генералы погнали солдат в атаку «густыми толпами, со знаменами и пением». Немцы пишут: «Перед нами как бы разверзся ад... Врага не видно. Только огонь тысяч винто-

вок, пулеметов и артиллерии». Это был день полного разгрома прусской армии, а те из немцев, кто умели бегать, побегали в этот день все рекорды... В летопись русской военной славы вписалась новая страница под названием ГУМБИНЕН! Черчила никак нельзя причислить к друзьям России, но даже он признал после войны: «Очень немногие слышали о Гумбинене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа». Зато эту победу как следует оценили в ставке кайзера Вильгельма II.

— Притвица и Франсуа в отставку, — распорядился он.

Гумбинен открывал дорогу на Кенигсберг; берлинские газеты вопили на весь мир, что в пределы непорочной Пруссии вторглись дикие когоглазые орды, которые вспарывают животы почтенным бюргерам и разбивают черепа младенцев прикладами. На самом же деле даже бургомистры прусских городов, захваченных русскими, отмечали идеальный порядок. Очевидец пишет: «Правда, один солдат срезал шелковую обивку мебели себе на портянки. Однако дальше того, что можно съесть и выпить, нарушение интересов населения не пошло... После Хиросимы и Нагасаки, после зверств в Корее, когда я вспомнил дни, проведенные на русском фронте в 1914 (оду), мне они представлялись сказкой из эпохи рыцарского романтизма!»

Русские вступали в города, из которых немцы бежали, не успев закрыть двери своих квартир и магазинов; на кухнях еще топились печки, в гостиных горели лампы, на плитках — горячие кофейники. А на стенах домов висели яркие олеографии, изображавшие чудовищ в красных жупанах и шароварах, с пиками в руках; длинные лохмы волос сбегали вдоль спины до копчика, из раскрытых ртов торчали клыки, будто кинжалы, а глаза — как два красных блюдца. Под картинками, чтобы никаких сомнений не оставалось, было написано: «Русский казак. Питается сырым мясом германских младенцев».

— О, Kosaken, Kosaken, — вздыхали на улицах немцы.

— Отчего вы их так боитесь? — спрашивали офицеры.

— Пасторы уже давно предупреждали нас в проповедях, что в темных лесах Сибири, где еще не ступала нога культурного человека, водятся особые звери — казаки; если война начнется, русские натравят этих зверей на нашу бедную Пруссию...

В занятые русскими города возвращались из лесов бежавшие жители. Им было велено открыть магазины и продолжить работы в мастерских. Если хозяин лавки не находился, русские ее запирали, а комендант накладывал на замки печати. Большинство немцев, которых называть бедными было никак нельзя, охотно становились в длинные очереди, чтобы получить пайку русского солдата. Олеографии с изображением казаков со стен не срывали: для контраста...

Однажды глубокой ночью на бивуаке в лесу Самсонов проснулся оттого, что тишину прорезало дивное пение сильно-го мужского голоса. Конвойные казаки поднимались с шинелей:

— Поет лихо. Пойти да глянуть, што ли?

Александр Васильевич двинулся вслед за ними в глубь прусской чащобы. Светила луна, и на поляне они увидели германского офицера с гладковыбритым, как у актера, лицом, который, прижав руку к сердцу, хорошо поставленным голосом изливал душу в оперной арии. Самсонов долго стоял возле него, сцепив в задумчивости пальцы.

— Я — великий Тангейзер, — вдруг сказал немец, — но моей Элизабеты уже не вернуть...

Казаки вознамерились было отвести его к кострам русского бивуака, но сумасшедший певец начал яростно отбиваться.

— Оставьте его, беднягу, — велел Самсонов. — Он, видимо, не перенес разгрома своей хваленной армии. Бог с ним!

Париж и Лондон умоляли Петербург — жать и жать на немцев не переставая; с берегов Невы сыпались телеграммы в Варшаву; из Польши в Пруссию, вздымая тучи пыли, мчались автомобили марки «рено»; генштабисты, обещанные аксельбантами, буквально в спину толкали Самсонова: «Союзники требуют от нас — вперед!». Александр Васильевич уже ощутил свое одиночество: Реннекамф после битвы при Гумбинене растворился где-то в лесах и замолк...

— Словно сдох! — выразился Самсонов. — Боюсь, как бы этот ферфлюхтер не повторил со мной шутки, которую он выкинул под Мукденом... Тогда мы все в крови будем плавать!

Оказывается, в германских штабах о столкновении двух генералов на перроне мукденского вокзала было известно — и немцы учитывали даже этот пустяк. Сейчас на место смещенных Притвица и Франсуа кайзер подыскивал замену... Он говорил:

— Один нужен с нервами, а другой совсем без нервов!

Людендорфа взяли прямо из окопов (с нервами) и Гинденбурга из уныния отставки (без нервов). Армия Самсонова, оторвавшись от тылов, все дальше погрязала в гуще лесов и болот. Не хватало телеграфных проводов для наведения связи между дивизиями. Обозы безнадежно отстали. Узкая колея немецких железных дорог не могла принять на свои рельсы расширенные оси русских вагонов. Из-за этого эшелоны с боеприпасами застряли где-то возле самых границ, образовав страшную пробку за Млавой.

— Если пробка, — сказал Самсонов, — пускай сбрасывают вагоны под откос, чтобы освободить пути под новые эшелоны...

Варшава отбила ему честный ответ, что за Млавой откоса не имеется.

Солдаты шагали по двенадцать часов в день без привального роздыха. «Они измотаны, — докладывал Самсонов. — Территория опустошена, лошади давно не ели овса, продовольствия нет...». Армия заняла Сольдау: из окон пучками сыпались пули, старые прусские мегеры с балконов домов выплескивали на головы солдат крутой кипяток, а добропорядочные германские дети подбегали к павшим на мостовую раненым и камнями выщипали им глаза. Шпионаж у немцев был налажен превосходно! Отступая, они оставляли в своем тылу массу солдат, переодетых в пасторские сутаны, а чаще всего — в женское платье. Многих разоблачили. «Но еще больше не поймано», — докладывали в штаб. Самсонов карманным фонарем освещал карту:

— Но где же, черт побери, Ренненкампф с его армией?

Первая армия под началом «Желтой опасности» не пошла на соединение со Второй армией, и Гинденбург с Людендорфом сразу же отметили эту «непостижимую неподвижность» Ренненкампфа; между прочим, русское главнокомандование знало, что Ренненкампф уклонился в сторону, но почему-то не исправило его маршрута; таким образом, Самсонов оказался один на один с германской военизированной, собранной в плотный кулак... Гинденбург и Людендорф провели бессонную ночь в деревне Танненберг, слушая, как вдвигались громыхает клубок яростного боя. Тут им принесли радиogramму Самсонова, которую немцам удалось раскодировать. Людендорф со знанием сказал:

— Самсонова от Ренненкампфа отделяет лишь сто миль...

Немцы начали отсекал фланговые корпуса от армии Самсонова, а Самсонов, не зная, что его фланги уже разбиты, продолжал выдвигать центр армии вперед — два его корпуса ступили на роковой путь! Армия замкнулась в четырехугольнике железных дорог, по которым войска Людендорфа и маневрировали, окружая ее. Правда, здесь еще не все ясно. До нас дошли слухи, что Самсонова поначалу среди окруженных не было. Но, верный долгу, он сам верхом на лошади проскакал под пулями в «мешок» своей армии.

При этом он якобы заявил штабистам:

— Я буду там, где и мои солдаты...

Курсирующие по рельсам бронеплатформы осыпали армию крупнокалиберными снарядами. Прусская полиция и местные жители, взяв на поводки доберманов-пинчеров, натасканных на ловле преступников, рыскали по лесам, выискивая раненых. Очевидец сообщает: «Добивание раненых, стрельба по нашим санитарным отрядам и полевым лазаретам стали обычным явлением». В немецких лагерях появились первые пленные, которых кормили бурой похлебкой из картофельной шелухи, а раненым по пять—шесть дней не меняли повязок. «Вообще, — вспоминал один солдат, — немцы с нами не церемонятся, а стара-

ются избавиться сразу, добывая прикладами». Раненый офицер, позже бежавший из плена, писал: «Пруссаки обращались со мной столь бережно, что — не помню уж как — сломали мне здоровую ногу... Во время пути они курили и рассуждали, что делать со мною. Один предлагал сразу пристрелить «русскую собаку», другой — растоптать каблуками мою физиономию, третий — повесить...». Людендорф беседовал с пленными на чистом русском языке, а Гинденбург допрашивал их на ломаном русском:

— Где ваш генерал Самсонов?

— Он остается с армией.

— Но вашей армии больше нет.

— Армия еще сражается...

В лесах и болотах, простреленная на просеках пулеметами, на переправах встреченная броневиками, под огнем тяжелой крупновской артиллерии, русская армия не сдавалась — она шла на прорыв! Документы тех времен рисуют нам потрясающие картины мужества и героизма русских воинов... По ночам, пронизав тьму леса прожекторами, немцы прочесывали кусты разрывными пулями, равными даже от прикосновения к листьям. Это был кошмар! Гинденбург с Людендорфом вынуждены были признать, что русский солдат чрезвычайно стоек. Германские газеты откровенно писали: «Вся эта попытка прорыва являлась чистым безумием и в то же время героическим подвигом... русский солдат выдерживает потери и дерется даже тогда, когда смерть является для него неизбежной».

Американский историк Барбара Такман в книге своей (которая была любимой книгой президента Джона Кеннеди) пишет, что Самсонов, мучимый приступом астмы, выходил из окружения пешком; спички давно кончились, и было нечем осветить картушку компаса; солдаты шли во мраке ночи, держа друг друга за руки, чтобы не потеряться, среди них шагала и Самсонов. «В час ночи он отполз от сосны, где было темнее. В тишине ночи щелкнул выстрел. Офицеры штаба пытались найти его тело, но не смогли».

Итак, он застрелился! Но... так ли это?

Сейчас у меня в руках редкая книга — записки тех, кто вырвался из окружения. Один офицер пишет, что последний раз он видел Самсонова на опушке леса, склонившимся над картой. «Вдруг громадный столб дыма окутал наш штаб. Один из снарядов ударился в ствол дерева, разорвался и убил генерала на месте...».

Где правда — этого мы уже никогда не узнаем!

Известие о гибели Самсонова не сразу дошло до русского народа; еще долго блуждали темные легенды, будто его видели в лагере военнопленных за колючей проволокой, где он, переодетый в гимнастерку, скрывался под видом рядового солдата. Вдова его, Екатерина Александровна — под флагом Красного Креста! — перешла линию фронта, и немцы показали ей место могилы мужа. Она

узнала его лишь по медальону, в котором он хранил крохотные фотографии ее самой и своих детей. Самсонова вывезла останки мужа на родину, и Александр Васильевич был погребен в селе Егоровке бывшей Херсонской губернии... В одной из первых советских книг, посвященных его армии, о нем сказано с предельной ясностью: **«НАД ТРУПОМ ПОГИБШЕГО СОЛДАТА ПРИНЯТО МОЛЧАТЬ — ТАКОВО ТРЕБОВАНИЕ ВОИНСКОЙ ЭТИКИ, И НИКТО НЕ МОЖЕТ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ГЕНЕРАЛ САМСОНОВ ЭТОЙ ЧЕСТИ НЕ ЗАСЛУЖИЛ».**

В 1914 году немцы так торопились увековечить Гинденбурга, что памятник ему в Берлине соорудили из... досок. Здесь же лежала грудя ржавых гвоздей и молотки. Желая выразить свое уважение к кайзеровской военщине брал молоток и засаживал в памятник гвоздь... Сделав все для фашизации Германии, фельдмаршал Гинденбург 30 января 1933 года передал власть Гитлеру и вскоре скончался. Гитлер с большой помпой повез хоронить его как раз на то место, где возле деревни Танненберг были окружены войска армии Самсонова. В коричневой рубашке штурмовика, с большущим ножом у пояса, как мясник, Гитлер выступал над гробом, грозя кулаком в сторону СССР, после чего целовал ручки великовозрастным дочерям Гинденбурга. А Людендорф на похороны не поехал, ибо он завидовал непомерно раздутой славе покойного маршала...

Немецкому обывателю внушили, что Гинденбург взял в плен 90 000 русских солдат, но это — ложь. Ибо вся армия Самсонова насчитывала 80 000 человек. Теперь мы знаем бухгалтерию этой битвы: в плен попали лишь 30 000, больше 20 000 штыками пробили дорогу на родину, еще 20 000 остались ранеными на поле боя, остальные погибли или пропали без вести. Немецкий генштаб был вынужден признать: «Русские дрались как герои и никакую жертву они не считали большой для спасения чести своего оружия!» Наши историки проделали колоссальную работу, чтоб выяснить, кто прав, кто виноват, что мы выиграли и что проиграли. Теперь вывод сделан. **«ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ СТАЛА ПРИМЕРОМ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ВО ИМЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСОЮЗНОЙ ПОБЕДЫ»** — так пишут историки сегодня.

В двадцатые годы, когда наша страна тяжело переживала последствия разрухи, экономической блокады и голода, бывшие наши союзники пытались урвать от СССР старые (еще царские) долги. Тогда у нас вышла книга под характерным названием «Кто должник?», в которой прямо поставлен вопрос: кто кому должен? Русские вам или вы должны русским? Гибель армии Самсонова брошена на весы беспристрастной истории: мужество наших солдат спасло Париж в августе 1914 года. Именно поэтому «план Шлиффена» сразу рухнул, а трезвые головы в Берлине уже тогда осоз-

259
знали, что война Германией проиграна. Проиграна не за столом Версаля в 1919 году — она проиграна в топях Мазурских болот еще в августе 1914 года! Но это далось дорогой ценой — ценой русской крови...

Да, армия погибла. Да, она принесла себя в жертву.

Благодаря ее гибели Париж и был спасен от оккупации.

Так строится ныне схема исторической справедливости.

Других мнений не может быть!

Нам осталось последнее — разобраться с Ренненкампом.

Когда из болот Пруссии перестали откликаться радиолога армии Самсонова, командование велело Ренненкампу развернуть свою армию на юг, чтобы выяснить обстановку. Павел Карлович, получив такой приказ, сел в автомобиль; забулькала мотор — и умчал генерала в глубокий тыл... В такой трагической истории, как эта, необходим конец, какой бывал в драмах периода классицизма, чтобы добродетель восторжествовала, а зло было наказано.

Такой конец существует, и не мной он придуман!

Место действия — Таганрог, время — март 1918 года.

Ф. И. Смоковников (из мещан города Витебска) копался на огороде возле одного из домишек на окраине города. Он был уже стар, и было видно, что в огородных делах разбирается слабо. Так, ковыряя землю лопатой — больше для приличия.

Соседи уже заметили, что огородник боялся белых, боялся и красных, зато поджидал немецких оккупантов:

— Вот немцы придут, кулаком трахнут — порядок будет!

Ночью в дверь его дома постучали:

— Гражданин Смоковников, откройте!

Он открыл дверь. На пороге стояли чекисты:

— Гражданин Смоковников, вы и есть Ренненкампф?

— Впервые слышу. Какой еще там Ренне...

— Ну, пойдите. Хватит дурака валять.

Боровоподобная личность «Желтой опасности» была настолько выразительна, а его портреты так часто мелькали на страницах газет, что отпираться было немислимо. Ренненкампф понимал, что большевики не станут гладить его по головке за то, что в 1905 году он возглавил карательные отряды в Сибири. Но большевики коснулись и последних событий на фронте:

— Ну-ка расскажите: как вы предали армию Самсонова?

Царская власть не рассчиталась с ним. Белогвардейская контрразведка Врангеля тоже проморгала «огородника». Вот и получилось, что за гибель армии Самсонова пришлось держать ответ уже перед Советской властью... Возмездие за август четырнадцатого было неизбежно, и ревтрибунал вынес ему смертный приговор.

«В расход!» — как говорили тогда...

Суд гести

Прапорщик А. ПОЛЯКОВ,
участник VI семинара литераторов
внутренних войск.

ПОВЕСТЬ

1.

Напротив дома стоял голубой «жигуленок» с открытым багажником. Полонский, торопясь, прошел мимо, рассеянно скользнув взглядом по номеру. Лишь когда уже поднимался по лестнице, сообразил, что это машина старшего прапорщика Сташкива.

«Интересно, к кому он пожаловал? — подумал Полонский. — Живет в другом конце города, друзей здесь вроде не имеет...»

Подойдя к двери, достал было ключ, но тот ему не понадобился: квартира была открытой. В прихожей стоял упакованный чемодан. Жена возилась со вторым, а в кресле, посреди комнаты, восседал прапорщик Сташкив. Он-то и заметил первым Полонского. Встал, зачем-то принялся застегивать пиджак, растянул в улыбку губы и сказал совершенно несурзное:

— Ну вот, мы ждем, ждем, а ты раньше пришел. То есть, я хотел сказать...

Анжелика на миг замерла над чемоданом, но потом, не оборачиваясь, продолжила укладывать в него вещи, захлопнула наконец крышку и щелкнула замками.

— Михаил, — обратилась к Сташкиву, — отнеси, пожалуйста, чемоданы. Я все объясню сама.

Сташкив прошел к выходу мимо растерянного, ничего не понимающего Полонского.

— А может быть, — продолжила жена, — мне и не надо ничего объяснять, сам все понимаешь?

— Мне всегда было трудно тебя понять, — ответил Валерий. — А сейчас — тем более: зуб замучил, пришлось отпрашиваться даже. У нас есть зубные капли, а?

Зеленые глаза Анжелики вспыхнули, красивое лицо исказилось кривой усмешкой:

— «У нас!» У нас уже ничего с тобой нет и не будет. Я уйду от тебя, Полонский. Я долго собиралась...

— Знаю, знаю, ты говорила мне об этом.

— Не издевайся! Хотя сейчас попробуй вполне серьезно осознать, что ты растоптал мою жизнь. Я-то думала, выходя замуж за военного, что буду за ним как за каменной стеной, а он, а он... Честный, порядочный, активный — как там тебя еще в роте называют? Куда же твоя порядочность дома девается? Живем как нищие, ни машины, ни цветного телевизора, я в рванье хожу...

— В ангорском, — добавил Валерий. — И потом, Анжелика, порядочность и количество шмоток — это разные категории. Поскольку богатого наследства мне никто не оставил, а учиться воровать мне уже поздно, то и на ближайшее будущее я обещаю тебе жить только на зарплату — твою — и денежное содержание — мое... Послушай, скажи мне наконец, где зубные капли?

Слезы блеснули в зеленых глазах, и хоть видеть их Валерий привык, но все же заговорил теперь мягче, без наигранной веселости:

— Я устал, Анжелика, отговаривать тебя от подобных поступков. И сейчас на колени не стану. Уходи.

Он не заметил, как побледнела жена, закусила губу, как опали ее плечи, но тут же снова распрямилась, и нотки угрозы послышались в ее голосе:

— Конечно, уйду. Но ты пожалеешь об этом, Полонский.

Не расслышав этих слов, Валерий спросил:

— Где собираешься жить, если не секрет? Куда тебя таксист Сташкив увозит?

— К себе. Жила с нищим, теперь с богатым вдовцом поживу.

Вышла, сильно хлопнув дверью.

— Вот даже как, — сказал нараспев Валерий, опускаясь в кресло. — Этого, признаться, я никак не ожидал. Черт-то что, нарочно такое не придумаешь.

На некоторое время он вабыл даже о зубной боли. Потом все же принялся искать капли, перерыл все шкафчики, не нашел, достал из холодильника бутылочку — «мерзавчик» коньяка, намотал вату на опичку, но потом отбросил ее на пол. «Так надежнее будет», — сказал и вылил в рот обжигающую жидкость. Долго полоскал ею зубы, потом проглотил и сказал: «Не пропадать же добру!»

2.

Проснулся Полонский, когда за окном повисли сумерки. Боль почти утихла, лишь чуть пульсировала, отдаваясь в левом виске. «Долечить надо, — убедил он себя и выпил оставшийся коньяк. — Значит, так: за сегодняшний день — пятьдесят граммов. За праздничными застольями никогда больше не пил. Во дя!»

В последние дни в квартире было, мягко говоря, шумновато: Валерий присутствовал, как он сам шутил, на продолжении фильма «Анжелика в гневе». Все ее не устраивало, упреки переходили в обвинительные речи, голос по восходящей дорастал до крика, но при всем при этом Валерий старался быть невозмутимым. Считал: бывают критические пики в семейной жизни, они даже закономерны, читал об этом. Придет время — и все образуется.

А оно вон как вышло.

Скверно на душе. Тягостно в тихой квартире. И мысли оттого, наверное, тягостные, нехорошие. Сташкив — мерзавец, жена — глупа и в глупости своей дошла до крайности... Нет, он, Полонский, тоже несправедливо судит о людях. Далеко не по-ангельски, видно, поступал. Обо всем надо подумать спокойно. Выйти сейчас из дому, пройтись по свежему воздуху, отвлечется...

На улице было ветрено, судя по всему, вызревал дождь. Такая погода разогнала по домам прохожих, и город был пуст. Но вот к автобусной остановке подкатил красный «Икарус», выпустил из своего чрева целый взвод пассажиров. Быстро, как по команде «Разойдись», сыпанули те в разные стороны. А к нему подбежала девушка со спортивной сумкой через плечо:

— Привёт, а вт и я!

Тут же ступевалась, поняв, что обозналась:

— Извините, у него такой же пиджак.

Ему можно было бы, как он делал обычно в таких ситуациях, схомить, сказать что-то веселое, но слова не шли, настроение было под стать погоде, и Валерий только печально улыбнулся: с кем, мол, такого не бывает. Повернулся, так же не спеша пошел обратно, домой, и услышал, как удаляется за его спиной дробь каблучков.

Итак, произошло то, чего он никак не предполагал. Нет, он допускал, что Анжелика способна на какое-то время покинуть его, уехать, наконец, к матери, но чтобы вот так, сразу, переселиться под

крышу Сташкива... Ясно, что это не просто раздор, это — конец семье. Хотя кто его знает, была ли она у них, семья? Из всех десяти лет совместной жизни вспоминаются в светлых тонах лишь два первых, когда они в медовый свой месяц поехали на море и спустили до копейки все деньги, подаренные им на свадьбу. Потом год сидели на хлебе и яйчице и не паниковали, что в кошельке ни шиша, а на второй год взяли палатку, поселились «дикарями» на берегу речки. Справа, слева от них стояли «волжанки» и «москвичи», владельцы их размахивали импортными теннисными ракетками, владелицы ходили в шикарных купальных костюмах, ездили каждый вечер в бар. Вот тогда и сломалась Анжелика. Вернулись они домой намного раньше, чем планировали, с первой же зарплатой после отпуска жена завела сберкнижку... Пошло — поехало!

Воспоминания его были прерваны криком. Валерий оглянулся и увидел двоих парней, вырывающих из рук девушки, той самой, которая приняла его за своего знакомого, сумочку.

3.

Старший лейтенант милиции долго рассматривал удостоверение личности Полонского, словно не веря, что оно принадлежит именно ему, Валерию. Наконец сказал сурово:

— Нехорошо, товарищ прапорщик. Придется о вашем поведении сообщить в часть.

Полонский недоуменно пожал плечами: — Выходит, я же еще и виноват? Эти двое приставали к девчонке, я им посоветовал этого не делать...

— Убедительный совет, — покачал головой офицер и взглянул на парней, сидевших тут же. У одного под глазом расплылся синяк, у второго опухла и кровоточила нижняя губа. — А вот потерпевшие утверждают, что никакой девушки не было, а вы спьяну налетели на них. Вы — действительно под мухой.

— Да какая там муха! Понимаете, у меня...

— Только прошу вас, не рассказывайте, что у вас зуб болел и вы его спиртом лечили, — сказал старший лейтенант. — Я такие рассказы каждый вечер слышу, повятно? Или у вас другой повод был к рюмке приложиться?

— Значит, насчет зубов номер не пройдет? — почти весело переспросил Валерий. — Ну а если я скажу, что от меня жена ушла и я с горя выпил рюмочку, тогда как?

— Если каждый по этому поводу будет людям морды бить... — начал было бубнить тот из парней, у которого стала верблюжьей губа, но старший лейтенант его прервал:

— Вы нанесли прохожим телесные повреждения, и никакое оправдание вам не поможет. Можете идти, а с вами, соколы, — это к двум сидящим, — я еще поговорю.

В небольшой комнатке начальника караула находились двое: за столом сидел и что-то быстро писал начальник караула прапорщик Борин, а у окна стоял прапорщик Полонский.

Сегодня дважды пробовал он дозвониться до командира части, но того не было на месте. И вот еще раз поднял трубку, набрал знакомый номер. Бесплезно: длинные гудки.

— Да скажи, наконец, чего ты так с командиром пообщаться рвешься? — спросил Борин.

— По личному делу, — хмуро, что, в общем-то, не свойственно ему, ответил Валерий.

— По личному он по средам после шестнадцати принимает.

— Меня примет, — тяжело вздохнул Полонский. — Я вчера так отличился, что меня, чувствую, — и он невесело улыбнулся, — все начальство принимать будет.

Борин отложил в сторону ручку, поднял голову:

— Давай, друже, выкладывай.

И Валерий рассказал ему о вечерней прогулке, зубной боли, встрече с незнакомкой, беседе с милиционером.

— Дела! — покрутил головой Борин. — Представляю, как все это Анжелика восприняла.

— Этого ты представить не можешь, — вздохнул Полонский. — Ведь с нее все и началось...

В караульное помещение вошел командир части майор Петкевич, выслушал доклад Борина, сказал одобрительно:

— Хорошо, замечаний к вам не имею. Передайте по всем постам: ожидается ухудшение погоды, возможен ураган. Так что надо усилить бдительность.

Борин сразу же сел за пульт связи, а Полонский подошел к командиру:

— Разрешите обратиться, товарищ майор?

— Разрешаю, — сказал Петкевич. — Только, если можно, говорите саму суть: времени в обрез.

— Вчера, товарищ майор, в горотделе внутренних дел на меня был составлен протокол. Выпил и устроил драку.

Майор непонимающе посмотрел на Полонского, беззвучно зашевелил губами, словно голос у него пропал, потом приказал:

— Пойдемте.

И вышел из караулки своим знаменитым «летающим» шагом: быстро, вроде бы не отталкиваясь от земли. За ним тяжело прошел Полонский.

Вернулся он на удивление быстро. На немой вопрос Борина ответил:

— Разбор полетов прошел четко и оперативно... — и оборвав бодренький тон, сказал уже печально: — А вообще, чувствую, закончится эта история скверненько. Ты только вот что, Серега, про Анжелику не говори пока никому, хорошо?

— Ты и командиру не сказал?..

— Ему хватило и остальной информации. Сделал помечочку на календаре, сказал — разберемся. Чувствую, задаст он мне перцу. Ну да ладно, чему быть, того не миновать. Что там у нас со временем, пора на проверку идти?

Дождь усилился, ветер стал еще яростней. Пока шли по периметру охраняемой зоны, вода неизвестно как попала даже под капюшоны и плащи.

Подошли к посту, где нес службу прапорщик Смирнов. Его четкий доклад начальнику караула — и потопали дальше. Пост прапорщика Белова. В широкое окно видно, что Белов спит, подперев голову рукой. Не слышит даже легкого стука в стекло. А ведь всего полчаса назад звонили ему, напоминали удвоить бдительность.

Лишь когда Полонский открыл дверь и вошел в будку, Белов вскочил со стула, тараща сонные глаза, полуразборчиво зачастил:

— Товарищ майор, за время несения службы...

— Проснитесь, Белов, я вам не Петкевич.

Тот тряхнул головой, окончательно приходя в себя:

— Вот черт, а мне показалось... Ты прости, старик, у меня вчера, понимаешь, такой день был...

— Со стариком после службы поговорите, а сейчас приготовьтесь сдать пост, — строго сказал Полонский.

— Да ты что? Я же всего на минутку прикинул. На минутку! За это, может быть, и к командиру потащишь?

— Зачем тащить? А доложить — доложу.

— Подумаешь, большое начальство, — рассвирепел Белов. — Ну чего тебе надо? Ты же всего лишь вештатный помощник начальника караула. Завтра вот так же, как остальные, на пост засгупишь, и если на чем-то споткнешься...

— Не давите на жалость, — все так же сухо сказал Полонский. — На посту — не споткнусь, знаю, что такое служба.

— Вон какой ты примерный! Ну конечно же: и фотография на стенде, и куча благодарностей... Только всем этим почестям в твою честь конец прийти может, не думал об этом? Или уверен, что никто не узнает, что вчера драку затеял? Так я это могу засвидетельствовать, понял?

— Не совсем, Белов, — удивленно сказал Валерий. — Откуда тебе-то это известно?

Уловив растерянность в голосе помощника начальника караула, подумав, что «сломался» Полонский, он перешел на разговорщицкий тон:

— Видел я тебя, старик. Ко мне невеста приехала, встречал ее, немного опоздал к автобусу, и... А невеста — та самая девушка, из-за которой сыр-бор разгорелся. Я хотел было тебе помочь, да увидел, что и сам справишься.

— Значит, ты можешь подтвердить, что я был прав?

— Разумеется! Если ты, конечно, не будешь из-за сегодняшней ерунды пожар раздувать. Оставляй меня, старик, на посту, и я такое всем расскажу, что тебе к ордену представят.

Полонский нахмурился, подошел к телефону, набрал номер начальника караула:

— Прапорщик Борин? Докладывает прапорщик Полонский. При проверке службы часовых снят с поста прапорщик Белов, за сон.

5.

Из автобуса вышли вместе. Борин пригласил пройти к нему. — жена пирог испекла, посидели бы за чаем, — но Валерий отказался. Не до застолий ему, ведь майор Петкевич опять вызывал. На сей раз он был настолько рассержен, что почти не разговаривал с прапорщиком. Три слова всего сказал: «Прочитайте... Что скажете?.. Идите!» Прочитал. Белов рапорт настроил, да длинный. Некуда, видно, время было девать после того, как сняли его с поста. Сам он, мол, видел издали, а невеста

подробности рассказывала, что пристал прапорщик Полонский к двум парням, драку с ними затеял. Был к тому же выпивши, сквернословил, а сегодня, узнав, что прапорщик Белов был свидетелем его выходки и не собирается покрывать неблагоприятное поведение сослуживца, отстранил автора рапорта от службы под надуманным предлогом. Ну как все это прокомментировать? Потому и не ответил ничего Валерий на вопрос командира, только плечами пожал. Вышел из кабинета, сел в автобус, а прийти в себя до сих пор не может.

— Понимаешь, Сережа, ведь утром он мне совершенно иное говорил! Когда упрасивал не докладывать, что заснул он на посту. А как не докладывать? Я чувствую, он бы опять дрыхнуть начал, оставь я его в покое. А объект у нас вон какой, разве можно допустить, чтоб...

— Об этом мжешь и не говорить, знаю немного, за что хлеб получаю, — прервал его Борин. — А вот ошибку ты допустил крупную. Почему ни мне, ни командиру не сообщил, что Белов тебя шантажировал? Порядочным хотел в его глазах остаться? Или забыл, что одна неправда всегда другую порождает? Вот и получил еще одну подножку. Знал бы

обо всем командир с утра, он бы на рапорт крест наложил, да и с самим Беловым по-мужски, как умеет, поговорил. Нет, я завтра же с утра к Петкевичу зайду, разъясню ему ситуацию.

— Не надо, Сережа. Ну что теперь после драки кулаками махать? Пусть идет как идет: отвечу за все.

— Это позиция слабака. Идем ко мне на чай, посидим, потолкуем.

В это время они как раз подходили к дому Полонского, и Валерий уже почти было согласился посетить товарища, но заметил, что окна его квартиры светятся.

— В другой раз, Сережа. А сегодня, кажется, ко мне жена в гости пожаловала. Интересно, правда? Жена — и в гости.

На другой стороне улицы, метров за двести от дома, стояла автомашина. Ни марки, ни цвета ее отсюда не было видно, но Полонский был уверен, что за рулем ее — Сташкив.

6.

Анжелика сидела на диване в зале, листала книгу. Увидев Валерия, нерешительно улыбулась, сказала, стараясь быть веселой:

— Ну вот, не успела я на день из дому отлучиться, как ты столько глупостей натворил.

Он ничего не ответил, прошел на кухню, поставил на огонь чайник, раскрыл створку окна. Вошла Анжелика:

— Что, и разговаривать со мной не хочешь? Кого в ночи высматриваешь?

— Такси товарища Сташкива. Долго оно уже простаивает? Ребята говорят, что он и копейки не уступит, а тут...

Жена смутилась, но на удивление быстро взяла себя в руки:

— Если хочешь, скажу ему, чтоб уезжал. Хочешь?

— Нет.

Сказано это было так решительно, что Анжелика поняла: разговор на эту тему завершен. Дернула плечиком, — любимый ее жест перед началом ссоры, — нервно и коротко рассмеялась:

— Думаешь, я хочу? Думаешь, решила к тебе вернуться? Не упростишь!

И не собираюсь этого делать, хотел было сказать Валерий, но передумал. Ухватится за эти слова, перекрутит их, как всегда, чтобы еще одно обвинение в чем-то найти. Лучше промолчать.

Но Анжелику уже трудно было остановиться, сдерживать себя она не умела и говорила теперь зло, громко:

— Я в общем-то пришла сегодня за вещами. Думал, все тебе оставлю? Посуда тебе не нужна, книги тоже я собирала, шторы, ковер, потом надо решить вопрос с мебелью.

— Столько в «жигуленок» не влезет, — не выдержал Валерий. — Давай я тебе с грузовой машиной помогу. Знаю, кухонный гарнитур у Сташкива неважный, а у нас новый, импортный. Потом спальня...

— Не ёрничай! — поймав нотки сар-

казма в голосе мужа, прокричала Анжелика. — Если хочешь знать, настоящие мужчины в таком случае уходят с чемоданом.

— Прости, но, по-моему, уходишь ты. И поверь, я говорю вполне серьезно: можешь оставить мне только чайник. Он дорог мне как память. Это первая наша покупка.

— Ты даже над этим смеешься! Но я не позволю тебе издеваться над собой! Ты дорого за это заплатишь! Посмотрим, как запоешь, когда начнут на службе объяснений спрашивать, когда к ответственности за развал семьи привлекут, да еще и по партийной линии протянут. Я-то найду слова для объяснений, я и командиру твоему скажу все.

— А я не смогу, — развел руками Валерий. — Я не могу врать, ты же знаешь.

— По-твоему, выходит, — задыхнулась от негодования Анжелика, — что я способна лгать?

— Если не солжешь, меня ведь, сама прекрасно знаешь, привлечь будет не за что. Если кому и может достаться, то Сташкиву. Но хватит об этом. Тебе помочь упаковать вещи?

Жена крутилась на каблучках и не вышла, а выбежала из квартиры, даже дверь за собой не прикрыла. Через минуту мимо окон дома проехал на большой скорости голубой «жигуленок». Полонский задернул шторы, вздохнул и налил в чашку крепкого чаю.

...Анжелика сидела на заднем сиденье, глотая слезы. Сташкив включил скорость, плавно тронул машину с места.

— Как черепаха! — сердито, яростно даже выкрикнула Анжелика.

«Жигуленок», словно испуганный конь, дернулся, чуть не выскочил на тротуар, но потом взревел мотором и приткно помчался по дороге.

Когда входили в квартиру, Анжелика была уже другой: улыбочивой, мягкой. Сташкиву оставалось только догадываться, чем вызвана такая перемена. И это он скоро понял. За ужином Анжелика спросила, что говорят в части о происшествии с Полонским. Сташкив рассказал и о рапорте Белова, и о том, что будет суд чести, на котором, по всей видимости, «высплют Полонскому по первое число».

— А ты ведь председатель этого суда, и от тебя, наверное, многое зависит?

— Да как тебе сказать, — нерешительно начал было Сташкив, но потом, явно желая выиграть в ее глазах, продолжил: — Многое, конечно, если не все. А к чему этот вопрос?

— Я бы очень хотела, Михаил, чтоб Полонского выгнали из войск. У него очередная подписка вот-вот закончиться должна, и нетрудно, наверное... Короче, это больше, чем желание, Михаил. Я не смогу быть с тобой, пока он... Пока он...

Она так и не нашла подходящих слов, чтоб закончить фразу, выбежала в другую комнату и упала там на диван, не зажигая света.

По тротуарам громко шоркали метлы дворников, сражаясь с мокрой липучей листвой. Вчерашний дождь голубел в чистых отстоявшихся лужах.

Валерий не торопился: из дому вышел рано, времени до начала инструктажа было достаточно. И потому он выбрал окольную дорожку — через неухоженный, заросший парк. Здесь листья, никогда не знавшие метел, пружинили под сапогами, и серые мухоловки нахально кричали прямо над ухом.

Анжелика не любила здесь гулять, ей бы поближе к центру, к клумбам и магазинам...

Все, хватит об этом, надо начинать жизнь заново, во всяком случае надо забыть старое. Выходные будут уходить на рыбалку, на лес, в отпуск надо прибиться к ребятам-туристам, давно мечтал. А в остальные дни уйти с головой в службу, вот и некогда будет предаваться воспоминаниям.

На плацу его встретил Борин:

— Послушай, Валера, ты не вешай нос, понял? Думаю, все обойдется.

— О чем ты? — не понял товарища Полонский.

— А, ну да, ты еще не читал. В коридоре, на доске объявлений...

Валерий у доски даже не остановился, лишь краем глаза прочел: «...в 20 часов... товарищеский суд чести над прапорщиком Полонским В. А.».

«Вот и попробуй забыть обо всем», — грустно улыбнулся он, стал подниматься на второй этаж, в класс боевой службы.

Инструктаж проводил командир части. Зашел он в класс не один, но Полонский поначалу даже не обратил на это внимание. Он сидел, рассеянно глядя в окно, пока не услышал знакомую фамилию: «Абрашидов». Вслушался к голосу Петкевича:

— Майор Абрашидов прибыл к нам вместо убитого к новому месту службы майора Дымова на должность заместителя командира по политической части...

Да, это был тот самый Абрашидов Раис Анатольевич, под началом которого Валерий проходил срочную службу. Помнил он его лейтенантом, старшим лейтенантом... Нет, не в званиях даже дело. Именно Абрашидов, замполит роты, уговорил его продолжить службу: «Нам нужны такие...» Хорошо было бы, если бы не узнал офицер своего бывшего подчиненного. Впрочем, почему бывшего? Опять ведь вместе служить. Не забывается, не отмечается старое.

Когда закончился инструктаж и все покидали класс, Валерий услышал голос прапорщика Сташкива, тот обращался к Борину:

— Как только освободитесь, зайдите ко мне, дело есть. Как к командиру взвода, по поводу поведения...

Больше Полонский ничего не услышал, но он понял и так, о ком вел речь председатель товарищеского суда.

А разговор Борина со Сташкивом был короток.

— Введу вас в курс дела, — сказал Сташкив. — По заданию командира я связался с отделением милиции, узнал подробней, что вытворял ваш подчиненный. Да он и сам ведь не отрицает: пьянство в быту, нарушение общественного порядка... Короче, послезавтра состоится суд чести, мы вынесем решение об увольнении прапорщика Полонского из войск за дискредитацию воинского звания. В связи с этим и надо вам написать соответствующую характеристику.

— «Мы» — это кто? — спросил Борин.

Сташкив на миг замешкался с ответом, потом сказал, натянуто улыбаясь: — Фамилии называть не стоит, но скажу одно: это мнение начальства.

— Ну что ж, тогда я иду к Петкевичу, спрошу у него, кто автор такого мнения.

Он было уже повернулся, чтобы выйти, но Сташкив суетливо вскочил со стула, придержал его за локоть:

— Подождите! Мне никто ничего не говорил, но в дни, когда мы ведем такую борьбу с алкоголизмом, только так, жестко, решительно, и надо поступать. Я просто уверен, что и командир, и его зам по политической части стоят на такой же позиции, потому и сказал так. Из этих же соображений, думаю, и надо писать характеристику. Сегодня сможете?

— Напишу, — решительно кивнул головой Сергей. — Не сомневайтесь, успею, хоть она, чувствую, на одну страницу не уляжется. Надо вспомнить, что Полонского год назад наградили знаком «За отличие в службе» за задержание незнакомца, фотографировавшего объект, и то, какую большую работу он с молодыми контролерами проводит, и то, что за многие годы нет у него ни одного взыскания... Буду объективным: и об этом нелепом случае с дракой упомяну, когда сам разберусь во всем. Кстати, как вы считаете, Михаил Семенович, в характеристике не надо называть причину бытовых неурядиц моего подчиненного? Почему и куда, к примеру, ушла от него жена?

Глаза Сташкива стали тусклыми, голос предательски задрожал:

— Это к делу не относится. Может, еще скажете, что я из-за каких-то личных целей суд над ним устраиваю?

8.

После проведенного инструктажа заступающей смены Петкевич пригласил Абрашидова в свой кабинет:

— Так получается, Раис Анатольевич, что нет у нас с вами времени на раскату. Придется с коллективом знакомиться на основе, так сказать, негативных явлений. Суд чести послезавтра проводим. Познакомьтесь с рапортом прапорщика Белова, побеседуйте со старшим прапорщиком Сташкивом...

— Да, я уже прочел объявление, — сказал Абдрашидов. — Кто он, виновник торжества?

— Нептальный помощник начальника караула. Грамотный, исполнительный, и вот — непонятная история.

— Если непонятная, то, может, не надо торопиться и суд чести устраивать? Командир улыбнулся:

— Суд, Раис Анатольевич, не только ведь наказывает, он еще и оправдывает, так? Потому и прошу вас разобраться во всем. Если виноват Полонский — старые заслуги вряд ли стоит брать в расчет, если нет... Впрочем, конечно же, виноват. Дыма без огня не бывает, так ведь?

Полонского майор Абдрашидов узнал сразу же. Удивился: вот уж действительно: гора с горой не сходится, а человек с человеком — всегда. Попробовал поговорить с Полонским о днях минувших, повспоминать общих знакомых — не получилось: отмалчивался прапорщик, а если и отвечал на вопросы, то односложно, сухо. И о последних событиях говорил так же кратко: да, выпил, да, дрался. Причины? Были причины, но что теперь о них вспоминать: виноват и точка. На том и закончилась их первая встреча.

Рапорт прапорщика Белова прояснял многое, майор несколько раз внимательно прочитал его.

«Я, прапорщик Белов, вечером того дня встречал свою невесту Елену Кашпер, которая должна была приехать последним автобусом. Я оназдывал, потому торопился. Недалеко от остановки увидел дерущихся людей. Среди них был человек в военной форме. Им оказался прапорщик Полонский. Было заметно, что он находится в нетрезвом состоянии. Я хотел разнять дерущихся, но меня опередил наряд милиции. Моя невеста была напугана происходящим, поэтому я поспешил увести ее. Успокоившись, она рассказала, что военный стал приставать к ней, а двое проходящих мимо парней остановили его. Тогда он затеял с ними потасовку...»

Белов заступил на службу, это замполит знал, и пожалел, что не может сейчас же поговорить с ним. Возникли кое-какие вопросы.

Зато на месте был старший прапорщик Сташкив, председатель суда чести. Говорить он, убедился майор, умел: к месту цитировал строки всевозможных постановлений, слово у него пеплялось за слово, речь была продуманной, логичной. О действиях человека судят по фактам, а факты — валидо, и есть тому свидетели. Надо ориентироваться на задачи дня, и если мы сегодня объявили борьбу пьянству, то надо от слов переходить к делу, надо все сделать для того, чтобы любители выпивок увидели, какое жесткое наказание им за это грозит...

Ну что тут возразишь? Абдрашидов лишь согласно кивал головой, слушая Сташкива.

Борин — далеко не трибун. Вроде бы не к месту начал говорить, как Полонский в начале лета организовал поход в лес, как весело там всем было, как он за спасибо одной старушке-пенсионерке сарайчик за два выходных дня поставил.

— Это честнейший и порядочнейший человек, товарищ майор.

— Что же он, такой хороший, пить стал и драться?

Борин пожал плечами:

— Не знаю, честное слово. Только разобратся тут надо, прежде чем человека наказывать.

— Разбираюсь. Отделение милиции, куда Полонского доставили, далеко отсюда? Хочу туда сейчас проскочить.

Ему повезло: встретился как раз с тем старшим лейтенантом, который разбирал инцидент с дракой Полонского. Старший лейтенант несколько удивился приходу майора:

— Из части ведь уже обращались по этому вопросу, старший прапорщик, представительный такой, заглядывал. Сказал, что Полонский разложившаяся личность, что за ним много темных делешек, судить его собираются, потому и о драке подробнее узнать хочет. Я честно ответил: вам, конечно, виднее, вы человека лучше знаете, поступайте с ним как хотите, но двух этих мерзавцев он проучил заслуженно. Они наши постоянные «клиенты», знаю их гнилую натуру... Но никакого дела мы не завели, никуда сообщать не собирались: Полонского я так, для профилактики, припугнул.

В расположение части майор Абдрашидов вернулся уже под вечер, разыскал прапорщика Белова, сменившегося со службой:

— Не торопитесь?

— Если честно, то очень, товарищ майор. Невеста меня ждет.

— Тем лучше. Пригласите в гости, на чай, а? Заодно и с ней познакомлюсь, и с вами поговорю. Много времени не отниму. Пару несложных дел сделаю — и на пяток минут заскочу. Тайны делать не хочу: о Полонском речь пойдет.

9.

Как назло, задержали дела в части и Белова. Сташкив пригласил, начал настаивать, как лучше на суде чести выступить, что говорить. И потому домой Белов не шел, а можно сказать, бежал: вдруг замполит части опередил его, вдруг уже сидит и беседует с Леной? Та ведь по простоте своей бог знает что может ему наговорить!

Дверь открыла сияющая Лена.

— У нас никого не было? — еще не переступив порога, спросил он.

— Ну вот, — шутиливо обиделась та. — Вместо того, чтобы спросить, отчего в доме пирогами пахнет, начинаешь разговор с допросов. Ты чем-то, вижу, расстроен? Неприятности по службе?

— Да нет, — смутился Белов, — не то, чтобы неприятности... Тут, Лена, от тебя многое зависит. Ведь нам же теперь вместе жить, так? — он натянуто улыбулся. — Значит, и невзгоды делить пополам придется. Готова?

— Неужели ты сомневался?! Выкладывай, чем могу помочь.

— Ты помнишь тот вечер, когда приехала? Когда обозналась, другого человека за меня приняла?

— Еще бы! Ведь тот парень меня здорово выручил.

Белов скривился, как от зубной боли, быстро отвернулся к окну, чтоб Лена ничего не заметила. Но вот лицо его уже вновь спокойно:

— О нем как раз и речь. Он мой сослуживец, понимаешь? К большому нашему сожалению.

— К сожалению? Почему?

— Это долго объяснять. Скользкий он, и вообще... Меня под монастырь сегодня подвел... Короче, Леночка, у меня к тебе не совсем обычная просьба. Если кто тебя начнет расспрашивать о том вечере, ты должна сказать... Вернее, тебе лучше сказать, что тот парень к тебе приставал, а два прохожих, с которыми он потом начал драться, заступились.

— От перемены мест слагаемых сумма не меняется? — рассмеялась Лена, приняв слова Белова за шутку. — Нет, серьезно, что произошло?

— Отнесись к этому с полной ответственностью, — ответил Белов. — И пока не задавай вопросов. Сделай, как я прошу. Сейчас к нам должен прийти майор Абдрашидов, и ты скажешь ему, что Полонский — так фамилия того типа — зачинщик драки. В первый и последний раз прошу сказать неправду, больше этого не повторится, обещаю.

— Здорово же мы начинаем... А может, лучше и не начинать, а, Константин? То, что ты предлагаешь, — нечестно. Оклеветать человека, который пришел мне на выручку — ради чего?

— Ради меня.

Она немного помолчала, потом заговорила вроде бы совсем о другом:

— Хорошо, что сейчас лето, правда?

— Наверное, — сказал сбитый с толку Белов. — Но при чем тут лето?

— А при том, что мне не надо долго собираться, все вещи — на себе. Хочется только, прежде чем уехать, к Абдрашидову вашему зайти, правду ему рассказать. Правда — она ведь вредна только плохим людям, так, Константин? Хорошие от нее не пострадают?

Она ушла не попрощавшись, даже не оглянувшись на что-то растерянно бормотавшего Белова: «Прости... забудем... виноват...» Возле подъезда едва не столкнулась с военным. Уже когда отошла метров на двадцать, подумала: «Может, это и есть тот майор? Ну да ладно, не возвращаться же».

«А ведь может и прийти в часть, она такая», — подумал Белов. И вздрогнул от звонка у входной двери. Кто, Лена? Или замполит?

Вошел Абдрашидов. Поинтересовался, где невеста, услышав, что та срочно побежала на переговорный пункт — надо же было Белову что-то выдумывать, — положил на журнальный столик букет цветов:

— Ей передадите, видно, не дождусь, времени у меня мало. Я вот что, собственно, хочу узнать, Константин: по каким признакам вы определили, что Полонский был в нетрезвом состоянии? Ведь вы видели его мельком, в разгар драки...

— Да нет же, — перебил замполита прапорщик, — когда парни к Лене пристали, она крикнула, и тут же Полонский показался: бежит, шатается, матерится...

— Так не он к Лене приставал? И еще: если вы все это видели, то почему не поспешили на выручку девушке?

Белов почувствовал, что ему не хватает воздуха. Надо же — так проговориться! Как теперь ответить на вопрос Абдрашидова? Сказать правду, что испугался? Испугался и чужих кулаков, и того, что может попасть в отделение милиции. Или что-нибудь придумать поинтересней? Нет, лучше не придумывать. А вдруг Лена действительно захочет встретиться с замполитом?

Он тяжело, судорожно вздохнул и опустился на стул:

— Соврал я в рапорте, товарищ майор...

— И кто сделать это надоумил?

Белов промолчал, опустив голову.

— Старший прапорщик Сташкив?

Он чуть заметно кивнул.

* * *

Абдрашидов шел по вечернему городу и вспоминал слова майора Петкевича о том, что суд не только наказывает, но и оправдывает. Так, видимо, и получится.

А вообще-то довольно необычно проходит его знакомство с коллективом. Необычно потому, что через день в части будет суд чести и каждый сейчас посвоему готовится к разговору о нравственных началах человека. Свои позиции, свои интересы у людей, и ему, Абдрашидову, надо понять, что движет каждым...

«Улица Восточная», — прочел он на одном из домов. Где-то на этой улице живет прапорщик Полонский — он называл свой адрес. Каково сейчас Сташкиву, Белову, Борину? Непросто все, очень непросто...

Задумавшись, он чуть не натолкнулся на женщину, стоявшую посреди аллеи. «Что-то в ней от птицы, — отметил, — от разучившейся летать птицы. Может, тоже какая беда?»

А Анжелика даже не заметила прохожего. Стояла, смотрела на окна противоположного дома и не замечала, как слезы текут по ее щекам...

Игорь РОМАНОВ

ПОЕЗДА
СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

В хатах, избах
Поблекшие малость
Фото —
юных, красивых ребят.
«Это все, что от нас
и осталось», —
Молча губы ребят говорят.
Захожу в эти избы и хаты.
Надеваю очки. И гляжу.
И опять
удалые солдаты
К роковому
бегут
рубежу.
Вот сейчас на высоте заплещет,
Заклокочет огнем пулемет,
И цепочку бегущую наших
На цветущей поляне
Сметет.
Вот сейчас над окопами вскинут
Взрывы
веером бурый песок.
Вот осколки настильные мины
С визгом
В чей-то ударят висок.
Вот уронят сейчас бомбовозы
Капли черные,
цель отыскав.
И обмотки
на белой березе
Трепыхнутся,
Лохмотьями став.
И в леске молодом
Без помехи
Фрицы, наш захватив медсанбат,
Будут плоским штыком
Для утехи
Добивать
безоружных ребят.
А с востока,
Сигналя тревогу,
Эшелоны идут —
далеки...
— Вы, ребятки, куда?
— На подмогу-у!

— Помоги вам всевышний,
сынки.

Так и вижу:
На запад,
на запад
Паровозы
дымы
волокут...
И—теплушек махорочный запах.
И—мальчишечье: «Гитлер капут!»
Как басы проводов
в непогоду,
Слышу,
горестно рельсы гудят —
Поезда
сорок первого года
Развеселых
увозят
ребят.

* * *

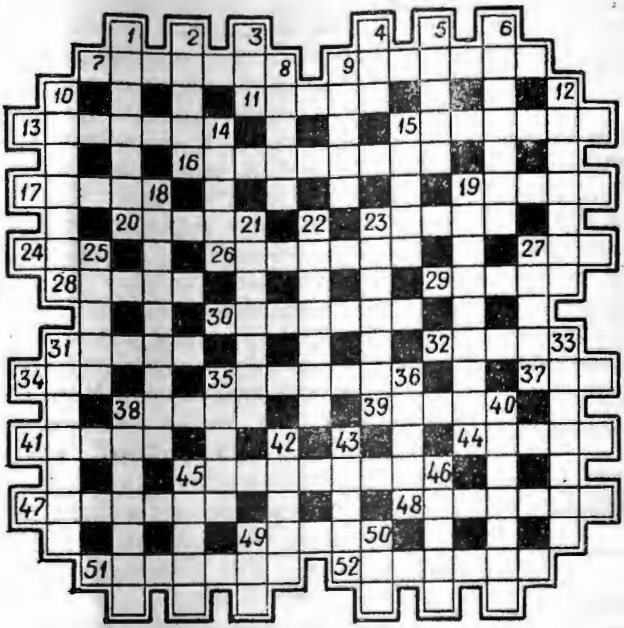
Майор Алексей КАРЕВ

Из детства помню:
Яркий майский полдень
Шумит вокруг меня и надо мной,
Он, кажется, до краешков
заполнен
Цветеньем яблонь, неба синевой.
Сидят в саду отец и дядя Ваня,
У дяди Вани — пышные усы,
Он что-то подбирает на баяне,
Перебирая гулкие басы...
Эх, дядя Ваня,
что ж ты, дядя Ваня,
Не дожил до сегодняшней поры.
Я больше не услышу на баяне
Твоей незабываемой игры.
Я больше не услышу, дядя Ваня,
И все же не забуду никогда,
Как ты шутил:
«Ну что, растем, славяне?
Растем! А значит, горе не беда».
Плескался красный флаг
над сельсоветом,
Пел патефон
с соседского крыльца...
Был день Победы. Я узнал об этом
Тогда от дяди Вани и отца.
Все так и есть.
Нас не коснулись беды.
Родившиеся в мире, в тишине,
Сначала мы узнали о Победе
И лишь потом узнали о войне.

В ЧАСЫ ДОСУГА

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

КРОССВОРД

Задание 12.

Составил В. ПИНЧУК.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Исполнитель подводных работ. 2. Приспособление для облегчения и механизации заряжания орудия. 3. Зубоорудное сверло. 4. Сооружение для стрельбы по мишеням. 5. Орган разведки или походного охранения. 6. Прозрачный выступ в корпусе самолета для размещения вооружения. 8. Чертеж поверхности земли. 9. Пружинящее устройство для подскоков. 10. Устройство в огнестрельном оружии для патронов. 12. Изменение курса. 13. Простейшая грузоподъемная машина. 15. Секрет. 18. Летчик-истребитель, один из первых применивший ночной таран. 19. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 21. Судостроение между портами одной страны. 22. Герой телесериала «Семнадцать мгновений весны». 23. Работник, обслуживающий звукоулавливающие аппараты. 25. Смелчак. 27. Часть ударного механизма. 31. Короткоствольная винтовка. 33. Фортификационное сооружение. 35. Малый военный корабль. 36. Внезапное нападение. 38. Основа для мази. 40. Легкая гребная шлюпка. 42. Маршал, дважды Герой Советского Союза, участник гражданской войны. 43. Летчик-космонавт СССР, впервые в мировой практике совершивший 6 выходов в открытый космос. 45. Массивные столбы, служащие опорой для перекрытия. 46. Солдат монгольской народной армии. 49. Прибор для измерения глубины воды. 50. Передняя часть судна.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Самолет с одним несущим крылом. 9. Оптический прибор для наблюдения за полем боя. 11. Радиолокационная станция. 13. Летчик-североморец, дважды Герой Советского Союза. 15. Упругий элемент подвески боевых и транспортных машин. 16. Операция с целью разгромить прорвавшую оборону группировку противника. 17. Один из вождей Великой французской революции. 19. Искусственный строительный материал. 20. Приспособление в оружии для воспламенения заряда при выстреле. 23. Промежуточная деталь. 24. Общее название самолетов-истребителей. 26. Искусство ведения боя. 27. Система условных обозначений для шифровки. 28. Река в Белоруссии. 29. По-

левое укрепление. 30. Композитор, автор песни «Если завтра война». 31. Юный партизан-разведчик, Герой Советского Союза. 32. Вращающаяся деталь машины. 34. Участник гражданской войны, командир Железной дивизии. 35. Советский государственный и партийный деятель, «всесоюзный староста». 37. Кран для подъема якоря. 38. Маневр в полете. 39. Конструктор вертолетов. 41. Озеро в Приморском крае. 44. Государство на Аравийском полуострове. 45. Боец Сухопутных войск. 47. Геодезический прибор. 48. Город, где был подписан в 1807 г. мир после победы Наполеона I. 49. Советский атомный ледокол. 51. Автор трилогии «Живые и мертвые». 52. Бронированный корабль с малой осадкой.

ЧИТАЙТЕ

В последнее время все чаще заходит речь о «белых пятнах» не только в практике, но и в теории социалистического хозяйствования. Высказывается даже мнение, что политической экономии социализма как таковой не существует...

«Круглый стол»
«Экономическая реформа:
прогнозы и реальности»
был проведен редакцией.

* * *

Может ли офицер предать интересы службы? Как бы хотелось ответить категоричным «нет». Увы, оказывается, может. Причем предательство — слишком тяжелый груз, чтобы нести его в одиночку. И потому без сообщников не обошлось.

Как это произошло —
читайте в корреспонденции
«Оборотни».

В СЛЕДУЮЩЕМ

Сталин облокотился на теплое дерево трибуны, словно бы повиснув на ней, как-то безучастно осмотрел неистовавший зал, потом медленно поднял руку, прося тишины:

— Товарищи... Я очень устал... Я прошу дать мне самоотвод. Прошу, так сказать, отставку...

Ю. Семенов.
Ненаписанные романы.

* * *

О пользе охотничьих навыков в военном деле рассказывает ветеран войск.

Как черепаха сазанов распугала...

Об этом вы узнаете
из материалов
очередного выпуска
«Рыболовам и охотникам».

НОМЕРЕ

ПРИБЛИЖАВШИЕ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

ОБ АВТОРАХ ПЕСНИ

Леонид Викторович Афанасьев — народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

Участник Великой Отечественной войны. В сорок четвертом при освобождении Минска был тяжело ранен, после лечения отправлен домой, но... изменил свой маршрут и вновь оказался в родном полку, принял под командование эскадрилью. Из Вооруженных Сил ушел по состоянию здоровья в 1946 году.

Работает в разных жанрах: симфоническом, камерном, эстрадном, песенном. Написал музыку более чем для семидесяти фильмов. (Среди них такие популярные, как «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», «Евдокия», «Неподсуден».) Многим полюбились его песни «Гляжу в озера синие», «Не грусти», «Как прекрасна жизнь»...

Дороги войны прошел и Евгений Исаевич Янковский: оборонял Москву, бил врага под Сталинградом, штурмовал Кенигсберг, командуя ротой разведки... Интересная деталь: много лет после войны, в начале восьмидесятых, Евгений Исаевич побывал в Калининграде, зашел в музей, в здании которого размещался когда-то штаб его родной 43-й армии, и увидел на одном из стендов фотографию, запечатлевшую обелиск и слова на нем: «Здесь похоронен гвардии старший лейтенант Янковский Е. И.»...

Пришлось сотрудникам музея вносить поправку, что они сделали с большим удовольствием.

Поэт — автор текста песен «Москва сорок первого года», «Рожденная в восемнадцатом», «Большой хоккей», «Наш старина — Арбат»... Специально для Ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД СССР совместно с композитором Л. Печниковым написал песню «В этих самых сапогах» (она была опубликована в нашем журнале).

ВЕСНА.

Фотозйуд старшего прапорщика Н. Белоненко.